

КИРИЛЛ РИДДИК

**ЦЕНОЙ
СВОБОДЫ**

Кирилл Риддик "Ценой свободы"

Посвящается всем тем, кто прошел через стены испытаний...

Глава 1.

- Кипяток брать будем?- с этих трех слов моя жизнь в корне начинала менять свое течение. Никогда не знаешь, когда судьба, одним своим витком, может перевернуть и вычеркнуть все, что еще недавно составляло часть тебя. Казалось бы, что такого в этих словах?! Но именно они были вестниками того не доброго, что произошло накануне. Механизм Системы был запущен, а это значит, что настраивать себя нужно было на самое худшее...

- Кипяток брать будем?- повторился вопрос, который сопровождался несколькими быстрыми ударами массивного ключа о стальную дверь.

Этот звук отдавался болью в голове и заставлял сознание проснуться. Каждый удар казался таким тяжелым, будто его можно было взвесить. Он причинял боль, хоть и не касался меня физически.

Тук-тук-тук,- пронзало все мое сознание и напоминало о повисшем в воздухе вопросе.

- Нет!- раздражительно крикнул я куда-то в пустоту, с трудом разлепляя губы. За то время пока я спал, кровь их склеила, словно клеем.

Я пытался приподнять голову, чтоб понять в чем дело, но она оказалась такой тяжелой и больной, что я решил ее временно не беспокоить. Мое, еще не полностью проснувшееся сознание, начало вновь проваливаться в небытие... Перед глазами проплывало стандартное утро, со всеми его красками и ощущениями. Моей девушки уже не было в постели, но из кухни доносились звуки ее самодеятельности. Из окна на меня были нацелены теплые лучи утреннего солнца. В это время они еще не такие палящие, какие будут ближе к обеду. Я улыбался им и, вытянув руки вверх, а ступни оттягивая вниз, приятно потягивался.

- Сонь,- повысил я голос, чтоб быть услышанным,- родная, поставь чайничек.

- Угу...- донесся до меня голос Сони и следом включилась музыка.

На фоне домашнего быта заиграла композиция Ультиматума - Теплый снег. Это одна из оловых, облюбленных песен Сони, которая и у меня вызывала не меньше симпатий.

- Будем жить,
Будем жить назло врагам,
Будем плыть,
Будем плыть по холодным морям,
Будем знать,
Будем знать, что никто нам не скажет "прощай",
Будем ждать,
Будем ждать сколько нас не бросай.

За рассвет, закат!
Будет рай и будет ад,
За мечту, за обман!
За грозу и за туман,- доносилось с кухни.

Благодаря музыке я набирал положительный заряд на весь день. Как известно она способна изменить настроение и придать сил, побуждений для продуктивного дня. Тем временем фон сменился немецким коллективом группы Sturmwehr.

- Сделай погромче,- крикнул я, надевая шорты.

Звук возрос и удары басов отдавались у меня в груди. С их нарастанием учащался и ритм сердца, гоня кровь еще быстрее. Я из той категории людей, которые любят слушать музыку громко, или, как скажут некоторые: на полную катушку. Соседи не разделяют моих музыкальных предпочтений, но я и не нарушаю их отдых поздними вечерами. Все справедливо...

Рядом с кроватью, с краю стола, лежал телефон, который я тут же проверил на наличие пропущенных звонков и сообщений. Таковых не было. Во многих местах квартиры пол скрипел и по этому скрипу я слышал приближающиеся шаги Сони. Позади меня приоткрылась дверь в комнату и грубый бас произнес: - Кипяток брать будем?

Эта фраза, словно мощным напором, выбила меня из дремоты, возвращая сознание. Я не полностью приоткрыл глаза, которые тут же прорезал свет одинокой лампы. Веки, как по инерции сомкнулись, даря прежний покой зрачкам.

- "Ах, черт!"- с досадой подумал я, щурясь, но все же размыкая глаза.

Я понимал всю пагубную ситуацию, в которой находился теперь. Интерьер сменился четырьмя сине-белыми стенами, изрядно обшарпанными временем, в одной из которых виднелась массивная дверь с глазком и небольшой дверкой посередине. В здешних местах этот глазок принято называть "волчком", а небольшую дверку "кормушкой", так как именно через нее происходит процесс передачи баланды заключенным. Перед

дверью находилась еще одна дверь, представляющая из себя сваренные между собой прутья арматуры, в виде сетки, с небольшим окошком напротив "кормушки". Она так же запиралась на ключ. Эта сетчатая дверь имела название "скелета", так как напоминала кости двери, а также ее называли "тормозами", потому, что служила дополнительным препятствием для входа или выхода. Над ней висел ночник, заключенный в стальной, сетчатый каркас, чтоб нельзя было дотянуться до лампочки. Такой же каркас прикрывал и дневную лампочку. Хотя одна из этих ламп должна была быть включенной в любое время суток, чтоб надзиратель, или, как его еще именуют, - дубак или вертухай, мог всегда лицезреть заключенного в "волчок". В углу, рядом с дверью, расположился санитарный узел или, если говорить на тюремном языке,- "дольняк". "Долина экскрементов" состояла из отверстия ("лунки"), которая уходила в канализацию, и "педалей", на которые ставились ноги. Небольшая, Г-образная стенка служила прикрытием нагиша во время посещения "долины" и на местном жаргоне называлась не иначе, как "гребень". Рядом с "дольняком", на уровне этого самого "гребня" висел умывальник, раковина которого была выполнена из нержавеющей стали, а ее сток, сделанный из отрезка шланга, вел прямоком в лунку "долины".

Я с трудом оторвал голову от подушки, на которой не было наволочки, но темные пятна на грубом материале говорили о наличии крови, стекшей за ночь из моих губ. Все тело болело, словно на нем не было живого места. "Или действительно не было?!" Об этом я мог лишь гадать, так как себя я мог сравнить разве что с одной сплошной гематомой. В одних частях тела мышцы болели, а в других стонали, как будто их натянули и оставили в постоянном напряжении. Преодолев тяжесть подъема, я все-таки встал с двухъярусной шконки, верхний ярус которой был пуст. У противоположной стены от двери расположился железный, небольшой стол, один край которого был зацементирован в стену, а его единственная ножка, по центру, в пол. Таким образом был выполнен и зафиксирован стул. Почти у самого потолка, над столом, было маленькое окошко, защищенное решеткой. Через него практически не поступал свет, но зато его можно было приоткрыть, если потянуть за веревочку, привязанную к решетке. С краю от стола висела небольшая батарея, которая включалась в отопительный сезон. И хоть на улице был август месяц, я ощущал холод, сотрясающий мое тело. Скрестив руки на груди, я направился к батарее, которая олицетворяла тепло, но притронувшись к ней почувствовал лишь холод железа. Тут я было присел на стул, но и он был холодным, как ледышка. Озноб до костей пробирал мое тело... Не найдя более теплого местечка, я вернулся на шконку, матрац которой можно было сравнить разве что с тряпкой, сложенной вдвое. Меня повсюду настигал холод, от которого было никуда не деться. В камере была повышенная влажность из-за того, что она находилась в подвале здания. Именно влажность и создавала низкую температуру, а дожди, выпавшие на конец лета, были ей верными спутниками.

Мой мозг еще не полностью включился в работу, из-за чего упускал и не замечал многих вещей. Он просто отказывался думать над чем-либо, кроме как о холоде и возможностях согреться. Физические упражнения хорошо гоняют кровь по организму и согревают тело, но они были мне непосильны. Одежда на мне была на удивление очень

свободна, я бы даже сказал велика, и только теперь до меня дошло, что вещи были чужими. Черная рубаша висела на мне словно мешок. Ее рукава были закатаны и только в таком состоянии достигали кистей. Темные джинсы с серыми потертостями стягивали две коротких веревочки, размером не больше 10 сантиметров. Несколько петель, куда обычно продевается ремень, были связаны этими веревочками так, чтоб не спадали джинсы. Судя по их размеру, они явно принадлежали дяде внушительных габаритов. В одну их штанину я мог спокойно поместить обе свои ноги. И завершали весь этот наряд разорванные кроссовки. Теперь я вспомнил, что вчера мою одежду забрали на экспертизу, а взамен выдали это тряпье гигантских размеров.

Совсем недавно я еще был на свободе, которая в одно мгновение сменилась ледяными стенами. Холод... Он был и во мне, и вокруг меня. Я ощущал его изнутри, будто опустошили душу, не оставив ничего взамен. Но это были лишь первые впечатления. Внутри меня продолжали жить идеи, которые никаким системным псам было не выбить. Во мне по-прежнему хранилась Верность принципам, идеалам и однажды выбранному пути. Во мне горел огонек любви, подпитываемый теплом моих родных и близких. Все это не давало мне угаснуть и въелось так прочно, точно было частью жизненно важных процессов организма.

Я поднес ладони к лицу, чтобы проверить наличие опухолей на нем. Они имелись, но, как ни странно, не таких размеров, какими я их представлял. Мне сразу же захотелось взглянуть на себя в зеркало, но пробежав глазами по стенам, нигде его не обнаружил.

- "Стоп! - сказал я себе. - Ты не о том думаешь... Сейчас нужно думать о том, что будет дальше. Что будет говорить каждый из подельников? Как они себя поведут? Какие дадут показания или, быть может, вовсе откажутся от них?"

Вопросов было много, но ответы на них было найти трудно, особенно на данном этапе. Приходилось гадать и представлять все варианты развития событий. Но одно я знал точно - нас взяли троих. Пока троих...

Голова была похожа на дом советов, где мысли появлялись в таком количестве, что мозг не успевал их обдумывать. Мысли путались с болью, которая порой поглощала их, не дав развиться. Каша - так обычно называют подобное состояние внутри головы. И мне эта каша была не по вкусу, так как от нее боль становилась еще сильнее.

- "Соберись,- сказал я себе. - Тебе нужно сосредоточиться на деле и его обстоятельствах. Что у них есть на тебя? Как на тебя вообще вышли?"

Я снова растянулся на шконке и закрыл глаза, вспоминая события вчерашнего дня. Утро выдалось бурным... Еще не проснувшись, я услышал стук в дверь. Соня в это время стояла напротив кровати, перед зеркалом, расчесывая волосы. Этот звук отвлек ее

от привычного занятия и она, замерев с расческой в волосах, сквозь зеркало смотрела на меня.

- Радислав, там кто-то в дверь стучит,- обратилась она ко мне, с беспокойством на лице.

Вечерняя акция забрала не мало сил и теперь я старался их восстановить. Сон не отпускал меня, а внутренний голос, создавая беспокойство, пытался вырвать мое сознание из лап Морфея. Соня, не дождавшись моей реакции, вышла из комнаты и направилась к двери. Я протянул руку к телефону и взглянул на часы. Время было 6 утра. Мы с Соней жили отдельно и моя Мама нас частенько навещала, но не в такое раннее время. Вот тут меня охватило настоящее беспокойство. Я скинул с себя одеяло и подорвался к окошку. Окно комнаты выходило на задний двор дома, а второй этаж был не так уж высок, как казалось. Тем более внизу находилась разная растительность, которая смягчила бы мое приземление. Да я и не задумывался о возможных последствиях падения. Важным было одно - избежать ареста. Выглянув из окошка, я заметил двоих, крепкого телосложения мужчин, которые тоже увидели меня и их руки скользнули назад к поясу брюк. В следующий момент, на меня уже смотрели два дула пистолетов.

- "Обложили,- промелькнуло в голове."

В это время, в прихожей, послышался шум, который сопровождался визгом Сони и мужскими голосами. Дверь в комнату стремительно распахнулась и несколько крепких ребят положили меня лицом в пол. Сказать "положили" - это значит придать тем действиям не свойственную мягкость. Я сам не понял, как ноги вылетели из-под меня, руки вывернуло в обратную сторону, а пол, в ту же секунду, стал параллельным моему телу. На лицо наступила нога, которая плотно прижала голову к полу, а сталь наручников сжала мои запястья. Подобное я видел только в фильмах. Знать не все в них так наигранно...

- Белов Радислав Александрович? - послышался грубый бас надо мной.

- "То есть они сначала вот так принимают, а только потом уточняют личность?" - подумал я, но ответил положительно.

Отрицать не имело смысла. Я давно был у легавых в разработке. Да еще была судимость с условным сроком, которую я получил три месяца назад за накрыв антифашистов. Даже если бы я сказал, что не являюсь тем человеком, о котором они говорят, меня бы в любом случае не отпустили.

- Что случилось? - навзрыд спрашивала Соня у системных псов, которые тут же разбрелись по квартире в поисках улики.

Соня прекрасно знала мою деятельность и события минувшего дня. После акции, я позвонил ей и сообщил, что нахожусь недалеко от ее работы и мы могли бы встретиться, чтобы вместе отправиться домой. Соня работала в одном из отделов центрального универмага и еще не представляла в каком виде ей предстоит увидеть меня. Я старался идти закоулками, избегая наиболее людные места и центральные дороги, хоть это и было проблематично. Мой вид повсюду ловил на себе взгляды прохожих. Глупо было бы не привлечь внимание обывателей, идущему, по торс раздетому, парню, в темно-красных джинсах, которые еще недавно были светло-голубыми. Через плечо у меня свисала сумка, в которой лежало, разорванное и перепачканное кровью, белое поло "Fred Perry". В руке я сжимал сложенный раскладной нож, который достал только по дороге к универмагу. Тот нож, который был использован в нашей акции прямого действия, я скинул еще при ретировании с места событий. Сжимая нож, я был готов ударить им легавых, которые решили бы меня задержать. Но таких не было. Миновав путь до универмага, мы, наконец, встретились с Соней. Ее глаза уже через минуту нашего разговора стали масляными, а спустя еще недолгое время разразились слезами. Мне было жалко ее, за то, что у нее был такой парень, как я. Мой образ жизни был для нее серьезной нервотрепкой, но по-другому я жить не мог. Теперь Соня повторяла один и тот же вопрос, на который знала ответ, но ей хотелось, чтоб на него ответили легавые.

- Что случилось? - снова, сквозь слезы, спросила она.

Ее игнорировали, делая вид, что не замечают. Но Соня не сдавалась и, раз за разом, озвучивала вопрос вновь.

- Он подозревается в убийстве,- наконец, ответил один из легавых. - Уведите его.

Двое сотрудников подняли меня под локти и в этот момент наши с Соней взгляды встретились. Слезы стекали по ее щекам, деля лицо на три части. Ее глаза смотрели на меня с какой-то надеждой, что, мол, может быть все это ей снится? Или это чей-то неудачный розыгрыш? Но это была суровая реальность...

Из дремоты меня выбил шум, доносившийся из коридора. Звон ключей, шаги ботинок и неразборчивые, хоть и громкие голоса, просачивались ко мне в камеру. Совсем скоро к двери приблизились шаги, отдававшиеся эхом в коридоре. Задвижка "волчка" шаркнула, отъехав в сторону, и теперь в нем возник глаз, наблюдающий за мной. Я все так же лежал на шконке, лишь немного приоткрыв глаза. Массивный ключ несколько раз ударил по двери так, что звук стали наполнил камеру. Затем он пролез в замочную скважину и отпер дверь. В дверном проеме возник высокий человек в синем камуфляже, который начал отпирать "тормоза".

- Выходим! - голосом, без каких-либо эмоций, сказал он.- Руки за спину, лицом к стене.

- Куда меня? - спросил я, подымаясь со шконки.

- Узнаешь,- коротко ответил дубак. - Пошевеливайся!

Я вышел из камеры и, сомкнув руки позади себя, встал к стене. Так же, когда-то выводили из сталинских тюрем и говорили следовать прямо по коридору, где в один миг, выстрел обрывал жизнь заключенного. Я огляделся и увидел, что по обеим сторонам коридора шли камеры. А в конце находилась решетка, которая завершала коридор и дальше уже стоял стол, за которым вел службу дубак. За столом, вдоль стен были расположены еще двери, но уже без "кормушек", зато с "волчками".

- Проходим,- сказал дубак, закрыв дверь и показывая в сторону своего поста.

Я развернулся и последовал в указанном направлении.

- Держим руки за спиной,- добавил он, когда я разомкнул их, расправив в привычном положении.

Я снова сцепил руки за спиной и в этот момент увидел двух ЦПЭшников (Центр Противодействия Экстремизму), с любезными улыбками встречающих меня впереди. Более тесный "разговор" я имел с ними вчера. Один из них достал наручники и сразу же нацепил мне их на руки.

- Как спалось? - с ехидной улыбкой спросил тот, что был низкого роста, коренастый, со сросшейся бровью чурбан.

В правых кругах, в основном среди тех, кто побывал в ЦПЭ, его знали как "Бровь". Собственно, само погоняло говорило о его отличительной внешней черте. Отвечать этому чурбану не имело никакого смысла, да я и не горел желанием, как и не считал это нужным. Бровь задал этот вопрос не потому, что его это волновало, а потому что этим вопросом хотел напомнить мне вчерашний день. Второй из ЦПЭшников был среднего роста, щупленький, с залысиной на голове, в очках и уже в годах мужчина. Его звали Сташенко Валерий Валерьевич. Вообще ЦПЭ - это сборище "зверей" и полукровок, когда-то попавших под прицел правой молодежи, но оставшихся в живых, либо просто унтерменши, обиженные жизнью и не влюбившие правое движение в силу каких-то обстоятельств. Они перекинулись несколькими фразами с надзирателем и, расписавшись в журнале, провели меня к своему автомобилю. В нем нас уже дожидался водитель, который тут же завел мотор. Это был худенький парень, с ярко выраженными скулами и темными волосами. На вид не больше тридцати лет и по-видимому новенький, так как молчал и еще не успел раздухариться, как его коллеги. Меня посадили на заднее сидение и двое легавых,

сопровождающих до машины, расселись с обеих сторон. Что меня ожидало впереди? Куда меня повезут? Я мог лишь только догадываться...

За время нашего пути мне задали только один вопрос о том, не хочу ли я с ними пойти на контакт и дать показания. В ответ я молчал, давая понять, что не желаю не только не давать показания, но и вообще говорить с ними. Еще вчера, когда я находился у следователя и мне предоставили государственного адвоката, я отказался от него и взял 51 статью Конституции РФ, которая гласит о том, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом. Что касается государственного адвоката, то это была женщина в годах, пытающаяся меня убедить, что будет лучше, если я дам признательные показания. Естественно такие адвокаты работают в команде с системными псами и будут подговаривать говорить и делать так, как это выгодно следствию. Поэтому первое, что я сделал - отказался от такого адвоката.

Недолго проехав, Валерий Валерьевич достал минеральную воду и сказал, чтобы я умылся. Он понемногу лил мне в ладони, а затем указывал места, где оставалась кровь. Я был удивлен и насторожен подобной любезностью с его стороны. Ведь еще вчера он забивал меня без малейшей жалости.

- "Может хочет показать себя с другой стороны и тем самым войти ко мне в доверие, склонив меня к даче показаний?" - подумал я.

Но дело было совершенно в другом. Автомобиль остановился возле одной из больниц, куда меня повели на медицинское освидетельствование. Я шел одетый, как бомж, в вещах, которые были велики мне на несколько размеров, по длинным коридорам больницы. Рядом с кабинетами сидело много народу, которые глазели на меня и переговаривались между собой. В их глазах я видел презрение и отвращение. Возможно наручники, надетые на меня, говорил им о том, что я совершил преступление, за которое должен понести наказание, но они не знали, да и вряд ли поняли бы, что моя борьба была направлена ради светлого будущего и будущего белых детей. И если то, что я сделал можно назвать преступлением, то я уверен, что среди них находились и те, кто совершил более серьезные и страшные преступления, которые были направлены против Расы и крови. Я шел, путаясь в широких штанах и запинаясь порванными подошвами кроссовок. Еще когда автомобиль остановился возле больницы, Бровь перестегнул наручники, пристегнув одну их сторону к себе на руку. Теперь мы были скованы с ним стальными браслетами. Это была перестраховка, на случай, если мне вдруг вздумается убежать. Бровь вел меня по коридору, постоянно подгоняя вперед, а я тормозил из-за превышающей в размерах одежды.

- Давай, давай,- твердил он. - Шевели копытами.

Мы без очереди зашли в один из кабинетов. Первым вошел Валерий Валерьевич, который в дружественной, неофициальной форме пожал руку врачу.

- Вот фашиста тебе привели,- кивая на меня, сказал ЦПЭшник. - Серег, оформим по-быстрому, а то сейчас еще кататься по городу, этого обратно в ИВС (Изолятор временного содержания) везти и в "криминальную" нужно будет заскочить.

- Валер, ты как всегда весь в делах,- усмехнулся врач, надевая очки.

- Вот такие работы и прибавляют,- ЦПЭшник снова показал на меня.

- Я смотрю вы уже тесно успели с ним "побеседовать",- заметил Сергей, осматривая меня.

- Ну а как с ними по-другому? - ухмыльнулся Валерий Валерьевич.

Врач вернулся к столу, на котором взял уже готовый бланк с изображением человека. На нем ему предстояло отметить все видимые раны и побои, имеющиеся на моем теле. Сергей, как его назвал легавый, не вставая из-за стола, беглым взглядом еще раз посмотрел на меня и заключил, что особо видимых побоев не наблюдает.

- Что? - вырвалось из моих уст. - Да вы посмотрите хотя бы голову...

- Молодой человек,- приспустив на переносицу очки, сказал врач,- я вижу вашу голову. Не нужно меня учить, что делать. Я работаю тут не первый год.

- Рот свой закрой,- тут же обратился ко мне, стоящий рядом Бровь. - Не мешай человеку работать. Когда тебя спросят, тогда и будешь варешку разевать.

Врач снова принялся что-то писать в бланке, пометив черточкой на картинке район правого запястья. Поставив печать и расписавшись, он передал лист Валерию Валерьевичу.

- Ну теперь в путь! - радостно заявил последний, пожав руку Сергею.

На обратной дороге я размышлял, как же хитро у них все устроено. Одни прикрывают других... Как говорят: рука руку моет. Система выработана так, что найти правду не получится. Те же врачи и то оказались впутаны в этот преступный синдикат. Меня переполняла злость, а вместе с ней чередовалось какое-то отчаяние, будто все были заодно против меня. Хотя так оно и было. В глазах обывателей я был преступник, а Система пустила все свои звенья, чтоб уничтожить меня морально, сломить дух, лишит молодости и заковать, на сколько это возможно, в свои казематы.

- "Да и черт с ними со всеми! - сказал я себе. - Пусть подавятся и захлебнутся в своей желчи. На карту поставлены судьбы камерадов, которые я уверен, что продолжат нашу борьбу. Борьба продолжится на зло всем врагам! Мы докажем всем силу наших идей, которая отразится триумфом в недалеком будущем."

Через каких-то пол часа я снова оказался в четырех холодных стенах. На улице было намного теплее, чем в камере, несмотря на то, что прошел дождь. Озноб сразу же окутал меня, как только мы спустились в коридор ИВСа. ЦПЭшники передали меня дубаку, который сразу же сопровождал до камеры. В ней меня ждал сюрприз. Раскоцав дверь, сквозь "тормоза" я увидел парня, который тут же поднялся со шконки.

- Проходим,- сказал дубак, открыв "тормоза".

Я зашел и обе двери позади меня захлопнулись. Парень, что стоял напротив был высокого роста, коротко стриженный, с лицом, которое изрядно истаскала жизнь. На нем была синяя футболка, черные спортивные штаны с тремя белыми полосками по бокам и кроссовки без шнурков. Руки были покрыты тюремными татуировками, именуемыми "партаками", из-за их качества.

- Здорова были! - сказал парень и присел на стул, рядом со столом, сложив ногу на ногу.

- Привет,- ответил я и сел на шконку.

- Что за беда у тебя? - спросил он.

- В смысле? - не понял я.

- За что закрыли? - парень пояснил свой вопрос.

- Убийство. А тебя за что?

- Вымогательство,- как-то протянул он это слово, будто оно было ему чуждо и противно. - Да дьявол один задолжал мне. Вроде нормально договорились, что в назначенное время отдаст. Прихожу, а там облава мусорская. Представляешь, контрацептив какой! А ты кого вальнул?

- Никого,- ответил я.- Сам еще не пойму...

Я рос в таком районе, где большинство молодежи были сидевшими. Да и некоторые из камерадов отбывали срока. Поэтому я был наслышан про тюрьмы и жизнь в них, хоть и представлял себе все совсем иначе. Один из моих приятелей говорил: главное не болтать лишнего. Здесь нужно держать язык за зубами. Следствие это такая непредсказуемая штука, что не знаешь, как и в какой миг может измениться его направление.

- Мусора значит вешают?- продолжал парень.- Они такие, старина... Им лишь бы галочку о раскрываемости поставить. Меня, кстати, Диман зовут, "Длинным" кличут. - Он привстал и протянул руку.

- Радислав,- я так же в ответ протянул ему руку.

- Редкое имя,- заметил сокамерник, улыбнувшись редкими гнилыми зубами.

Я тоже улыбнулся в ответ.

- А у вас в каком районе делюга-то? - спросил Длинный.

- Я же говорю, что толком еще ничего не знаю,- ответил я, раскинувшись на шконке.

- Как так? - недоумевал Диман.- Тебе же обвинение предъявляли... Должны были сказать.

- Да я уже не помню.

- Нормально они тебе лампочку встряхнули,- заметил сокамерник. - Нет курить?

- Не курю,- ответил я.

Длинный замолчал на какое-то время, а я тем временем впал в раздумья. Мне не хотелось разговаривать, и я пытался обдумывать все происходящее вокруг меня. Поэтому и мои ответы были неохотными. А сокамерник попался уж больно разговорчивый. Такие любят поболтать обо всем и не о чем.

- Давно ты тут?- вновь поинтересовался Длинный.

Я было хотел достать из кармана телефон, чтоб посмотреть время, как обычно это делал, но потом вспомнил, что его у меня нет. Привычка - она штука такая.

- Со вчерашнего вечера,- ответил я и направился к умывальнику.

Меня мучила жажда, а заодно хотелось умыть лицо. Не помешало бы почистить зубы, но у меня даже не было зубной щетки. На кране было два винтеля: красного и синего цветов. Я начал вертеть тот, что был красного цвета и, следовательно, должна была политься горячая вода. Но кран не издал даже звука. Следом, я открыл синий вентиль и тогда побежала холодная вода.

- Горячую отключили,- сказал я вслух, набирая в ладонь воды, чтобы попить. Вода мне показалась с каким-то привкусом.

- Ты серьезно? - улыбнулся Длинный.

- Ну конечно! - ответил я, закрывая синий вентиль и открывая красный, как бы в подтверждение своих слов. - Только холодная.

- Да я не про это,- сказал сокамерник, усмехаясь. - Радислав, в таких учреждениях вообще нет горячей воды,- объяснил он.- Зоны, тюрьмы, ИВС - везде только холодная вода. Исключение только для больнички, которая находится при этих учреждениях и для камер, где содержатся малолетки. Про горячую воду можешь вообще забыть пока. Неужели ты думаешь, что государство будет греть воду для заключенных?

- Ну да...- согласился я и вернулся обратно на шконку. Я еще не понимал, как можно обходиться без горячей воды.

На коридоре послышался шум: звон тарелок, шагов, голосов и ключей. Я повернул голову в сторону двери и прислушался, чтоб понять, что происходит.

- Обед,- радостно хлопнул в ладоши Длинный. - На завтрак нормально кормили?

- Завтрак? - переспросил я.- Но я не завтракал. Меня на медицинское освидетельствование увезли.

И тут-то я сам себе задал вопрос: а когда я вообще последний раз ел? Кажется, это было вчера... Хотя нет. Вчера меня с самого утра скрутили ЦПЭшники, а после, весь день, выбивали показания. Значит это было позавчера? Да, кажется так оно и есть.

- Ладно, сейчас посмотрим, чем нас на обед подчивать будут,- сказал Длинный и подошел к двери.

Мой желудок начал урчать, подавая признаки жизни. Я был ужасно голоден, быть может поэтому и не было во мне сил. Я вообще не помню, чтоб когда-то в жизни испытывал такой голод, как сейчас. Во рту обильно начали вырабатываться слюни, которые я тут же глотал.

Наконец очередь дошла и до нас. Я слышал, как тележка остановилась возле нашей двери. Загремели тарелки и после этого открылась "кормушка".

- Обед берем,- сказал женский голос оттуда.

Я наклонился пониже, чтоб посмотреть чей это был голос. На коридоре стояла женщина в камуфляже, которая и подавала нам миниатюрные тарелки. Я пытался рассмотреть ее лицо, но из-за того, что она находилась близко к "кормушке", мне было видно ее только по грудь. Длинный принимал у нее алюминиевые тарелки и передавал мне, а я, в свою очередь, ставил их на стол. Такие тарелки быстро нагревались и жгли пальцы. Поэтому я, со всей осторожностью, как можно быстрее, старался переправить их на стол.

- Ооо... макаррики!- сказал Длинный, передавая мне очередную шлемку.- А в тюрьме сегодня макароны...- шутя, цитировал он известную фразу из фильма.

Передача еды закончилась и дубачка тут же закрыла "кормушку". На нашем столе, именованном здесь "общаком", лежали два куска хлеба, две алюминиевые ложки и четыре тарелки, две из которых были с супом быстрого приготовления, а другие две с переваренными макаронами, которые больше походили на кашу. Я присел за единственный стул и, взяв одну из ложек, опустил ее в суп. Длинный поставил одну ногу на батарею и, облокотившись на нее, наклонился над столом.

- Мне не привыкать,- с гордостью сказал он, жадно откусывая хлеб. - Первым сроком на 9-ке сидел под крышей, так в один из шмонов у нас хату перевернули так, что все лавочки разобрали за общаком... Звери! Так и ели какое-то время стоя. А вообще привыкать к удобствам не стоит. Тюрьма бывает так все повернет, что на бетонном полу придется сидеть и спать. Уж я-то повидал за свои отсиженные не мало такого "добра".

Употребив слово "тюрьма", в данном контексте, Длинный подразумевал все системные учреждения для заключенных, обобщив их одним словом. А вообще, на жаргоне принято называть тюрьмой те учреждения, которые имеют камерный тип.

- Под крышей? - переспросил я, не совсем понимая смысл этой фразы.

- Ну в смысле то в изоляторе сидел, то на строгих условиях отбывания наказания находился, как злостный нарушитель режима,- пояснял сокамерник сквозь набитый едой рот. - Крышей на лагере называют: изолятор, БУР (Барак Усиленного Режима), ОСУС (Отряд Строгих Условий Содержания) и ЕПКТ (Единое Помещение Камерного Типа), так как все эти помещения являются дисциплинарной формой отбывания наказания за нарушения. Для начала зек может ограничиться устными выговорами. Потом изолятора дают до 15 суток. Ну а если нарушаешь режим постоянно, то могут поместить в БУР или ОСУС. Для арестантов крыша является одним из святых мест.

- Понял теперь,- сказал я, вымыв за это время руки и вернувшись обратно за "общак".

В одну руку я взял хлеб, а другой схватившись за ложку, которую недавно оставил в супе, тут же откинул ее обратно. Алюминий быстро нагревается и за недолгое время становится таким горячим, что рука не терпит такой температуры.

- Кусается? - засмеялся сокамерник, сам профессионально работая ложкой. - Ты вытащи ее из тарелки, а то она у тебя так и будет горячая. Подержи на весу или на стол положи, она быстро остынет.

Так я и сделал. Немного разогнув рукав, взял им, как перчаткой, ложку и стал дуть на нее. Прошли какие-то секунды, как она приобрела терпимую для руки температуру. А еще через совсем незначительное время ложка и вовсе остыла. Я принялся кушать с таким аппетитом, что и не понял вкуса супа. Хотя, это может и потому, что его было всего каких-то несколько ложек, которые уместились в эту миниатюрную шлемку. Следом я принялся уничтожать макароны, показавшиеся мне обычным тестом. Только успев отведать их ложку, как у двери снова слышались шаги и раскрылась "кормушка".

- Чай берем,- сказала дубачка, поставив на дверку "кормушки" две алюминиевых кружки.

Пока я вставал со стула и подходил, она успела наполнить обе кружки чаем.

- Аккуратнее бери, кипяток,- предостерегла она, немного наклонившись вниз.

Я, в это время, тоже нагнулся ниже, чтоб видеть источник звука и разогнуть рукава рубашки. Теперь передо мной предстало лицо женщины, у которой, как мне показалось, были добрые глаза. Тот грубый голос, звучавший из-за двери, будто принадлежал не ей, а какому-то другому человеку. Я взял в руки обе кружки и "кормушка" в тот же миг захлопнулась. Пар, исходящий от чая, поднимался вверх и служил визуальным символом тепла, от которого становилось теплее и на душе. Я поставил обе кружки на стол, а сам принялся к потреблению макарон. Длинный, тем временем, уже расправился с пищей и сидел, ковыряя в зубах обломком спички.

- Тебе сколько лет-то? - вдруг поинтересовался он.

- Девятнадцать,- ответил я, проглатывая последнюю ложку макарон.

- Молодой совсем,- заключил Длинный и дальше начались философские рассуждения бывалого прожигателя жизни. Ранее мне еще не приходилось слышать подобного восхваления аморального образа жизни. Диман гордился им, словно в нем и заключалась вся изюминка прожитых годов. Не будь ее жизнь не имела бы смысла. Его устраивало абсолютно все. А свое, уже не первое, место пребывания в здешних стенах, он называл романтикой. Длинный делился со мной, какой жестокий путь ему предстояло пройти от рядового "мужика" до блатного.

- Мужик,- говорил он,- это порядочный арестант, которому не чуждо "общее". Мужики на лагерях составляют общую массу. На них и держится зона.

Я услышал еще много разных понятий за короткий промежуток времени, которые отказывались восприниматься моим мозгом для понимания, пока нас не прервал очередной щелчок затвора и звук открывающейся "кормушки".

- Сдаем посуду,- сказал грубый женский голос, за которым прятались совершенно добрые глаза.

Длинный направился первым к двери, а я, тем временем, решил быстро сполоснуть посуду из которой ел, хотя бы холодной водой, так как не было возможности вымыть.

- Да брось ты,- сказал Диман, когда я уже заканчивал процедуру. - Сами вымоют!

Я передал ему посуду, а он отдал ее дубачке. "Кормушка" захлопнулась и Длинный вернулся к столу, сев на стул.

- Выдерни "морковку", а то поплывем тут,- сказал он и я только сейчас увидел, что дольняк был почти целиком наполнен водой.

"Морковка" - это такое инженерное устройство заключенного, которое затыкает "лунку" дольняка, тем самым не давая воде уходить в нее. Когда вода, которая стекает из крана прямо в дольняк, заполняет его, "морковку" выдергивают за веревку, привязанную к трубе или умывальнику, тогда вода напором уходит в "лунку", образуя эффект смыва. Саму "морковку" обычно изготавливают из пакета, который набивают мякотью хлеба. При такой начинке, "морковка" приобретает конусную форму, которая плотно затыкает "лунку". Сверху пакет стягивается веревкой, и она привязывается к раковине, либо рядом с ней. "Морковка" так же служит и средством от мерзкого запаха, который исходит из "лунки". И как бы сказали в слогане рекламы: простое решение двух проблем.

Выдернув "морковку" я вернулся на шконку. Горячая пища хорошо согревала и придавала сил, поэтому я уже не ощущал холода и голода.

- Старина, в следующий раз нечего им тарелки намыывать,- обратился ко мне Длинный. - Пусть сами моют. Это их работа.

- Ну я же ел из нее! - возразил я.

- И чего? Ты ешь, они моют. Так и должно быть,- сказал сокамерник. -

Привыкай! В конце концов они за это деньги получают!

Человеку, не получившему элементарного воспитания и самостоятельности, трудно объяснить эти моменты уже на данной стадии развития. А если быть точнее - деградации. Длинному было немного за тридцать и существовал он в основном за счет средств родителей и мелких краж. Воспитание он получил в здешних стенах, а самостоятельно мог лишь что-нибудь украсть и то, судя по его ходкам, крадун из него был никудышный.

- Диман, давай я сам разберусь с этим?!- прозвучал мой ответ, который немного остепенил сокамерника.

- Ну смотри сам,- сказал Длинный. - Дело твое конечно.

Воцарилось молчание, которое продлилось недолго.

- Что задумался? - спросил Диман. - За делюгу гонишь? Все нормально будет...

- Надеюсь,- ответил я, скептически воспринимая его слова. - "Я уже здесь, а это значит, что ничего нормального из этого не выйдет",- пронеслось в голове.

- Смотри по ситуации,- продолжил Длинный. - Бывает лучше пойти в сознанку, чем отрицать. Так срок скинут. Да и лучше одному грузиться за все.

- "Одному? - повторил я про себя. - Но я ему не говорил, что у меня есть

подельники..."

- А с чего ты взял, что я не один по делу? - уже в слух озвучил я.

- Я и не говорю, что ты не один,- ответил сокамерник. - Просто сразу предупредил на тот случай, если вас несколько по делюге проходит...

Подкрепившись пищей, мой мозг кажется начал более активную деятельность. Теперь я мог анализировать слова собеседника, который помимо того, что был шибко разговорчивым, еще и виделся мне странным.

- "А у вас в каком районе делюга-то?"- спрашивал меня недавно Длинный.

Ведь этот вопрос был тоже в множественном числе... Но делать выводы было еще рано.

- Я вообще в тот день у "Мутного" на работе был,- умышленно оправдывался я.- А они мне труп вешают.

Естественно никаких знакомых с погонялом "Мутный" у меня не было. Нужно было проверить тот ли человек Длинный, за кого себя выдает.

- Хорошо бы было, если он подтвердил это,- сказал Диман. - Да с его работы, чтоб кто-нибудь подтвердил еще...

- Надеюсь, что подтвердит,- зевая, ответил я.- Спать рубит...

- Отдыхай,- сказал Длинный. - Я-то выспался.

После обеда меня и вправду клонило в сон. Стоило прилечь, как мое сознание начало стремительно отдаляться в сторону Морфея. Перед глазами всплывали обрывки минувших дней... Моя рука подносила к уху телефон, на который поступил звонок от "Юнгера":

- Да, Вов,- сказал я, отвечая на вызов.

- Ты чем занят? - спросил он.

- Проснулся недавно. Сегодня выходной.

- Какие планы? -поинтересовался Юнгер.

- Ты имеешь ввиду на вечер? - переспросил я.

- Да. Что делать собираешься?

- Как всегда,- ответил я.- Все по старой схеме...

- Отлично! - сказал на это Вовка.- Есть вариант прокатиться до Сокола. Давно не пересекались с ним. Да и райончик там, прям кишит унтерменшами...

Сокола я знал, как говорится: постольку, поскольку. Мы с ним виделись пару-тройку раз, и эти встречи не ознаменовались ничем особенным. Я знал, что его зовут Иван,

а фамилия Соколов объясняло погоняло. Это был светловолосый парень, старше меня на 4 года и выше на пол головы. Сам он топил за "мясо", но на выезда не гонял.

- Он, кажется, на Ларина живет? - уточнил я.
- Не, на Песчанке,- имея ввиду район, ответил Юнгер.
- Ну оно все там рядом...
- В принципе да,- согласился Вовка. - Ну так что, едем?
- Поехали,- поддержал я.
- Хорошо! Тогда ориентировочно на 6 вечера. Будешь выезжать - позвони, я по пути запрыгну в этот же автобус.
- Добро! - сказал я и связь прервалась.

"Юнгер", он же Симоненко Владимир Александрович, был тоже старше меня на 5 лет. Высокий, худощавый парень, всегда с короткой стрижкой и серьезным лицом, которое редко становилось веселым. Он был убежденным НС и расистом по своим взглядам, а также увлеченным ценителем Германии времен Второй Мировой Войны. Может быть именно поэтому Юнгер имел выправку немецких солдат и ту серьезность, которую оставляли на его лице идеи. С ним я познакомился еще давно, но из-за своей "феноменальной" памяти, уже не помню обстоятельства той встречи. Как бы там не было, убеждения и взгляды нас сплотили для продолжения Борьбы. Борьбы, исход которой решит участь нашего народа, Рода и Расы. Наш триумф в ней поставит точку на Z.O.G. и тогда Светлое будущее станет реальностью. А пока наша страна увязла во всем этом черно-семитском смраде, нам ничего не остается, как бороться за наши мечты.

В Юнгере я был уверен, как в камераде, для которого будущее нашего народа, Расы и детей было первично, нежели собственные блага и перспективы. Именно такие люди, как он, вызывали во мне чувства уважения и гордости. Именно с такими я был готов идти плечом к плечу, прорубая дорогу к РаХоВе.

Из сна меня вернул звук раскоцивающейся двери. Я приподнялся со шконки, а Длинный все так же сидел за столом, но в этот момент тоже встал со стула. Сколько я проспал? Час? Два? Больше? Я потерял ориентацию во времени. Моя рука скользнула в карман обширных штанов, но тут я снова вспомнил, что телефона нет.

- Брюзгалов на выход,- сказал дубак, которого я не видел прежде.
- Куда меня? - спросил Длинный, выходя на коридор.

Дубак ничего не ответил и только закрыл дверь. Сокамерника увели и настала мертвая тишина, будто все вымерли. Я снова остался один на один с мыслями. Мысли, от которых было никуда не деться. И единственное, что отвлекало меня от них, был сон, возвращавший к событиям того дня, на котором произошел мой прокол. Что самое интересное - мне раньше очень редко снились сны и только сейчас я начал видеть их, причем так отчетливо, будто вновь и вновь переживал этот день заново. Хотя на самом

деле, если подойти ко снам с научной стороны, то они сняты всем и всегда, мы просто их не помним. Как бы там не было, я прилег обратно на шконку и закрыл глаза. Сон не заставил себя ждать...

Перед выходом из квартиры, я взял сумку через плечо, в которой лежал "инструмент" моего ежедневного обихода. Это был нож. Его деревянную ручку и лезвие, около 15 сантиметров в длину, облегли ножны из твердой, черной кожи. Нож был качественно сделан и, судя по всему, был изготовлен на зоне, мастером своего дела. Когда-то я забрал его у одного из наркоманов, который кинулся на меня и камерадов с ножом. Это было возле "Дома культуры", где проходила молодежная дискотека, и мы на машине остановились возле нее, по чистой случайности. Рядом с зданием был расположен небольшой маркет, куда мы зашли, чтоб взять попить. В нем мы и оказались случайными слушателями рассказа о наркоманах, которые отбирают телефоны и деньги рядом с кассой. Так как обстоятельства не увенчались успехом в поиске инородцев, мы решили наказать наркоманов. Мы втроем зашли в двери "Дома культуры" и сразу же увидели четверых наркоманов, двое из которых "залипли" на полуспущенных ногах. Они даже не поняли в чем дело, как град ударов осыпался на них. Особого шума тоже не было, кроме небольшого писка и звука побоев. Мы вышли так же спокойно, как и зашли, встав прямо перед входом. Через какую-то минуту из ДК вышел один из наркоманов с ножом в руке, который ринулся на нас, пытаясь пырнуть. Судя по всему, это был самый "живчик" из них. Эмоции преобладали над ним, и он не знал с кого из нас начать, кидаясь к каждому по очереди. В итоге его выбор остановился на мне, и наркоман решительно делал выпады, пытаясь пронзить мое тело. Я отходил назад, целенаправленно увлекая его за собой, а затем немного в сторону. Один из камерадов, увидев хороший момент, смог подобраться сзади и ударом ноги свалить наркомана на снег. Я тут же пыром ботинка заехал унтерменшу по щцам и наступил на руку, которая сжимала нож. Этот нож и стал моим трофеем. Мы сели в машину, а наркоман так и продолжал лежать на снегу. Водитель развернул автомобиль и несколько раз проехал по ногам унтерменша. В следующий миг мы уехали, оставляя за собой лишь клубы дыма. Теперь этот нож был моим союзником и верным другом. С собой я взял еще один нож, но раскладной, на случай, если Юнгер забудет свой. Вообще я не любитель пользоваться раскладными ножами, так как они не практичны и бывает так, что складываются в самый "неподходящий момент", тем самым, разрезая пальцы своему владельцу. Думаю, что те, кто имели с таким оружием практику, прекрасно меня поймут. Но так как у меня не было другой альтернативы, пришлось довольствоваться именно таким ножом.

Был солнечный, жаркий день, но к шести часам вечера пекло уже спало и было не такое, как в полуденные часы. С наступлением вечера на улице стало душно, что не могло не предвещать дождя. Солнце еще кидало свои лучи из-за крыш домов, оставляя длинные тени. Люди шли по дорогам, изнуренные духотой, а я, тем временем, направлялся к автобусной остановке. Казалось, это был самый обычный день лета, но еще только выйдя на улицу, я ощутил что-то неладное. В нем было что-то такое, что отличало его от

остальных. И дело не в том, что за этот день не прошло ни одного дождя, как это было уже на протяжении недели, а дело было в чем-то другом... Воздух, небо, окружение, цвета, казалось, что были отличными от повседневных. Они были какими-то особенными, может быть потому, что мой организм и восприятие уже чувствовали, что завтра я попрощаюсь с этими пейзажами родного города. На улице появилась излишняя суета, которая раньше случалась крайне редко. Я проверил сумку на наличие в ней черной кофты, так как мое белое поло никак не подходило для акций прямого действия. Хотя мои голубые джинсы тоже не годились для подобных мероприятий, но черные штаны были уже отправлены в стирку. Кофта была в сумке и я двинулся дальше, но через несколько метров снова остановился, чтоб проверить телефон. Он тоже был при мне. Откуда такая растерянность?... По дороге мне постоянно думалось, что я что-то забыл. Что-то тянуло меня вернуться обратно домой... Подойдя к остановке, я увидел появившийся на горизонте автобус, следующий как раз тем маршрутом, который мне и был нужен. На удивление даже он был не так забит народом, как бывает в это время. Заплатив за проезд я прошел в конец автобуса и встал рядом с дверьми. Почти на автомате моя рука скользнула в карман и, достав телефон, набрала номер Юнгера. Ему я сообщил, что выехал и снова спрятал аппарат. Теперь мои глаза следили за остановками, а мозг, тем временем, думал о том странном чувстве, встретившем меня на улице. Что я чувствовал в тот момент было трудно передать или объяснить.

- Ты куда собрался? - вдруг послышался голос сзади, и чья-то рука провела по моей лысой голове.

Обернувшись, я увидел стоящую перед собой хрупкую русую девушку с большими голубыми глазами. Они даже были скорее синими, как гладь океана, нежели схожими с небесным цветом. В ней я узнал Татьяну, мою подружку детства, с которой нас когда-то давно связывали первые влюбленные чувства. Мне тогда было где-то 10 лет, а ей около 11. Время растворило все, что было в прошлом, оставив нам только дружбу. Но и дружбой это было назвать трудно, так как несмотря на наши теплые отношения мы виделись редко и то по чистой случайности. Как раз такой случай был и сейчас.

- Ооо... Салют! - сказал я.- По делам нужно доехать. А ты откуда и куда?
- К подружке еду,- уставшим голосом ответила она. - Давно тебя не видела...
- В навигации был,- пояснил я.- Вот недавно только вернулся.

Выучившись по специальности: судоводитель, помощник механика судов речного флота, я работал мотористом на туристическом корабле. Каждую весну мне предстояло отправляться в навигацию, которая обычно заканчивалась осенью, но в этот год я сошел с корабля раньше положенного.

- Я и смотрю не видать тебя,- сказала Татьяна. - Сначала подумала, что в армию забрали.

- Нет,- усмехнулся я.- Меня не берут из-за того, что ключицы нет. Да и вообще, что эта армия? Я здесь приношу больше пользы для Родины, чем это делают там.

Вся моя юность - это пора драк, которые не прекращались и по сей день. В них мне три раза ломали ключицу в одном и том же месте. Последний перелом был со смещением и раздроблением кости, после которого меня пришлось оперировать и ставить временную спицу. В итоге и ее вытащили, оставив плечо на попечение мышц. Еще тогда мне запретили заниматься спортом... Но разве все эти обстоятельства способны разлучить меня со спортом? Да никогда!

- Ты все за свое...- сказала Татьяна.

- Ты же знаешь, я неисправим,- улыбаясь ответил я на это.

В этот момент автобус подъезжал к остановке, где должен был подсесть Юнгер. Среди народа, готовящегося сесть в общественный транспорт, стоял коротко стриженный парень, высокого роста, в черных штанах и такого же цвета кофте на молнии. Он пристально смотрел в окна, подъезжающего автобуса, определенно высматривая в них меня. Это был Юнгер, с его серьезным и властным взглядом. Автобус остановился и раскрыл двери, впуская в себя поток пассажиров.

- Вов! - крикнул я из дверей на улицу.

Юнгер повернулся в мою сторону, и я махнул ему рукой, по направлению к себе. Он зашел в автобус и встал рядом со мной, приветствуя меня пожатием за предплечья. С Татьяной они были не знакомы и она, немного подвинувшись в сторону, уступила Юнгеру место рядом со мной, изучая его внешний вид. И хоть одет он был не примечательно, его черные тона одежды почему-то сразу вызывали внимание.

- Душно сегодня,- сказал Владимир, расстегивая молнию на кофте, из-под которой виднелась белая футболка.

- Да,- согласился я, переведя взгляд на Татьяну.

- Давай я вперед пройду, а то мне выходить на следующей,- тут же вставила она. - Увидимся еще...

- Обязательно,- ответил я. Но кто знал, что это будет мой последний день на воле?!

Меня вновь разбудил звук открывающейся двери.

- "Наверное, Длинного привели",- подумал я сразу.

Дубак принялся открывать "тормоза" и я ждал, когда он скажет сокамернику:
- проходи, - и последний вывернет из-за стены. Но случилось все совсем по-другому...

- На выход,- сказал он мне.

Я поднялся со шконки и последовал к выходу.

- Руки за спину, лицом к стене,- продолжил дубак.

Пока я ждал, когда он закроет двери, в моей голове пробегали мысли о том, куда меня могут повести.

- Вперед по коридору,- сказал надзиратель и показал рукой в сторону той самой женщины-надзирательницы, которая стояла возле стола.

Все фразы дубака были настолько короткими и не привычные слуху, что казалось будто он вовсе не человек, а робот. Создавалось такое впечатление, словно в его мозг загрузили программу с короткими шаблонами фраз и определенным алгоритмом. Надзирательница, стоявшая рядом со столом, увидев мое приближение, прошла немного дальше и остановилась возле одной из дверей, на которых отсутствовали "кормушки", да и замков было всего по одному. Открыв дверь, она сама зашла во внутрь и уже там начала греметь ключами. Я проследовал за ней и увидел в помещении клетку, в которой находился зацементированный стул, а рядом с небольшим окошечком был приварен железный лист, служивший столом. По другую сторону окошка, за клеткой, стоял деревянный стол и обычный стул, очевидно, предназначенные для посетителей арестованных. Как только я вошел в клетку, ее дверь закрылась за мной и дубачка вышла из кабинета. Тишина разлилась по помещению, поглощая собой все звуки. Она проникла и в меня, заставляя дышать намного медленнее. Я осматривал клетку и все, что было за ее пределами, при этом внимательно вслушиваясь в тишину. Мне сразу вспомнились птицы, заточенные в клетках, но жаждущие свободы. Я проводил аналогию с ними и только теперь мог разделить всю их участь. Небо их простор, но они замкнуты в клетки. И никакой корм, который им подается ежедневно, никакие блага, которые стремится для них сделать человек, не смогут им заменить главного - свободы.

Я так погрузился в раздумья, что не заметил, как кто-то подошел к двери, а лишь только услышал ее щелчок и затем хлопок. Обернувшись назад я увидел худенького мужчину, в клетчатой рубашке и очках. В руках он держал кожаную папку на молнии и, не задерживаясь в дверях, прошел к деревянному столу напротив меня. Первое впечатление, которое вызвал у меня его вид, было сравнение с ботаником. Постоянные притеснения и унижения в школе, отпечатком застыли на лице вошедшего. И хоть он старался держать вид некой респектабельности, его совсем неуверенные жесты и глаза выдавали пустышку.

- Здравствуйте, Радислав Александрович,- сказал он каким-то писклявым голосом. - Меня зовут Артемьев Андрей Викторович. Я ваш новый следователь и буду вести ваше дело.

- И? - произнес я, взирая на него безразличным взглядом.

- У меня к вам будет несколько вопросов,- сказал он себе под нос и скоропостижно начал рыться в своей папке.

Я не стал опережать его действия и вопросы, рубя их на корню. Мне было интересно узнать, что эта системная мышшь хочет выведать.

- Для начала хотел бы предложить вам давать показания, так как отказ от дачи показаний, это равносильно тому, что признать вину,- продолжил он. - Только, если при даче показаний и сотрудничестве со следствием вам это зачтется, как смягчающие показания, то при отказе это послужит скорее отягчающими обстоятельствами, как намеренное препятствование следствию.

Я улыбнулся ничего не ответив.

- Ну да ладно,- снова забубнил следователь, доставая нужный лист.- Это ваше право. У вас еще есть немного времени подумать об этом, но его не так много, как кажется. От государственного адвоката вы отказались, а нового у вас еще не появилось... Но сегодня нам они и не нужны. Записывать я ничего не собираюсь и брать показания тоже. Мне только хочется спросить: вам знаком этот человек?

С распечатанной на листе фотографии на меня смотрел один из моих камерадов по прозвищу "Уксус", он же Уфимов Олег. Его я знал с самого детства. Мы жили в одном доме и выросли в одном дворе. Олег был старше меня на 5 лет, но разница в возрасте никак не влияла на нашем общении. Вообще наша компания была разных возрастов, которую объединяли идеи, взгляды и мечты. Мы не нуждались в лидерах и каждый из нас не ставил себя выше остальных. Я был самым младшим из компании, но далеко не последним, кто пришел к правым взглядам и встал на путь Борьбы. Человек в разном возрасте находит себя и определяет свой истинный путь. Кто-то раньше, кто-то позже... Мы же, объединенные одними целями, были, как патроны в обойме, идущие одним путем, но разные по калибру. Калибр разный, но значимость одинаковая. Олег был худощавого телосложения, с темными, густыми волосами, которые делали его внешность немного смуглой, из-за чего по этому поводу нередко звучали шутки. Уксуса порой задевало это так, что он переходил на оскорбления, которые мы тут же старались прекратить и успокоить камерада. Да, мы и сами, зачастую, перегибали палку, на что и следовала подобная реакция.

- Я не собираюсь с вами разговаривать без адвоката,- ответил я, переводя взгляд на следователя.

- Мутный,- словно не слыша меня, продолжал Артемьев. - Ведь именно так вы его называете?

То, что я хотел проверить, сейчас подтвердилось. Мой сокамерник работал на мусоров или, как говорят здесь, являлся "подсадной уткой". Таких еще называют контрактники или кумовки, так как они заключают определенную договоренность с операми, именуемыми так же кумами (лисами), которым несут нужную информацию. За информацию, опера выполняли или поощряли кумовок определенными благами. Длинный, как раз оказался одним из таких...

- Я, кажется, ответил на ваш вопрос,- повторил я.

- Поверь, я знаю больше, чем ты думаешь,- сказал следователь, убирая фотографию в папку. - А скоро буду знать еще больше... У тебя есть время подумать над моими словами, до следующей нашей встречи. Она состоится в ближайшие дни... Подумай Радислав, подумай...

Взяв папку в подмышку, он встал из-за стола и подошел к двери, рядом с которой был звонок. Его пальцы вдавили кнопку и коридор прорезали несколько длинных сигналов. Артемьев больше не смотрел в мою сторону, а смиренно выжидал коридорного. И только после того, как дверь открылась, следователь бросил небрежный взгляд на меня и покинул кабинет. После его ухода, в воздухе еще осталось витать какое-то напряжение. Но ведь в словах Артемьева не было ничего такого, что заставило бы меня напрячься или волноваться. Нет, дело было определенно не в его словах... Фотография Укуса вызвало мое беспокойство. Конечно, узнать мой круг общения не составляло труда, ведь в нашем небольшом городке, нас знала почти каждая собака. Но другое дело, что следствие именно на нем решило акцентировать свое внимание. А вот этого бы мне не хотелось...

Дубачка открыла клетку и, попросив убрать руки за спину, повела меня на выход. Рядом с "моей", уже открытой, камерой стоял дубак, который крутил связку ключей у себя на пальцах. Он смотрел на меня так, будто в камеру шел не я, а моя тень. В его глазах читалось безразличие. Быть может это было и лучше, чем, например, та ненависть и презрение в глазах обывателей, которые смотрели на меня в больнице. Хотя, по большому счету, меня не должно было волновать мнение и косые взгляды других, но почему-то именно то презрение обывателей, каким-то образом не давало мне покоя. Может быть потому, что мои радикальные действия касались и в том числе были направлены для их свободы и светлого будущего детей нашей с ними Расы? Но разве они поймут это, когда телевизионные балаболы властвуют над их разумами?! Наверное, именно это огорчение и оседало у меня внутри, под испепеляющими взглядами тех овощей, которые являются одной из частей моего народа...

Я вновь оказался в четырех стенах пустой камеры. Двери закрылись стальными замками и засовами, а удаляющиеся шаги коридорного постепенно стихали, пока совсем не смолкли. Тусклые стены вновь дыкнули холодом, заставляя мурашки пробегать по моей коже. Я скрестил руки на груди и поспешил к шконке.

- "Нет,- сказал я себе. - Сейчас лучше походить, чтоб движение конечностей и гоняемая кровь, согрели мое тело."

Я ходил туда-обратно, от стола до "тормозов", в несколько шагов преодолевая это расстояние. Меня брала злость от того, каким расписывал себя Длинный, а на самом деле оказался сукой. Интересно, чем его сманили на свою сторону мусора? Судя по его партакам и осведомленности за тюремную жизнь, зек он бывалый, а значит, по логике вещей, должен не меньше, чем я пылать ненавистью к системным псам. Но по итогу вся его "блатная" жизнь, вылилась в сучью сущность. Разворачиваясь у стола, я шел в обратную сторону, по направлению к двери и представлял, когда она откроется и в дверном проеме появится Длинный. Нет, я не стану на него нападать сразу... Дам, чтоб дубак ушел, а сокамерник, как ни в чем не бывало, прошел дальше в камеру и начал свой треп. Его маска "порядочного" арестанта слетит в тот же миг, как откроется его рот, из которого будет литься ложь. Я сотру ее пролитой кровью, вперемешку с выбитыми зубами. От одних только мыслей и предвкушений расправы, адреналин частично заглушил мою боль в теле. Я уже не мерз, как это было недавно, а наоборот температура тела заставила меня расстегнуть верхние пуговицы рубашки. Мои шаги вымеряли пол, а заодно и отмеряли время до прихода сокамерника.

Наконец остановившись, я присел на шконку и хотел узнать время, но только рука полезла в карман, как я вновь вспомнил о том, что посмотреть время было не на чем. Сколько еще меня будет преследовать это чувство "мнимого телефона"?! Я раз за разом попадаюсь в ее ловушку, но рука по-прежнему, уже автоматически, норовит достать телефон. Мне не хватает времени... Не продолжительности часов, а именно значения. В этих стенах не понятно, какое сейчас время суток. Утро, день, вечер, ночь,- здесь всегда одинаково. И лишь только потому, что меня недавно навестил следователь, из этого перечня можно исключить ночь. Как бы там не было, но мне хочется знать время. Может быть даже потому, чтоб знать, что оно не стоит на месте. Что оно движется вперед, а значит и приближает час долгожданной РаХоВы. Может быть время не идет мне на руку, но собой оно еще больше отравляет души и разум тех, чье нутро уже впитало в себя гниль и ложь. Гниль, которая разлагает человека изнутри, а ложь, которая закрывает глаза иллюзией и так приятно проникает в уши, заставляя еще живые клетки мозга отмирать. Время руководит этим процессом и прогрессирует его. Именно поэтому СМИ играет одну из ключевых ролей в механизме Системы. Система, как вирус вводит свою гнилую иллюзию, через СМИ, в головы обывателей, перенастраивая их разум, в выгодном для Системы направлении. Этот вирус делает из обывателей послушных овощей, готовых

закрывать глаза там, где нужно Z.O.G.у и делать то, что они скажут. Но Система не задумывается о том, что, увязнув во всеобщей лжи и разрушая обывателей изнутри, она не меньший урон наносит и себе.

Послышался шаркающий звук возле двери. Я резко повернул голову в ту сторону и увидел, что через "волчок" за мной наблюдают. В ту же минуту "волчок" вновь закрылся и только теперь на проходе послышались удаляющиеся шаги. Очевидно дубак подобрался к двери осторожно, и хотел быть незамеченным, но "задвижка" "волчка" выдала его планы. Меня несколько напрягала подобная слежка, но поделаться с этим было ничего нельзя.

- "Большой брат смотрит за тобой",- пронеслось у меня в голове.

Система берет под полный контроль всех, попавших за решетку. Но и контроль этот имеет разницу в зависимости от личности подозреваемого или уже осужденного. Например, националисты представляют большой интерес для Системы, хотя бы в силу того, что ведут Борьбу и в том числе против нее. С помощью одного националиста, системные псы, как комары, пытаются высосать нужную информацию, чтоб выявить целую цепь таких же, как он. Для этого они идут на разного рода ухищрения, такие, например, как "подсадные утки" или прослушки. Следователи и оперативники предлагают разные блага и "выгодные" сделки, которые не приемлемы Честным. В ходе разговоров и допросов, они проверяют все уязвимые и слабые места подозреваемого, смотрят за реакцией на тот или иной вопрос, чтоб в дальнейшем надавить на "больные места". Поняв, что националист не собирается идти у них на поводу, системные псы прибегают к физическим мерам воздействия и пыткам. И уж поверьте, они сдерут с себя человеческое обличье, чтоб выведать нужную информацию. Российские карательные органы хотели плевать на конвенции и пленумы Европейского суда и права человека.

Я вновь встал и начал ходить туда-обратно в раздумьях и ожидании сокамерника - суки.

- "Что-то долго он,- подумал я.- Небось чаек с конфетами попивает у легавых в кабинете и между делом получает новые распоряжения касаемо меня. Ну что же... Жду с нетерпением!"

Но Длинного так и не приводили. На верхней шконке или говоря проще: "пальме", по-прежнему лежала его спортивная кофта, которая давала мне надежды на то, что ее хозяин вот-вот вернется. Так прошло еще несколько часов, по истечении которых, на проходе послышался шум тарелок.

- "Вот, кажется, и ужин."

Мой организм стремительно восстанавливался и требовал пищи для этого процесса. На протяжении всего времени я испытывал непреодолимое чувство голода, которое обманывал выпитой водой из-под крана. В тот самый момент, как я подошел к двери, открылась "кормушка", издавшая стальной грохот.

- Сегодня только бульон,- сказал женский голос, с сожалеющей нотой. - Народу тут почти нет, да и выходные были, ничего не привезли,- оправдывалась она.

Я молча принял из ее рук тарелку и ложку.

- Хлеба тоже нет...- продолжила она и закрыла "кормушку".

Желудок заурчал, выражая таким образом свое недовольство. Наверное, мое предвкушение и фантазии о сытном ужине обнадежили его. Бульон был горячим и поэтому я дал ему немного времени остыть, после чего, сначала быстро черпал жидкость ложкой, а после допил ее через край тарелки. По вкусу я спокойно мог определить, что мой ужин состоял из растворенного кубика "Магги" в воде. На меня тут же нахлынули воспоминания 2000-ых годов. Еще тогда мы всем дворовым мобом, состоящим из юнцов с праворадикальными взглядами, гоняли по выездам за Московский ЦСКА. Тогда и футбольный движ был совсем иной нежели сейчас. На секторе не встретишь антифашиста, а хулиганы не боялись запачкать свои вещи кровью инородцев. Фанаты разных команд могли объединиться в один могучий White-Power кулак и нанести беспощадный удар по палаткам оккупантов. Они не забывали, что принадлежат одной Расе. И уж поверьте, внешний вид хулиганов тех годов выглядел намного лучше и мужественнее, чем порой приходится видеть сейчас. Классика "униформы" была в духе 95-го года: ботинки со стальными носами, голубые джинсы, бритые головы, бомбер с оранжевой подкладкой, либо штурмовик, клетчатая рубашка, ну и подтяжки "по вкусу". Тогда не встретишь правого хулигана в обтягивающих трико и розовом поло, чем-то напоминающее женский топик. Тогда не приходилось размышлять над тем пидор это или фанат. Время изменило многое, в том числе и убив правые взгляды во многих хулиганах.

Выезда мы пробивали на "собаках" (электричках), с множеством пересадок и приключений, почти без денег на кармане. В этом был свой адреналин и своя атмосфера, оседающая яркими воспоминаниями где-то глубоко внутри. На выездах самая популярная пища футбольного хулигана состояла из батона с майонезом, либо "булика Магги" растворенного в кипятке. И с каким аппетитом это все уплеталось, во время дороги?! Именно с выездами и ассоциировался вкус бульона, поданного на ужин. Это был вкус гудящих электричек, жестких лавочек вагона, заменяющих кровати, а также веселых "зарядов" и "шиз", звучащих дружным хором. Это все было частью моего детства... И каким бы опасным оно не было и как бы кардинально не отличалось от детей моего возраста, мне оно было по душе! Дерзкие годы, которые насквозь пропитали меня национализмом и закаляли дух, отличный от своего поколения.

Стальной удар "кормушки" известил меня о том, что пора сдавать посуду. Я быстро сполоснул тарелку и передал ее дубачке.

- Могу кипятку еще налить,- сказала она, придерживая "кормушку" рукой. - Будешь?

- Нет, спасибо,- ответил я и направился к шконке.

Кипятку в моем желудке было достаточно. Горячий бульон на время утолил чувство голода. Правда не на долго... Прошло немного времени и тело вновь охватил озноб, а вместе с ним и голод. Голод и холод являлись коренными обитателями тюрьмы, облюбовавшими здешние места. Они, как братья, вместе ходят по камерам, стоит только заключенным поселиться в их стенах. На проходе снова слышались шаги, которые приближались к моей "хате". Дверка "кормушки" упала вниз и из нее донесся мужской голос: - Белов.

Я подошел к двери и наклонился вниз, чтоб рассмотреть источник звука. По другую сторону двери стоял дубак с листом в руках, которого я видел ранее и про себя называл его "Роботом".

- Я Белов.

- Имя, отчество,- в своей привычной манере спросил он.

- Радислав Александрович.

- От кого передача? - спросил дубак.

- Передача? - переспросил я. Это было так неожиданно, что я не мог поверить его словам.

- Да,- ответил Робот. - От кого передача? - повторил он вопрос.

- Мама?! - я хотел было сказать про себя, но получилось вслух.

- Фамилия... имя... отчество,- выдерживая паузы между словами, сказал дубак, делая акцент на каждое из слов.

- Белова Марина Вадимовна,- ответил я полный радости. И дело было совсем не в том, что теперь я смогу подкрепиться, а в том, от кого эта передача. Я чувствовал родную теплоту и невидимую глазу связь, которую можно было ощутить только внутри себя. Это была нить, связывающая мать и сына.

- Адрес? - монотонно спросил Робот.

Я назвал адрес и в "кормушку" просунул лист, с перечнем продуктов и вещей и до боли знакомым почерком, которым аккуратно была выведена каждая буква. Вверху листа были заполнены поля, где указывались отправитель и получатель. Я не отрывал глаз от чернил, нанесенных на бумагу. Казалось бы, что такого в обычном почерке? Но для меня он был особенным, родным. Он был писан рукой моей Матери.

- Расписываемся, где галочку поставил,- торопил меня дубак.

Я нерешительно поставил свой автограф, задерживая взгляд на почерке Матери и надзиратель в тот же миг, как я закончил выводить последнюю закорючку, быстро забрал лист. "Кормушка" захлопнулась и начала раскоциваться дверь. Я не понимал, что происходит и что должно произойти дальше, погруженный в совсем иные мысли. Я все так же стоял там, возле "тормозов", как вкопанный и прежде, чем успел задаться вопросом, почему мне не отдали передачу, за которую я расписался, двери открылись и дубак проводил меня за ней. В другом конце коридора, была открыта дверь, внутри которой расположились стеллажи. Все они почти пустовали, за исключением пары сумок на верхней полке и черного пакета с ручками на полке прямо передо мной. Ручки пакета были связаны веревкой, на которой висела картонка с надписью: Белов.

- Возьми то, что будешь есть сегодня вечером, остальное оставляй тут,- слышался голос позади меня.

- Я все возьму,- ответил я, раскрывая пакет.

- Ты все-равно это за раз не съешь, а лишнего в камере не должно быть,- пояснил легавый. - Завтра сможешь взять еще, что необходимо.

Я был удивлен тем, что дубак перестал говорить короткими фразами и выдавливал из себя полноценные предложения. Его простые алгоритмы приобретали более сложные фразы. Мне было не до споров и, взяв одежду, сгущенку и хлеб, я направился обратно в камеру. Первым делом я решил перекусить, а уж затем заняться переодеванием. За трапезой меня все еще не покидали мысли о Матери. Я прикидывал на себя те чувства, которые она переживала теперь. Я мог их чувствовать точно так же, как чувствует она. Во всяком случае так казалось мне. Кто может лучше знать о глубокой, внутренней, материнской боли, как не Мать, у которой отняли ребенка. Точно так же, как и Маме меня, мне безумно не хватало ее. Я знал, что она сильная, но порой и сильных людей могут подломить обстоятельства, связанные с их чадом. Я молил Богов и желал, чтоб она выстояла и выдержала этот мощный удар судьбы. И самое обидное было то, что у меня не было возможности поддержать ее.

Немного подкрепившись, я снял с себя рубашку и, подойдя к раковине, стал обтираться холодной водой. Тело покрылось мурашками, но это не помешало мне закончить процедуру. Одевшись в черную водолазку, спортивные черные штаны с белыми широкими полосами по бокам и черные кроссовки, правда без шнурков, я стал себя чувствовать намного комфортнее. Холод и тот покинул меня, найдя свой приют внутри обшарпанных стен. Моя одежда была намного теплее той, что мне выдали легавые. И дело было не только в ткани, но и в том, что эти вещи были пропитаны домашним теплом, которое согревало мою душу. Немного похаживая по камере, я начал придумывать упражнения, чтоб вернуться к тренировкам. Подручный ассортимент был не богат, но все же имелось то, что можно было использовать для упражнений. И хоть сегодняшний день уже подходил к

концу, а телу нужно было еще немного времени, чтоб восстановиться, я заранее прикидывал составляющие и последовательность тренировок. Например, та же шконка могла бы быть задействована для упражнений на пресс, а стул мог бы быть использован, как для отжиманий, так и для упражнений на трицепс. Мой взор заметил в углу камеры ведро для мусора, которое на жаргоне именовалось "Аленкой". Его можно было бы использовать, как отягощение для приседа, в упражнениях на бицепс, а также для усложнения упражнений на трицепс. В принципе, варианты для тренировки имелись, но загвоздку составляли подтягивания, выполнить которые было не на чем.

- "Ладно, потом еще пофантазирую на эту тему,- подумал я, мыслями возвращаясь к не вернувшемуся сокамернику: - Где же этот убудок?"

Как ни странно, но на протяжении всего времени, что находился здесь, я не слышал, чтоб открывали какую-либо другую камеру. Исключение составлял обед, во время которого дубачка останавливалась возле других хат и открывала "кормушки". Куда все делись? Я подошел к "тормозам" и прислонился к ним лицом, пытаюсь уловить хоть какие-то звуки, доносившиеся из других камер.

- Эй! - крикнул я в дверь. - Тут сидит кто-нибудь еще?- И вновь повернулся к двери ухом.

Тишина... Я слышал, на коридоре электрический треск коротящей лампочки, но ни одного звука человека.

- Эй! Меня слышит кто-нибудь? - не сдавался я, при этом ударяя рукой по решетке. - Ответьте!

Но в ответ была снова тишина... Я кричал в пустоту, в какую-то бездну, которая поглощала мои слова. В отличии от меня, бездна была спокойна, а я же наполнялся раздраженностью, от ее молчания. Вслед за ударами рукой, последовали и удары ногами.

- "Почему все молчат? - крутил я в голове, не находя покоя. - Где все?"

- Эй! - снова кричал я, прекратив удары и прислушиваясь, чтобы услышать звуки.

И тут, как молнией поразили мой слух, удары ключа о железную дверь. Я резко отдернул от нее голову и посмотрел на "волчок", в котором виднелся глаз надзирателя.

- Заткнись! - сказал он басом. - Ты чего разорался?!

- Где парень, которого вы увели из этой камеры? - конечно на ответ я не

рассчитывал, но не спросить не мог.

- Да какая тебе разница где он?!- усмехнулся дубак. - Может тут где, а может на СИЗО увезли. Сюда все приезжают и уезжают. А здесь каждого из заключенных мы помещаем и переводим так, как нам говорит начальство.

- Но у него тут осталась кофта...

- Можешь забрать ее себе, раз он ее оставил,- сказал надзиратель. - Мне без разницы, что ты с ней сделаешь. Ложись отдыхать лучше.

Задвижка "волчка" закрылась и теперь он стал темным. За дверью слышались удаляющиеся шаги дубака, а я уселся на шконку.

- "Да и вправду, чего я взялся?!"- сказал я сам себе, скинув обувь на пол и закинув ноги на шконку.

Очевидно стресс, перенесенный за минувшие дни, давал о себе знать. Прокричав и ударяя по "тормозам", я выплеснул часть той негативной энергии, скопившейся во мне за все те моменты, произошедшие со мной накануне. Я выплеснул пар и теперь ощущал какую-то легкость внутри себя. Стоило мне опустить голову на подушку (во всяком случае эту грубую тряпку, набитую чем-то непонятным мне, так называли здесь), как меня начало клонить в сон. Веки стали тяжелыми и по истечении каких-то минут я уже спал, даже не представляя каким может стать мой следующий день...

Глава 2.

Второй день моего пребывания в ИВС начался, как и вчера, с трех "заветных" слов: - Кипяток брать будем? И может быть они бы не так резали слух, если бы не сопровождалась звонкими ударами ключа об дверь. Этот стальной звук, как пиявка впивался в мой мозг, не давая покоя и вызывая некое раздражение. Я еще не успевал проснуться, но уже ненавидел и звук и эти три слова. А дубак был настолько дотошный, что не отходил от двери, пока не дождался моего грубого "нет". В камере было влажно и холодно. Сырость подвального помещения и его затхлый запах врезались в мои ноздри и тело, заставляя дрожать от озноба. И хоть было холодно, мое сонное состояние не позволяло мне подняться. Я прикрыл частью руки глаза, до которых доставали несколько блеклых лучей одинокой лампы, несмотря на то, что надо мной был еще один ярус шконки, который создавал тень на моем "лежбище". А другой рукой я обхватил себя, как бы для небольшого согрева. Мой слух, тем временем, улавливал шаги дубака, который немного пройдя дальше остановился возле другой камеры напротив и, постучав несколько раз ключом по двери, задал аналогичный вопрос. Ответа я не услышал, но все это говорило о том, что в ИВС я был не один. Теперь мысли о том, что Длинный находился в камере, где-то напротив моей, не давали мне покоя и отбили остатки сна, и без того рассеивающиеся в промерзших стенах. Наконец поднявшись со шконки и скрестив руки на груди, я подошел к "тормозам" и прислушался к безмолвной тишине на проходе.

- Длинный! - крикнул я и мой голос эхом разнесся по всему коридору.- Ублюдох, я знаю, что ты в другой камере сидишь, как мышь, поджав хвост...

Ответа не последовало и выдержав небольшую паузу, я продолжил:

- Ты трус, Диман! И ты сам прекрасно понимаешь, каким ничтожеством являешься.

Я говорил, а коридор, как бы повторял за мной гулким эхом.

- Ты мразь! И это самое мягкое, что я могу о тебе сказать... Твое существование не приносит пользы, а только топит судьбы других. Ты это понимаешь?

- Я хочу выйти раньше на свободу... Может позже ты меня поймешь,- донесся голос из другой камеры.

- Нет, Длинный, не пойму,- сказал я, сжав прутья арматуры из которых были сварены "тормоза". - Надо быть конченным, чтоб понять тебя. И о какой свободе ты можешь вести речь, когда ты уже замкнут в рамки Системы, из которых тебе не выбраться. Ты утоп в мусорской грязи, сам еще этого не понимая.

Нас прервал дубак, который стучал своим массивным ключом по двери камеры.

- Чего разорались? - громко сказал он.

У меня возникло огромное желание, чтоб дубак постучал этим ключом себе по голове.

- Тебя не спросили,- раздраженно ответил я ему.

- Посиди спокойно, сейчас уже завтрак принесут,- сбавив тон, сказал он, отходя от двери.

Надзиратель понимал, что ругаться не имело смысла, так как наша словесная перепалка могла бы продлиться на неопределенное время. И оповестив меня о завтраке, решил сгладить назревающий конфликт.

- Длинный,- снова крикнул я.

Но мне уже никто не отвечал. Я еще несколько раз прокричал его погнало, но в ответ так ничего и не услышал. Отойдя от двери, я склонился над умывальником, чтобы умыться. Включив воду и дотронувшись до нее рукой, мое тело продрала еще более сильная дрожь. Трясаясь от озноба, я быстро умыл лицо, ощутив небывалую бодрость. Сон, как рукой сняло. И только закончив с водными процедурами, я понял, что вчера мне бы следовало взять из передачи полотенце и другие рыльно-мыльные принадлежности.

- "Ладно,- подумал я,- дождусь завтрака, а там и попрошу, чтоб меня вывели за вещами."

На "пальме" шконки, все так же лежала кофта Длинного. Я взял ее в руки и раздумывал, как с ней поступить. Меня колотило от холода, а дополнительная вещь могла бы меня согреть. Но в то же время я знал, кому принадлежала эта кофта.

- "Вещь этой суки согреет меня,- размышлял я в этот момент. - Но согреться за счет нее, значит принять помощь от кумовки, которая является мусорским информатором и осведомителем."

Именно такие рассуждения боролись в моей голове с холодом, который сотрясал мое тело.

- "Но ведь эту кофту мне дал не Длинный, а я ее сам взял,- продрогший организм пытался переубедить мозг. - Зачем тебе мерзнуть, когда ты можешь воспользоваться ей и согреться?!"

Наверное, мое окончательное решение в данной ситуации было не совсем разумным, но я постелил кофту Длинного, как коврик, возле "тормозов". Мои внутренние убеждения диктовали свое, поэтому я поступил именно так.

- "Во всяком случае меня не будут глотать принципы..."- успокаивал я себя.

И вправду, внутри себя я не корил за то, что сделал, несмотря на то, что тело по-прежнему била дрожь. Я даже ощутил какое-то расслабление от принятого решения, нежели угрызения. Не желая больше раздумывать над этим, я начал размышлять над тем, чтоб в камере было теплее. Для этого я забрался на трубу и открыл маленькое окошко. Хата вдохнула свежего воздуха и мое лицо обдало небольшим сквозняком. Камеру нужно было проветрить, чтоб часть влаги смогла испариться. Влажность в камере и ослабленный иммунитет, это первый шаг на пути к туберкулезу. Да и при сухом "климате" не так сильно будет ощущаться холод.

В это время на коридоре послышался шум посуды. Уши, как локаторы, улавливали любые посторонние звуки. Через недолгое время открылась "кормушка" и мужской голос известил меня о завтраке. В этот раз давали манную кашу. Будучи еще в садике, я не любил подобное блюдо и наотрез отказывался есть, но спустя годы, манка вызвала у меня потаенные симпатии и повзрослев, эта каша стала одной из моих любимых.

- Неплохо...- сказал я, принимая тарелку и отправляя ее на стол.

Оставив мое замечание без комментариев, дубак молча передал мне кусок хлеба и ложку, налил в кружку чая и стал закрывать "кормушку".

- Постой,- успев надавить на дверцу рукой, я остановил ее закрытие.

- Что? - спросил надзиратель, вновь опуская "кормушку".

- Я бы хотел взять кое-что из вещей и продуктов, которые мне передали вчера.

- Позже,- ответил дубак и начал поднимать дверцу.

- Но вчера я не стал забирать передачку в камеру при том условии, что мне пообещали, что я смогу взять все необходимое в любое время,- возразил я, не давая закрыться "кормушке".

- Посуду забирать буду и сходишь,- сказал на это надзиратель.

Убрав руку, дверца захлопнулась, издав щелчок. Сам же я принялся завтракать. Уже будучи наученным в "сфере принятия пищи в тюрьме", я избежал тех моментов, которые сулили мне обжечься. Представления о манной каше, как оказалось, были завышенными. Лишь только видом она напоминала ту, что я кушал на свободе. А вообще это была светлая, вязкая масса, в которой не было ни соли ни сахара. Пресная "каша", если ее можно назвать таковой, отбила весь аппетит еще после первой ложки. Я хотел запить ее чаем, но и чай здесь являлся формальностью. На самом деле это была чуть темная

жидкость, издавек несущая в себе привкус заварки. Такой же "напиток" получился бы, если на 2-3 литра воды заварить пакетик чая. О вкусоности пици теперь приходилось забывать, но есть нужно было обязательно. Хотя бы для того, чтоб не было обезвоживания организма и потери сил. А силами мне придется запастись не мало... Стараясь отключить вкусовые рецепторы я расправился с тюремным кушаньем. В этот раз все получилось намного быстрее, чем было в прошлые разы. Я даже успел сполоснуть тарелку и теперь сидел в ожидании дубака. Коридор наполнился звуками шагов и диалога, которые эхом распространялись по всему помещению. На этот раз открылась не "кормушка", а дверь, за которой стояли два надзирателя. Отворив "тормоза", один из дубаков потребовал сдать посуду и, убрав руки за спину, встать на продоле лицом к стене.

- Проходим вперед,- сказал он, после того, как его напарник отнес посуду и вернулся к камере.

Я прошел до конца коридора и завернул в помещение со стеллажами. Все на том же месте лежал пакет с моей передачкой. Из него я взял полотенце и другие рыльно-мыльные принадлежности, а также немного продуктов.

- Ты недавно у нас? - поинтересовался дубак.

- Позавчера вечером привели,- ответил я, достав из пакета с ручками пакет-маечку и складывая в него вещи, которые я собирался взять с собой.

- С собой пакет брать нельзя,- сказал надзиратель.

- А что в нем такого? - не понимал я.- Мне не удобно нести все в руках...

- Не знаю,- усмехнулся дубак, понимая глупость сказанного собой. - Но у нас так положено. Пакеты в камеры не пропускать.

- Думаете я на нем улечу? - с улыбкой спросил я.

- Не знаю кто это придумал, если честно,- улыбаясь ответил надзиратель. - Мне-то вообще все-равно. Тут камеры на продоле и если начальство увидит, что я тебя пропустил с пакетом, то получу по шапке.

- Чего вы там зависли? - донесся крик другого дубака, который ожидал нас возле открытой хаты.

- Сейчас,- крикнул ему тот, что стоял со мной и, повернувшись уже ко мне, сказал: - Давай бери вещи и пойдём.

Я развернул полотенце и, сложив все туда, оно стало напоминать ношу скитальца. Надзиратель отошел в сторону, как бы пропуская меня вперед. Он был молод и, судя по всему, работал здесь недавно, так как не успел почувствовать власти, которая убивала в местных работниках все человеческое и веселое. Улыбка для надзирателя была огромной редкостью, а та откровенность и свобода мыслей, которыми делился со мной молодой дубак, были не свойственны его коллегам. Возле двери в хату, меня встречал другой надзиратель с каменным лицом без эмоций. Его рука держала наготове ключ, а

глаза не сводили с меня взгляда. Зайдя в камеру, у меня за спиной захлопнулись "тормоза", а затем и основная дверь. На шконке я раскрыл кулек из полотенца и, взяв зубную щетку с пастой, направился к умывальнику. Холодная вода, тоненькой струйкой, отбивала стальную дробь об раковину из нержавейки. Налив воды в ладонь, я дал ей немного по теплеть, а затем и согреться в полости рта, но так, чтоб она по минимуму касалась зубов. При соприкосновении зубов с холодной водой, зубы начинало сводить так, что перекашивалось лицо. Поэтому выдержав нужную температуру, я прополоскал рот и непосредственно приступил к самому процессу чистки.

- "Бежать отсюда, можно сказать не реально,- раздумывал я.- Если только мне помогут камерады с воли... Но рассчитывать на это глупо, так как для побега нужна подготовка и четко разработанный план. Да и не факт, что они сами не решились бежать после нашей поимки."

Рассчитывать на кого-то было глупо. Нужно отталкиваться, исключительно только от своих возможностей. Хочется помощи? Помогите себе сам! Во всяком случае так будет надежнее... Да и если все провалиться, я буду знать, что это только моя неудача. Но как повернуть все это в одиночку? Даже, если мне каким-то чудом удастся вырваться из стен ИВС, то нужно будет где-то скрываться, что-то есть, как-то незаметно перемещаться по городу или городам, пока не достигну конечной цели, где будет возможность отсиживаться какое-то продолжительное время. Но ведь у меня даже нет такого места, не говоря уже обо всем остальном. Нужна цель, чтоб было к чему двигаться. Без цели нет пути, ибо движение в никуда бессмысленно. Но бежать нужно было не дожидаясь приговора, так как за побег осужденному дадут больше, чем подследственному. Это мне было известно от камерадов, которые уже побывали в застенках.

- "Ладно, посмотрим, что будет дальше,- сказал я себе. - Может быть все сложится так, что следствие не сможет ничего доказать и тогда бежать мне будет не за чем."

Я пытался тешить себя мыслями о более лучшем развороте событий, но в то же время понимал, насколько малы шансы на это. Система, как голодный пес вцепляется в кость, готова раскусить националистов, попавших к ней в лапы. Так что ждать от всей этой ситуации каких-то положительных моментов или просветов, это равносильно тому, что искать в грязи чистые вещи. И хоть мои мысли посещали небольшие надежды на лучшее, подсознательно я уже настраивался к худшему.

Почистив зубы, я решил восстановить тренировки в этих стенах. Со спортом я не разлучим... И пусть тут нет тренажеров и других спортивных снарядов, но это не повод расставаться с одним из любимых мной дел. Альтернатива есть всегда, было бы желание. И хоть тело еще болело от побоев легавых, я знал, что физическая нагрузка пойдет мне на

пользу. Тренировку я начал со стандартных отжиманий от пола, которые дались мне тяжело. Мышцы, принявшие на себя удары системных псов, сквозь боль выполняли возложенные на них функции. Каждый их последующий напор делал боль все менее ощутимее. Организм начал усиленно гонять кровь, заполняя ей мышцы. Я выполнил несколько таких подходов, после чего приступил к отжиманиям узким хватом от стула. Так я смог дать нагрузку на внутреннюю и нижнюю часть груди, а также на трицепс. После пяти таких повторов я развернулся спиной к стулу и так же, ухватившись за него узким хватом, начал отжимания, которые в своей основе задействовали трицепс. Боль почти вся исчезла, лишь только ноги еще чувствовали ее остаточные действия. Между подходами я пил воду, питая этим натуральным анаболиком организм. Заранее приметив в углу камеры ведро, я наполнил его водой и, поставив одну ногу на шконку, начал поднимать его вверх, прижав локоть к бедру согнутой ноги. Этим упражнением я заменил поднятие гантели от колена. Из-за тонкой ручки ведра и особой аккуратности в его поднятии, чтоб не расплескать воду, упражнение было не совсем удобным, но имело эффект.

- "В следующий раз ручку можно обмотать полотенцем или тряпкой",- пришла мысль мне в голову.

Я чувствовал, как забивается бицепс. Варьировать вес можно было за счет отлития воды. Это удобно при дроп-сетах, когда по окончании повторов одного веса, сразу же следуют повторы уже другого веса. Проще говоря, сеты со сбрасыванием веса. В идеале было бы завершить это упражнение пампингом (частыми многократными повторениями однообразного движения), но вода, которая плескалась в ведре, не позволяла это сделать. Следующей частью моей тренировки были упражнения на ноги. Для начала я сделал разминочные упражнения, с обычными приседаниями. После этого, вновь наполнив ведро водой, я выполнил приседания с отягощением. Полный присед делать не получалось, поэтому, обхватив ведро перед собой, мои колени сгибались на 90 градусов. По принципу полуприседа, я в большей части прорабатывал квадрицепсы. Упражнения на ноги завершились поднятием тела на носки. Удобной позицией для его выполнения был выступ "дольняка", на котором я разместил часть ступней. Сближение и разведение носков делали акцент на разные пучки икроножных мышц. Для начала такой тренировки было достаточно и, завершив последний подход, я обтерся водой, а затем полотенцем.

- "Неплохо,- сказал я себе. - Посмотрим, как завтра отреагируют мышцы на подобную нагрузку и можно будет совершенствовать тренировку."

Если иметь представления об анатомии человека, как расположены мышцы и какую функцию выполняет каждая из них, плюс к этому добавить немного смекалки, то можно придумать целый комплекс упражнений. Главное не забывать питаться, иначе тренировки не принесут пользы, а будут работать на истощение. Удачное время для занятий подходит между приемами пищи, которую раздают тут и именуют "баландой". Это

время либо между завтраком и обедом, либо обедом и ужином. При таком варианте организм подкрепляется и до, и после тренировки. Вчера ужин был, мягко говоря "никакой", поэтому целесообразнее было начать занятия между завтраком и обедом. В основном в баланде отсутствуют белки, поэтому было бы не плохо получать в перекачках сухое молоко (25% белка на этикетке) и оставлять его на "заправку" после спорта. У меня не было сухого молока, но зато имелось сгущенное, которое стало альтернативой первому продукту. Я выпил немного сгущенки, вприкуску съел хлеба и запив все это дело водой из-под крана. Теперь, закрыв окошко, я лег на шконку и стал ждать обеда. Я не знал сколько время и через сколько принесут обед, но почему-то казалось, что это будет скоро. А может быть это было лишь моим желанием, которое мозг выдавал за действительное? Кто знает?! Как бы там не было, я даже не смог понять сколько прошло времени, так как спустя недолгое время мое сознание погрузилось в сон.

Перед глазами возникла автобусная остановка, на встречу которой из автобуса выходили мы с Юнгером.

- Где его носит? - сказал Юнгер, поглядывая на часы. - Сказал же ему, что мы выезжаем...

Мы оглянулись по сторонам, но Сокола было не видеть. Стоять на остановке и привлекать к себе лишнее внимание тоже не хотелось. В последние дни нам удалось замутив пару акций прямого действия, которые унесли с собой жизни нескольких оккупантов, но в то же время создали дополнительное волнение и активность среди системных псов. Мы могли месяц делать подобные акции, а потом затихать так, будто нас там никогда и не было. Мы заранее придумывали себе алиби, в котором старались задействовать посторонних лиц, на случай, если карательные органы начнут проявлять к нам интерес. Я, еще будучи совсем молодым, успел засветиться и создать себе репутацию White-Power Скин-хеда, в силу своих юных лет и пыла, с которым вел Борьбу. Каким это было минусом, я понял, только когда стал старше и легавые то и дело приезжали ко мне, чтоб допросить по любому из происшествий, в котором имелась расовая подоплека.

- У тебя "инструмент" с собой? - вдруг поинтересовался я, все еще вглядываясь в даль и пытаясь увидеть на горизонте, идущего к нам Сокола.

- Да,- ответил Юнгер и, чтоб убедиться в этом засунул руку в сумочку, которая так же, как и у меня, висела на поясе. - А почему спросил?

- На всякий... А то я с собой еще один взял.

- Не, все в порядке,- улыбнулся он.

- Тогда может пойдём прогуляемся? - предложил я.- А там, глядишь, и Сокол объявится...

- Пойдем,- согласился Юнгер.- А то прождем его до самого вечера.

- Это верно...- поддержал я.

Мы с Юнгером перешли дорогу и погрузились в каменные джунгли. Дворы домов, как близнецы, были выстроены под копирку: каждый из последующих напоминал предыдущий. Где-то играли дети, где-то старики читали газеты, а бабушки сплетничали, делая микс из услышанного с фантазией и собственными додумками. Одни спешили по делам, другие на речку, третьи по магазинам. Мы с Вовой пытались влиться и смешаться с междворовой суетой.

- Что это за девушка была? - поинтересовался он, после небольшого молчания.
- Ты про автобус? - переспросил я.
- Ну да... Светленькая такая.
- Это Танька,- ответил я.- Моя давняя знакомая. А что?
- Она не в "теме"? - спросил Юнгер, подразумевая под темой принадлежность к

НС.

- Нет конечно,- усмехнулся я, представляя Татьяну яркой сторонницей Национал-Социализма.
- Жаль...- протянул Владимир.
- Понравилась?
- Хорошенькая! - ответил он.

Юнгер, как и я, придерживался мнения о том, что девушка, с которой он будет строить отношения и семью должна обязательно иметь правые взгляды. Татьяна была в моем случае исключением. Но и мои предпочтения, касаясь отношений только с правой девушкой, пришли ко мне уже после Татьяны. С возрастом я понял, что понять меня сможет только девушка с правыми взглядами и только в такой я видел жену и мать моих детей. Только девушка с расовым самосознанием сможет разделить мою судьбу и продолжить здоровый славянский Род.

Еще какое-то время мы шли молча, смотря по сторонам. Знойное солнце и влага создавали духоту, которая проникала в тела людей и проявлялась испариной на их лицах. Тень и та не могла укрыть от спертого, влажного воздуха, затрудняющего дыхание и движения человека. Мне хотелось скинуть с себя поло, но татуировка в виде кельта, выбитая на плече, могла вызвать дополнительное внимание обывателей. Юнгер по-прежнему шел в черной кофте, которая еще больше притягивала к себе солнечные лучи.

- Тут недалеко есть стройка,- сказал он. - На ней работает много обезьян.
- Идем туда? - спросил я.
- Да, думаю в этом есть смысл,- ответил Юнгер.

По бетонному мосту мы перешли "Песчаное" озеро, которое брало свое название из-за песочного намыва. Это озеро было создано искусственно для купания и отдыха жителей прилегающих районов и имело песчаные, как берега, так и дно. Кстати говоря и сам район из-за него именовался "Песчанкой". Через озеро тянулись два моста:

один высокий, бетонный; другой понтонный, железный, проходящий вдоль глади воды. Как раз на понтонном стояли с удочками рыбаки в панاماх и сигаретами в зубах. Под натиском духоты их внимание было сосредоточенно на поплавах, которые кидало по небольшой ряби воды. В другой части озера кишела детвора, плескающаяся и остужающая свои тела в прохладной воде. Официально сезон купания был окончен, но разве имела влияние эта условность, когда погода не щадила людей?!

- Вон и Сокол,- сказал Юнгер, смотря на парня, только вошедшего на мост с другой стороны.

- С последней нашей встречи он вроде поправился,- заметил я.

- Наверное...- безразлично ответил Владимир.

На встречу к нам шел слегка полноватый, светловолосый парень в клетчатой рубашке и светло-голубых джинсах. Рукава на рубашке были закатаны по локоть, а на ногах одеты белые кроссовки с липучками, вместо шнурков. Через плечо висела черная сумка фирмы "Lonsdale". Увидев нас на лице Сокола просияла улыбка и правая рука устремилась к солнцу. Мы с Юнгером так же вскинули руки от сердца к солнцу, приветствуя камерада.

- Я же тебе заранее позвонил и сказал, что мы выезжаем,- сказал Юнгер, пожимая предплечье Вани, а он в свою очередь каждому из нас.

- Блин, да тут целая история приключилась,- начал оправдываться последний. - Без огорчений...

- Я тебе звонил, а у тебя "абонент не абонент",- возразил Владимир, не желая вдаваться в подробности случившейся драмы.

- Походу опять выключился,- сказал Сокол и полез в карман. - Точно! - он включил телефон и закинул его в сумку. - В кармане, что ли, нажимается чего, что он выключается?!

- Ладно, пойдём,- сказал Юнгер, и по дороге начал посвящать Сокола в наши планы.

Мои глаза открылись от звуков алюминиевых шлемок и голосов. Вот, кажется и обед...

- "Сколько я проспал?"- задавался я вопросом и по привычке снова полез в карман.

Кажется, эта привычка будет преследовать меня все время моего пребывания в тюрьме... Попробуйте представить квартиру, в которой нет времени. Вы смотрите по привычке туда, где висели настенные часы, но их там нет. Суετε руку в карман и не обнаруживаете телефона. Да и на самой руке теперь нет часов. Включаете телевизор или компьютер, но и они не показывают времени. Могу поспорить это составит особое

неудобство. Мы даже и не задумываемся о такой, казалось бы, мелочи, которая на самом деле имеет весомое значение в наших буднях.

Дверца "кормушки" открылась и в окошко просунулась ложка, лежащая на куске ржаного хлеба.

- Обед берем,- сопроводил свои действия дубак.

Положив ложку с хлебом на стол, я взял тарелку с супом быстрого приготовления, следом за которым алюминиевая кружка наполнилась "чаем". Как только я перенес все это на стол, "кормушка" захлопнулась. Теперь слышались все те же звуки у камеры напротив. Я сразу подумал о моем бывшем сокамернике.

- "Интересно, сколько судеб утопила эта мразь? - пронеслись мысли в моей голове, пока я обедал. - Ведь его местонахождение здесь это согласование возложенной на него оперативной работы за определенные блага. Здесь он пробудет до самого суда, на котором ему зачтется сучья работа, как смягчающие обстоятельства."

Эти мысли не давали мне покоя. С каждым последующим их притоком я заводился и пылал ненавистью. Сейчас я желал, чтобы Длинного вновь перевели ко мне в камеру и уж тогда бы я смог выплеснуть весь свой пыл и агрессию.

- "Вот бы мне сразу разглядеть маску на нем и сорвать ее",- думал я.

Но, естественно, человек только попавший в застенки не сможет распознать подобного, да и мало кто задумается о том, что Система идет на такого рода ухищрения, ради разоблачения подсудимых. Но это далеко еще не все хитрости, которые таят в себе эти безликие стены...

Я доел суп и только успел немного отпить горячего чая, как "кормушка" вновь открылась и голос из-за двери сказал: - Берем второе.

На второе дали переваренные, слипшиеся макароны, которые еще ко всему этому были пресными. Скорее это напоминало макаронную кашу или небрежно раскатанное тесто. Вкусу и виду местных блюд оставалось пожелать только лучшего, а повару, готовившему эти чудные "деликатесы", всегда питаться подобным. Выбирать не приходилось. Во всяком случае это были углеводы, пусть и представленные в таком свете...

Без какого-либо аппетита я, можно сказать, впихнул в себя макароны и как только открылась "кормушка" отдал в нее посуду. Из передачи у меня лежали сгущенное молоко, хлебцы и целлофановый пакет с неизвестным содержимым.

- "Это же тушенка,- вдруг дошло до меня при более тщательном осмотре. - И что я раньше не рассмотрел ее?! С макаронами было бы самое то!"

Но, как говорится: хорошая мысль приходит напосля. Обед я завершил тушенкой с хлебцами, которые проглатывал с особым аппетитом. Подкрепившись, я чувствовал в себе прилив сил и жизненной энергии, которую вновь хотелось потратить на физические упражнения, но делать это было излишним. Тогда я задумался о вменяемом мне деле... В первую очередь меня беспокоил вопрос о том, как на нас вышли мусора. Где была наша оплошность? За исключением нескольких моментов, которые никак не вписывались в сценарий нашей акции, все прошло нормально. Но и в этих моментах я не видел причины, по которой нас могли бы найти. Позавчера, ЦПЭшники, между моим избиением, пытались уверить меня в том, что вся наша делюга расписана у них на листах одним из моих поделщиков. Системные псы специально пытаются столкнуть нас лбами. Это один из их излюбленных подходов. Когда из подозреваемых не получается вытянуть нужную информацию, легавые запускают дезинформацию, которая поссорит подозреваемых и каждый из них примет позицию против остальных, что будет на руку следствию. Хочешь легкой победы - сделай раскол среди своего врага, и они принесут ее тебе сами, на своих костях. Этим принципом и пользуются легавые в своих целях. Верить им, я конечно отказался, что стало мгновенным продолжением еще более сильных побоев. Мусора не любят, когда идет все не так, как они запланировали. Отсюда в них, как вулкан, начинает бурлить нервозность и агрессия, которые лавиной выплескиваются на тела подозреваемых. Если вас с особым пристрастием избивают системные псы, это первый признак того, что им мало, что известно.

Продол наполнился шумом и множественными голосами. Лай собак безудержно врывался в каждую камеру, а звон ключей и топот ног были отдаленным звуком на их фоне. Четвероногие рвали глотки, словно их дразнили свежем куском мяса. "Волчок" в моей хате ненадолго открылся и дубак, бегло осмотрев меня и помещение, так же скоропостижно закрыл его.

- "Что происходит?" - не мог понять я.

Какая-то тревога ворвалась ко мне в душу и засела там, ожидая чего-то не доброго. Скрипучая дверь то и дело хлопала, а камеры вокруг моей раскоцывались, оповещая об этом стальным звоном. Рации надзирателей, как одна, включились на определенные волны и передавали короткие, непонятные мне, предложения. Я сидел на шконке, внимательно прислушиваясь ко всей этой шумихе. В один момент я начал слышать и звуки, доносившиеся с улицы. Это были звуки проезжей части, которые смешались с голосами людей.

- Запускаем! - крикнул кто-то на продоле, стоя возле моей камеры.

Его приказ, как эхом, продолжил другой, крикнув куда-то дальше. Скрипучая дверь вновь взвыла, будто скрипка, играя свою печальную мелодию. Послышались шаги и собаки снова возобновили лай.

- Лицом к стене встаем,- сказал дубак. - Андрюх, ключ от наручников у тебя? Сними их.

Щелчок известил об освобождении рук незнакомца и в следующий миг дверь одной из камер закрылась.

- Давай следующего! - кричал надзиратель, крутя на пальцах ключи.

Это был приехавший этап... Двери то и дело ударялись об свои проемы и замки, вместе с засовами, завершали свои функции. Я ждал, что и ко мне поселят кого-нибудь, но дверь в мою хату так и осталась не тронутой. Надзиратели еще какое-то время переговаривались между собой, обсуждая и сверяя документы приехавших вместе с заключенными, после чего удалились. ИВС словно наполнился жизнью. Из камер теперь доносились отдаленные голоса на продол, а несколько хат перекрикивались между собой. Дубаки пытались помешать переговорам и шуму, но поняв, что это не в их силах, попросили кричать потише. Неизвестный мне жаргон полился, как река из уст вновь приехавших. Часть их речи я понимал, но другая часть заводила меня в заблуждение.

- Пацаны,- крикнул я и на мой оклик отозвалось сразу несколько голосов. - Вас откуда привезли?

- Централ,- крикнул один из них. - СИЗО,- ответил другой. - А кто говорит?

- Меня Радислав зовут,- сказал я.

- Погоняло есть у тебя? - спросил первый. - Как дразнят? - тут же подхватил второй.

- Не, нет погоняла,- ответил я.

- Радислав, ты в какой хате сидишь? Что за беда? - продолжился ряд вопросов.

- Я не знаю в какой,- в этот момент я и действительно задумался о том какой же номер у моей камеры. - Что-то не посмотрел... По 105 статье заехал.

- Ты, наверное, в 1 хате,- крикнули мне. - Недавно заехал?

- Второй день тут,- ответил я.

- Крепись старина,- слышался уже другой голос. - Может на Централке увидимся. Ты первоход?

Под первоходом подразумевался заключенный, который попал в тюрьму впервые. То есть, если расшифровать слово полностью, получится первая ходка.

- Да, первый раз,- сказал я и дальше голоса начали переговариваться между собой.

Я частично слушал их разговор, который невольно проникал ко мне в камеру, а также веселье и хохот, прерывающие речь. Мне было не до смеха. Вокруг меня образовался огромный клубок не отвеченных вопросов. И с какой бы стороны я не подошел, чтоб распутать его, мне попадались накрепко затянутые узлы. Время прояснит некоторые моменты, но мне не хотелось выжидать его сложа руки. В первую очередь я решил подготовить себя морально. Кто знает, что будет впереди? Что Система уготовит 19-летнему парню и насколько она готова зайти за свои пределы, чтобы извлечь информацию? Вопрос был поставлен мной неправильно. Он должен звучать не иначе, как: насколько я готов зайти за свои пределы? На что готов я? Система бывает непредсказуема и угадать ее действия порой так трудно, все равно, что тыкать пальцем в небо. Поэтому, нежели гадать, что может быть дальше и что предпримут системные псы, нужно быть готовым ко всему. Позавчера я испытал на себе физическое воздействие ЦПЭшников и их ухищрения, о которых мне было известно заранее. Уже изрядно подбитый псами, я сидел за столом, на котором стояла 32-килограммовая гири, с которой меня соединяли наручники. Браслеты крепились к моей левой руке и ручке гири. Чуть сбоку от нее лежал чистый лист формата А4 и шариковая синяя ручка. Мне было предложено написать все, что произошло накануне. Я, естественно, гнул свое, уверяя легавых в том, что мне ничего не известно. Удары в голову ненадолго брали паузу, после чего вновь возобновлялись. Паузу, скорее всего вызывали уставшие руки ЦПЭшников, либо момент, когда они менялись между собой. Моя правая рука всячески препятствовала им и брала часть ударов на себя. Глаза сосредотачивались на гири, которая могла бы легко встретиться с моим лицом. Затылком я старался угадать с какой стороны придется новый удар, чтоб просчитать уворот головы от гири. Быстрые удары не всегда позволяли мне произвести подобные маневры, поэтому на лбу образовалось несколько шишек. Но самое интересное ожидало впереди... На протяжении моего избиения почему-то отсутствовал Сташенко Валерий Валерьевич. Это был один из особо мерзопакостных типов ЦПЭ и его отсутствие в подобном "развлечении" было очень странным. Зная эту гнилую душонку, я не мог поверить в то, что Сташенко останется безучастным к данной процедуре. Так оно и есть. Но вместо стандартного физического давления, он решил разыграть целый спектакль и подойти ко всему прочему еще и с психологической стороны.

В один момент дверь кабинета открылась и в нее зашел щупленький мужичок в очках и залысиной на голове. Валерий Валерьевич, как бы оценивая обстановку, притормозил на входе, а после, немного пройдя вперед обратился к своим коллегам: - Заканчивайте! Приказ Сташенко возымел успех и оперативники, прекратив наносить по мне удары, отошли в сторону.

- Покурим? - предложил один из них, двум остальным.

Те двое единогласно поддержали предложение своего коллеги, и они втроем покинули кабинет. Со Сташенко мы остались тет-а-тет. Он присел напротив меня, и ни слово ни говоря, снял очки, которые начал протирать носовым платком. Я тоже молчал, ожидая, что мне скажет Сташенко, но тот лишь изредка поднимал на меня глаза, после чего вновь занимался очками. В эти минуты, воздух, казалось, стал еще тяжелее от гнетущей обстановки. Сташенко, наконец, отложив в сторону очки, посмотрел на меня и улыбнулся.

- Мои коллеги сегодня не выспались, а вчера потратили много сил на то, чтоб найти преступников,- сказал он так, как будто речь шла совсем не обо мне. - Их злость объяснима, Радислав. Думаю, будь на их месте ты, ты бы тоже выплеснул всю свою злость на объект преследования. Но я, хоть и устал не меньше их, человек более дипломатичный. Насилие — это крайняя мера... Зачем к ней прибегать, когда два друга понимающих человека могут найти компромисс?! Согласись? Ведь, ты парень с головой, а я не такая уж сволочь, которой ваш брат привык меня считать. Если ты идешь ко мне на встречу, то и я пойду к тебе на встречу, хотя возможно мне бы и не стоило этого делать. В данном случае, я ценю понимание, которое будет на руку обеим сторонам. Ведь так? Для чего все эти сложности?!

Он смотрел на меня не отрывая глаз. Его кисти были аккуратно сложены треугольничком перед собой, а на лице время от времени появлялась дружелюбная улыбка.

- "Еще какая сволочь,- думал я.- Более дипломатичный... Ты бы это мне сказал, когда душил или лупил дубинкой. Забыл, наверное, как наши предыдущие встречи проходили и как камерады загибались в твоём кабинете."

- Закурить не хочешь? - предложил Сташенко, раскрыв пачку сигарет.

- Не курю,- ответил я.

- Молодец! - сказал легавый, закуривая сигарету и убирая пачку в карман. - А я вот все никак не могу завязать с этой гадостью. Все обещаю себе, но никак не получается. А ты давно бросил?

Я молчал, не желая вести беседу.

- Да ладно тебе... Расслабься. Нормально же спрашиваю. Это мой личный интерес. Может тоже брошу,- Валерий Валерьевич улыбнулся, снимая этим жестом напряжение. В этот момент мне и действительно хотелось ответить, но я вспомнил, что за игру ведет Сташенко. - У меня один раз знаешь, как было? - он продолжил рассказ, который по сути не нес в себе ничего враждебного.

Это был отвлекающий маневр. Работа с моей психикой. Как бы невзначай Стащенко делился со мной историями из своей жизни (неизвестно насколько правдивыми), тем самым подсознательно втираясь в доверие. Разговоры на отвлеченные темы по душам, после физического давления, расслабляют подозреваемого, а сам легавый предстает перед ним совсем в другой роли доброго полицейского, который не желает зла. Этот подход у системных псов так и называется: злой и добрый полицейский. На подозреваемого сначала оказывают давление, вызывают в нем стресс, а потом вдруг приходит добрый полицейский, который дает вздохнуть и расслабиться. Психологический фактор в такой ситуации складывается в пользу доброго полицейского. Подследственный видит в нем некую защиту от злых полицейских и готов всей душой раскрыться перед ним.

- Хех, - усмехнулся в завершении своего рассказа Валерий Валерьевич. - Тогда-то я вновь и закурил. Ну да ладно... Вернемся к теме насущной. Так что, Радислав, не будем друг другу палки в колеса совать?

- Что вы имеете ввиду? - переспросил я.

- Нам известны в подробностях события вчерашнего вечера на Песчанке, - продолжил он. - Иначе, как бы мы на тебя вышли? Кстати, надо сказать ты осторожный тип. Я бы даже сказал предусмотрительный! Убили в одной части города, уехали к себе в другую часть. В общем ладно, ближе к делу... Ты нам даешь признательные показания, пишешь явку с повинной, мы в свою очередь делаем так, чтоб тебе дали по минимуму. Кстати говоря, явка с повинной тоже пойдет, как смягчающее обстоятельство. И все довольны без лишних сложностей. Ммм? Что скажешь?

- Я не собираюсь ничего признавать, - отрезал я.

- Радислав, у тебя нет шансов соскочить, поверь, - уверял меня Стащенко, говоря почти шепотом. - Если ты не захочешь со мной дружить, то я ведь огорчусь и передумаю тебе помогать. Ай, как потом будешь жалеть, но по нескольку раз я предлагать не буду.

В нашем диалоге воцарилась пауза. Легавый выжидательно смотрел на меня, моргая глазами и кивая головой, когда ловил мой взгляд. На его устах застыла улыбка, под которой скрывалось ядовитое жало.

- Поверь, я хочу, как лучше, - совсем шепотом говорил Валерий Валерьевич. - Тебе 19 лет. Ты хочешь всю жизнь провести за решеткой? Ради чего? Друзей, которые осознают случившееся и всячески пытаются соскочить себе срок? Твой путь, все ваши идеи, это тупик. Все! Вот ты здесь и твоя судьба в твоих руках. Сейчас у тебя два выбора: либо ты пытаешься ее склеить, делая все так, как я говорю, либо ты ее доламываешь... Третьего не дано.

В кабинете открылась дверь и первый из оперов только успел переступить порог, как Стащенко попросил их еще "покурить" в коридоре.

- Подумал бы о родных, о себе,- шепотом продолжал ЦПЭшник, что мне приходилось наклоняться немного вперед, чтоб расслышать сказанные им слова. - Если ты откажешься, то в любом случае пойдешь паровозом за остальными. Я уверен, твои дружки теперь не будут терять ни одной возможности, чтоб улучшить свое положение.

Я молчал. Легавый поднялся из-за стола и начал у меня за спиной ходить по кабинету.

- Наверное все это трудно осознать вот так сразу. Но ты сейчас посиди подумай, взвесь все, как следует,- предложил Сташенко. - И я надеюсь ты примешь правильную сторону.

В этот момент зашли и остальные опера.

- Ну, что он все в молчуна играет? - сказал один из них, по прозвищу Бровь. Он теперь сел напротив меня и с высокомерным видом откинулся в кресле. - Я люблю молчунов заставлять говорить.

- Да, Николай у нас прям спец в этом деле,- поддержал Сташенко. - Но, я думаю, твоя помощь нам не понадобится. Радислав не плохой парень и мы найдем общий язык. Так ведь?

Я чувствовал его взгляд спиной. Он ходил туда-обратно, цокая каблучками ботинок. Иногда останавливался у меня за спиной и подойдя ближе, несильно сжимал мои трапеции.

- Может чайку? - предложил он, изогнув шею передо мной, тем самым давая понять, что обращается ко мне. - А? Колька сбегает, что-нибудь к чаю купит. Ну?

- Нет,- ответил я.

- Пивка? - подмигнул он же.

Я лишь мотнул головой в знак отказа.

- Думай, думай...- где-то за спиной доносились чуть слышные слова Сташенко.

- Еще думает он над таким предложением,- Бровь выдохнул мне в лицо дым, наклонившись вперед. - Валер, чего ты с ним сюсюкаешься? Хочет в молчуна поиграть? Пусть! Мы это мигом исправим...

- Я не думаю,- мои слова на время создали тишину в кабинете. ЦПЭшники замерли на месте, словно пытались вслушаться в то, что сказал я.

- Иии? - протянул Валерий Валерьевич.

Монобровь опера, сидящего напротив заходила ходуном, очевидно сосредотачивая взгляд на мне.

- Я не собираюсь ничего признавать,- повторил я, недавно сказанные слова.

Удар ноги Сташенко в стул прижал меня к столу. Ряд ударов осыпались на мою голову и спину. Один из них пришелся между лопаток так, что перебил дыхание и я выгнулся, пересиливая резкую боль. С трудом мне удалось вдохнуть воздуха, как рука ЦПЭшника с силой прижала мою голову к столу.

- Я ведь предлагал,- говорил Сташенко, стараясь сильнее сдавить мою голову. - Не хочешь ты по-хорошему...

Вдруг он резко отпустил голову, а Бровь в это время поднялся из-за стола. Они поменялись местами и теперь Сташенко сидел напротив меня, поправляя рубашку, а Бровь заломал мне правую руку. С каждым его нажимом, боль становилась все сильнее и сильнее...

- Кричи-кричи,- приговаривал оперативник, отрабатывающий на мне болевые приемы.

Когда он довел свой прием до болевого пика, не в силах больше терпеть, я потянул левую руку на себя и гиря упала на пол, потянув меня за собой. Бровь, выругавшись матом, освободил мою руку, опрокинул со стула и принялся избивать меня на полу. Следом подключились и его коллеги. В режиме физического давления прошел весь тот день, после которого я попал в ИВС и с трудом смог подняться со шконки. Побои терпимы, поэтому говоря о подготовке себя к дальнейшим, самым непредсказуемым поворотам событий, нужно учитывать психологический и моральный фактор. Система обязательно воспользуется всеми способами, лишь бы добыть то, что им нужно. Как показали обстоятельства, мое место пребывания не останется безучастным. Псы будут искать подход ко мне и через него, задействуя все подвластные им рычажки. Стены и те, будут играть в пользу Системы, давя своим серым, холодным бетоном. Важно быть осторожным во всем, включая слова.

Каждое воспоминание отрывает меня от реальности, перенося на несколько дней назад. Все монотонные звуки сливаются с пространством, растворяясь в нем. Зрение фокусируется на одной точке и мозг прокручивает, словно ленту, отрывки воспоминаний, собирая их воедино. Лишь громкие, отличные от всех других, звуки вырывают меня, возвращая обратно. Мне столько раз хотелось забыться там, куда меня уносят воспоминания. Заблудиться, гуляя по всем тем красочным моментам минувшей жизни, которые рисует память. Но эти стены прочно держат меня, каждый раз напоминая о печальной участи моего положения. Я увяз в них, как заблудившийся зверь, увязает в болотистой трясине. Теперь непоколебимость принципов и идеалов примут бой с коварством Z.O.Ga, за право и дальше называться НС, за право остаться мужчиной.

Стальной ключ проворачивался в замочной скважине с особым, громким скрежетом. Стоит только поймать его на слух, как воображение само начинает рисовать

массивную камерную дверь, которая не схожа ни с одной другой. Лишь только повернув голову в сторону дверного проема, я наблюдал за тем, как открывается основная дверь, а затем "скелет".

- На выход,- сказал дубак, отворяя "тормоза".

Я встал со шконки и, сцепив руки за спиной, вышел на проход, встав лицом к стене.

- Проходи дальше,- сказал он же, запирая камеру.

Рядом с одной из дверей, которые не входили в состав камер, стоял другой надзиратель. К нему я и направился. На моем подходе, он демонстративно распахнул дверь, этим жестом приглашая меня вовнутрь. Клетка, находящаяся внутри кабинета все так же была открыта. Не нуждаясь в лишних словах, я зашел в нее и дверь за мной закрылась на замок. Дубак вышел, прикрыв за собой дверь кабинета. Это были все те же стены, окрашенные наполовину в синий и наполовину в белый цвет, где я до этого беседовал со следователем. Спустя минут пять в кабинет вошел Артемьев. Его худенькое, хрупкое тело было обтянуто все той же клетчатой рубашкой, а сквозь очки на меня смотрели глаза с оттенком хитрости. Присев за стол, напротив меня, он расстегнул кожаную папку на молнии и извлек какие-то документы.

- Добрый вечер, Радислав Александрович,- обратился он в официальной манере. - Как чувствуете себя?

На его лице виднелась небольшая ухмылка, которую можно было увидеть, лишь приглядевшись, собственно и сам вопрос носил в себе скорее издевательский характер, нежели беспокойство за самочувствие.

- Держусь вашими молитвами,- без каких-либо приветствий, с сарказмом ответил я.

- Чувство юмора присутствует, значит не все так плохо,- сняв очки, подметил Артемьев, широко улыбаясь. - Но я бы на вашем месте не радовался...- его гримаса в то же время резко стала серьезной, словно слетела одна из масок.

- Мне и радоваться нечему,- ответил я.- Смотрю у вас настроение хорошее, решил поддержать ваш настрой.

Следователь какое-то время молчал и внимательно вглядывался в меня, будто ища на мне что-то, чего я не вижу сам.

- Перейдем к делу,- сказал Артемьев, вновь надев очки и уткнувшись в бумаги. - Посмотрите на этих молодых людей. Вам они знакомы?

Развернув пару листов, с имеющимися на них фотографиями, следователь положил их напротив меня. На одной из них была изображена моя девушка Соня, а рядом фотография Ольги "Бэни". Ольга была моей давней подругой, с которой мы знали, с момента, когда мне было 9 лет. Наша первая встреча произошла на матче московского ЦСКА, играющего на выезде, против воронежского Факела. Бэни тогда была олдовой Скин-Хед Герл, которая так же каталась за коней. На тот момент ей было 20 лет, и уж не говоря о нашей разнице в 11 лет, она была и старше всех тех, с кем я поехал на выезд. Это была худенькая брюнетка, со строгими чертами лица. Ее выразительные глаза и властный взгляд завораживали и в то же время топили в своей голубой глади. А тонкие брови и губы придавали еще большую утонченность лица.

- Кого вы привезли? - сказала тогда она, встретившись с нами в Воронеже. - Он же совсем еще маленький...

После недолгих дискуссий с теми, с кем я приехал, она подошла и взяла меня за руку. Сам же я стоял и хлопал глазами, рассматривая улицы нового города и моб фанатов в красно-синих шарфах.

- Давай руку и никуда от меня не отходи,- сказала она и потянув меня за собой, обратилась к остальным: - Погнали!

Таким было наше первое знакомство. Несколько лет мы не виделись, а после встретились на одной из улиц нашего города, где собиралась бритоголовая молодежь. Оттуда наше знакомство плавно перелилось в дружбу и видаться мы стали чаще. Теперь ее фотография лежала передо мной, а следователь тем временем, наблюдал за моей реакцией, и ухмылка не спадала с его лица. На другом листе были изображены еще две фотографии, с которых на меня смотрели камерады: Александр Матросов по прозвищу "Моряк" и Тушин Андрей по прозвищу "Аркан". Моряку досталось такое прозвище из-за его фамилии, а Аркан имел свое погоняло из-за давнего облюбленного им способа душить ремнем инородцев. Андрея так же называли "Туша", это прозвище подходило и по его фамилии, и по габаритам тела. Аркан был крупных размеров, с идеально выбритой налысо головой, на которой, как печать была выбита татуировка в виде "кулака геноцида". По Моряку тоже нельзя было сказать, что он доходяга. Это был плотный, упитанный парень с русыми волосами и выбритыми под маленькую насадку висками. По его кэжуальному виду, можно было подумать о его предназначении в большей степени к футбольным хулиганам. Но хоть Моряк и вправду гонял за коней, отдавая предпочтение московскому ЦСКА, изнутри же он был пропитан идеями НС.

Я переводил взгляд с одной фотографии на другую и понимал, для чего их демонстрация нужна следователю. Артемьев прекрасно знал, что я не отвечу на его вопрос, но выложив передо мной эти фотографии, он как бы показывал свою осведомленность за моих подруг и камерадов. Это был тоже один из психологических

моментов, который подразумевал под собой мою внутреннюю панику и в дальнейшем способы найти хоть какой-то компромисс. Конечно, увидев знакомые лица, ко мне подкралось беспокойство, которое я тщательно старался скрыть.

- Радислав, это не допрос,- заверял следователь, не сводя с меня глаз. - Я лишь хочу дать тебе шанс исправить свое положение. Ведь, как я уже говорил, мне известно намного больше, чем ты думаешь. Сейчас я хочу посмотреть насколько ты искренен со мной, а значит и насколько готов идти на компромисс.

Артемьев варьировал свои обращения от официального тона к неформальному. Он то и дело обращался ко мне то на вы, то на ты, возможно "прощупывая" меня и ища подходы. Следователь заходил с разных флангов: от угроз до некой дружбы, пытаясь подобрать нужный вариант. Я заметил, что если он пытался найти подход через "дружбу", а я отталкивал ее, то тогда Артемьев возвращал диалог в официальный тон и с высокомерной физиономией продолжал разговор, разбавляя его угрозами. Бывало и такое, что он говорил мне "ты" во время угроз, но это лишь свидетельствовало о том, что Артемьев пытался показать свое пренебрежительное отношение ко мне, якобы, не считая нужным обращаться ко мне на "вы", как того требует этикет. В такие минуты улыбка сама расплзалась на моем лице, видя, как "ничто" пытается самовыразиться за счет погон и положения. Обычно, в такие моменты, я стараюсь представить нас где-нибудь на улице и уж, чтоб это выглядело более комично, воспроизвести подобный разговор. Воображение сразу же меняет картинку на ту, где мой кулак вбивает очки следователя в его глазницы. Я стараюсь превратить его лицо в мясо, интенсивно работая руками и ногами. Сделать не плохой микс из крови, кожи и зубов.

- Я вижу ты нервничаешь, колеблешься,- говорил Артемьев.- Не стоит... В твоём положении нужно теперь искать положительные стороны, как сгладить то, что ты уже совершил.

Он сумел рассмотреть жесты, которые выдавали меня.

- Тебе не кажется, что я вижу и знаю свое положение? - сорвался я.- Ты мне напоминаешь его каждый раз... А вот меня никак услышать не хочешь.

- Я слышал про адвоката,- поменялся в лице следователь. - Но, во-первых, у вас его на данный момент нет, так как от государственного вы отказались, а во-вторых, я повторяю, это не официальный допрос, а мой личный интерес, мотивы которого я уже озвучил.

- Раз не официальный, тогда я не знаю, что вы вообще здесь делаете...

Артемьев сложил один из листков пополам таким образом, что теперь с него на меня смотрела только Соня. Он постукал по ее изображению пальцем и произнес вслух:

- Кайнова Софья Александровна 1989 года рождения, прописана по адресу ***, тебе приходится подружкой.

Я молчал, ожидая, что следователь скажет дальше. Но и он взял небольшую паузу, взглядом измеряя меня...

- Усугубляешь не только свое положение,- на этой ноте, он убрал листы обратно в кожаную папку и поднялся из-за стола. - Но вам виднее...

Артемьев подошел к двери кабинета и нажал на звонок, не оглядываясь назад. Через какую-то минуту, ему открыли дверь, и он покинул эти стены, в которых все-равно осталось напряжение, созданное им. Через несколько минут их покинул и я, вновь оказавшись в камере, с не добрым осадком на душе. Меня беспокоили все эти фотографии и заинтересованность в них следствия. Следователь, в этот раз, поставил акцент на Соне, предполагая теплоту наших отношений. Я не мог найти себе места, допуская мысль о том, что Артемьев может замешать и ее в моем деле. Сразу же перед глазами вспыхнул образ невысокой брюнетки, сомкнувшей внизу, перед собой руки, как она любила это делать, и мило улыбающейся мне. Вместе с образом на меня нахлынула тоска. Я пытался представить, что сейчас делает Соня, чем занимается, о чем думает. Мне даже казалось, что я улавливал ее тревогу. А может быть тревога была только моей?! В этот же момент, я вспомнил наш с ней разговор, когда в мае мы шли после суда. Тогда, три месяца назад, меня и Аркана судили за нападение на группу антифашистов, в одном из кафе города. Все семь потерпевших шавок, как это принято у них, написали на нас заявления. У Аркана, на тот момент уже был условный срок, за избиение оккупанта в электричке, поэтому Андрей на приговоре получил реальный срок в виде 3 лет лишения свободы, с отбыванием наказания в колонии общего режима. Я получил тот же срок, но условно.

Все возвращались мрачные, под тяжестью потери выпавшего из нашего состава камерада и просто друга. Аркан славный, не теряющий чувства юмора, парень. Его шутки и веселый сарказм всегда дарили улыбки нашей компании. Теперь не было того смеха Андрея, который мы привыкли слышать. Смех сменили слезы, скатывающиеся по щекам его жены, которые говорили о печальном событии. Наверное, мне бы стоило тогда радоваться, что я остался на свободе, но мне даже не думалось об этом. Я полностью разделял все те чувства, которые происходили внутри жены Андрея. Мы с Соней шли немного позади всех и молчали. Она крепко сжимала мою руку, словно уже никогда и не намеревалась ее отпустить. Когда мне зачитывали приговор, я оглянулся назад и поймал взглядом Соню. Она тоже поднялась со скамьи, будто этот приговор был и для нее. Хотя, наверное, так оно и было. От приговора зависела и ее дальнейшая жизнь, ведь мы повязаны одной судьбой. Судья только начала зачитывать инкриминированные мне деяния, как слезы уже двумя струйками полились по ее щекам. Соня рукавом смахивала их, но тут же на их месте

появлялись новые. После приговора она больше не отпускала мою руку. Так и шли мы не спеша, позади всех.

- Мне кажется ты не догуляешь условный срок,- нарушив молчание, сказала Соня.

- Честно? Я и сам не особо в это верю,- согласился я.

- И ты вот так просто это говоришь? - возмутилась она.

- Я лишь стараюсь смотреть на вещи и обстоятельства реально,- пояснил я.- Мне не помешает условка заниматься тем, чем я занимался. И закрывать глаза, видя, что происходит в моем городе я тоже не собираюсь.

- Но ты же понимаешь, что теперь тебя могут закрыть за любую мелочь? - спросила Соня.

- Понимаю... Как и понимаю то, что преследовала судья, дав мне условно. Это невидимые кандала, обязывающие меня быть толерантнее и смиреннее. Такого не будет.

- В таком случае у нас не будет будущего,- на тон ниже сказала она.

- Что? - не понял я.- В каком смысле?

- Если тебя посадят, я не буду тебя ждать...

Не зная насколько серьезными были эти слова, но внутри меня они возымели достаточное значение. Достаточное для того, чтобы поменялся фокус моего взгляда на Соню. Теперь я на нее смотрел так, будто прям сейчас она отпустила канат судьбы, который мы вместе тянули на себя.

- Понял,- только и ответил я, с присущим холодом в голосе.

Мы прошли еще какое-то расстояние молча и тут она дернула меня на себя, чтобы обнять.

- Не злись,- сказала Соня. - Я так сказала, потому что не хочу тебя терять.

Я лишь улыбнулся и вместо ответа поцеловал ее, после чего мы вновь пошли дальше. Она не понимала, что это был совершенно не тот момент, когда мне следовало говорить эти слова. Даже, если они и были сказаны с тем умыслом, который объяснила Соня, то время для них было не удачное, а для желаемого ей значения, стоило изъясняться несколько иначе. Эти слова, словно провели невидимую грань в наших отношениях, которая начала разделять нас. Слова, которые дали трещину в наших чувствах, которую, как мне казалось, уже не залатать. Эти слова настолько глубоко осели у меня внутри, что уже в тот самый момент начали менять мнение о Соне. Я считал, что наши чувства и отношения не в силах сломать все тяготы и обстоятельства, встречающиеся нам на пути. Но я, видать, ошибался. Обстоятельства взяли верх над той, в ком я видел свою спутницу по жизни. В моем понимании серьезные отношения имеют смысл при условии "вместе и до

конца", без этого они бессмысленны и их нельзя считать серьезными.

Теперь, заключенный в четырех стенах, один на один с самим собой, я прокручивал слова Сони и думал насколько они были правдивыми.

- "А может она и действительно сказала их тогда, чтоб предостеречь меня от неволи?!" - думал я, вдыхая спертый воздух подвального помещения.

Теперь оставалось только гадать об их истинном смысле. Я не терял надежды в то, что Соня тогда сказала мне это с горяча. Я питал себя надеждами, может быть потому, что та трещина в наших чувствах еще не успела разрастись. Может...

Мои мысли и переживания, тем временем, путались между собой, переходя от Сони к Матери, от Матери к камерадам, от них к следователю и вновь начиная замкнутый круг. Я даже не успевал видеть этот переход между ними и только уже успевал себя ловить на мысли о конкретном человеке. Это был как раз тот случай, когда уместно сказать: "голова кругом".

Я умылся холодной водой, чтобы взбодриться и присев на шконку, ощутил чувство голода.

- "Интересно сколько прошло времени от обеда?"

Но сколько бы не прошло времени, ужин в любом случае не дадут раньше положенного. Скорее всего чувство голода вызывали во мне нервы, натянутые, как струны. Снять это напряжение не представлялось возможным. Его создавало все окружающее меня. От безликих стен, до следователя, чья задача была и в том, чтоб с каждым его появлением создавать вокруг меня все новые интриги. Он знал куда нужно "закинуть удочку" и на какое больное место надавить, чтобы держать меня в постоянном моральном напряжении. Отвлечься от всего этого я не мог. Мысли вновь и вновь возвращались в бесконечную круговерть неприятностей и переживаний. Только теперь я мог понять, что такое настоящие проблемы. Вольная суета и неудачи, теперь казались мне ничтожными по сравнению с тем, что происходило сейчас. И это был лишь начальный этап вереницы проблем, которую мне предстояло испытать.

Еще немного поразмыслив о том, что могло ждать меня дальше, я подошел к двери и прислушался. Как ни странно, на проходе было относительно тихо. Небольшой шорох и отдаленный фон нескольких голосов, плавно проплывали по коридору, как корабли, заглушившие свои двигатели и чуть заметно качающиеся на беспечных волнах.

- "Спят?" - подумал я.

Но проверять свои домыслы не стал. Да и какое мне до них всех дело?! Чуть позже, когда я считал шаги, бродя туда-обратно от двери до стены, слышался шум ключей, замков и голосов дубаков.

- "Вот кажется и ужин,- пронеслось в голове,- значит уже вечер."

За время, находящееся тут, я мог без труда различать звук открывшейся "кормушки" и звук двери. И сейчас был на 100% уверен, что открылась дверь.

- "Нет, это не ужин,- сказал я себе. - Новый этап? Но я не слышал собак и той скрипучей двери, которая выводила на задний двор ИВС. Да и легавых всего пару человек..."

Стоило мне подумать об этом, как в то же время заскрипела дверь, послышались шаги четвероногих и голоса конвоя. Они перекинулись несколькими фразами, очевидно сверяя документы этапированных и на проходе появился первый заключенный, крикнувший:- Удачи, мужики! А следом за ним, из этой же камеры, вышел второй, крикнувший тоже самое. При их появлении собаки начали рвать глотки и хрипеть от ошейников, туго натянувшихся на шеях. Дверь закрылась и другой дубак сразу же начал раскоцывать соседнюю.

- Постой!- крикнул ему первый.- Этот остается. Давай следующую.

Таким же образом освободилась еще одна камера, откуда вышло еще трое.

- У вас все? - крикнул один из конвоя.

- Да,- ответил надзиратель, закрывая дверь.

- Дим, заводи, поехали тогда,- крикнул первый в скрипучую дверь.

Хлопнули двери машины и на проходе вновь загрели ключи, закрывающие дверь, ведущую на улицу. Этап уехал. Через несколько минут, затвор "волчка" на моей двери открылся. Глаз дубака осмотрел меня и хату, после чего вновь закрыл "волчок". Где-то недалеко от камеры, я слышал, как надзиратели начали переговариваться между собой. Их шепот, маленьким потоком просачивался сквозь вентиляцию и щели двери. Слов было не разобрать. Я прислонил ухо к "тормозам", но тут же услышал приближающиеся шаги. Отойдя от "тормозов", я присел на шконку. Задвижка "волчка" вновь открылась и теперь на ее месте возник глаз дубака. Вертухай смотрел на меня и спустя несколько секунд произнес: - Белов, собирай свои вещи.

- Зачем? - не понял я.

- Затем! - передразнил меня дубак. - В другую камеру пойдешь. Разместим вас немного покомпактнее.

Не совсем поняв причины, я все же стал собирать вещи, из которых у меня были рьльно-мыльные принадлежности и остатки сгущенного молока. В два глотка допив

остатки сгущенки, я отправил бутылку в "аленку". Дверь начала раскоцываться и я, взяв свою небольшую котомку в руку, встал возле "тормозов".

- Старшой, мне бы остатки передачи прихватить,- обратился я к дубаку, который уже открывал "тормоза".

- погоди, не открывай,- крикнул он напарнику. - Он вон свои вещи хочет забрать.

Другой вертухай, который уже открыл замок камеры, закрыл ее на стальной засов.

- Пойдем, забирай свои пожитки,- сказал мне первый дубак, постукивая ключами об руку.

Я прошел прямо по коридору и завернул в кладовую комнату. Недолго думая, я закинул рыльно-мыльное в пакет с оставшимися продуктами и канцелярией и, выйдя на проход, последовал уже к другому дубаку.

- Пакет-то ты зачем взял? - недовольно сказал тот.

- А в чем мне это все нести?!- возмутился я.

Немного помявшись, он со вздохом сказал: - Давай показывай, что в пакете.

Я раскрыл перед ним пакет и поочередно начал доставать содержимое. Последнее, что я достал, были: тетрадка, конверт и ручка.

- Давай, заходи,- сказал вертухай, отворяя массивную дверь.

Так и держа канцелярию в одной руке, а пакет в другой, я перешел порог камеры. Сильным стуком захлопнулась дверь за моей спиной, звоном пронзая уши. Камера была значительно больше предыдущей. В ней были 4 двухъярусные шконки и поэтому такая хата именовалась восьмиместной. На двух шконках уже лежали два заключенных, которые по моему появлению начали подниматься. Верхние яруса бросали тень на нижние места, поэтому мне не совсем удалось рассмотреть сокамерников. И только когда они вылезли на свет, я увидел перед собой двух узбеков.

Глава 3.

Четыре звериных глаза изучали меня с ног до головы. Я плохо разбираюсь в возрастах черных и затрудняюсь определить их года, но то, что передо мной стояли уже зрелые дяди, могу сказать с уверенностью. Они оба были щупленькие по телосложению, как большая часть их сородичей, и в вытянутой, изрядно потасканной одежде. Один из них кинул пару фраз другому, на своем гнилом языке, а второй, с явным возмущением в голосе, ответил первому. Я прошел немного вперед, по направлению к ним и, не говоря ни слова, оставил ручку в правой руке, а остальное убрал в пакет, который держал левой.

- Ти ктооо? - протянул один из оккупантов.

- Скинь-хед? - поддержал его второй.

Я пристально вглядывался в их лица, которые не сулили мне ничего хорошего. С первых их слов, я понял, что узбеки уже предупреждены, кто окажется у них в камере, поэтому выжидали моего появления. На лбу у меня не написано, что я Скин-Хед, хотя многие на свободе говорили обратное, но зверьки сразу определили, пусть и не совсем точно, мою принадлежность к правым кругам.

- "Ну ладно...- подумал я про себя в этот момент. - Давайте су*и!"

Я кинул пакетом в одного из оккупантов, что было неожиданно для него, а сам накинулся на другого, пытаясь пырнуть его шариковой ручкой. Узбек закрывался руками, прикрывая шею и лицо, поэтому стержень ручки впивался ему в кожу рук, проникая с частью пластмассового корпуса. Зверь завизжал так, что его визг закладывал уши. Где-то на десятом ударе, пластмассовый корпус ручки раскололся и оружие потеряло свою суть. За это время второй узбек успел несколько раз ударить меня в корпус, но подходить ближе не решался. Первый, чьи руки были истыканы ручкой, воспользовался этой небольшой паузой и крича на своем, перекатился через шконку и вылез с другой стороны.

- Ну что твари?! - выругался я и прыгнул с ноги на второго.

Он дернулся назад, выставляя вперед руки, коими хотел поймать мою ногу. Надо сказать, это ему почти удалось, но плохая реакция не дала басурманину сомкнуть руки в нужный момент, поэтому моя нога, лишь ударила его по ладоням. Первый, толи от отчаяния, толи под влиянием шокового состояния, бросился на меня, махая кулаками в разные стороны. Попав мне пару раз в голову и область плеча, мы сцепились с ним и упали на пол так, что я оказался сверху. Он тут же схватился в мои руки, и я не мог достать кулаками до его лица. Второй, обхватив мою шею, начал душить. Я захрипел и пытался оттолкнуться ногами от пола, чтоб опрокинуться назад. Все тщетно. Узбек, душивший меня, не позволял этого сделать. Убрав руки от первого оккупанта, я вцепился в руки второго,

чтоб разжать их и освободить шею. Ничего не получалось. Уже где-то вдаль, мне слышался звон ключей, а может быть это был обычный звон в ушах, от удушья. Звуки смешивались между собой и в голове создавался хаос. Кислорода поступало все меньше и меньше... Уже окутанный паникой кислородного недостатка, я искал пальцы душившего меня, а коленями вдавливал, что есть сил, в первого зверя, стараясь сделать ему как можно больнее. И вот, к моему везению, моя правая рука все-таки нащупала пальцы душившей меня конечности. Подцепив один палец, я выгибал его в обратную сторону. В это время, перед моими глазами, открылась дверь камеры и в нее забежали четверо надзирателей с дубинками в руках. Дубинки, как шашки, начали хлестать направо и налево, всех подряд, без разбора. Дубаки не выясняли, кто прав, а кто виноват. Их задачей было подавление драки. Дубинки, как раскаленная сталь, прижигали кожу. Под их ударами, тело непроизвольно выгибалось в разные стороны. Через пару минут, я сам не понял как, мы все уже лежали пластами на полу, под нависшими над нами вертухаями. Одного из узбеков собрались выводить из камеры, но другой дубак остановил их и приказал вывести меня.

- Их нельзя с другими сажать,- объяснил он свое решение.

Как я понял, он был у них старший смены, который брал на себя груз ответственности за происходящее в ИВС. Меня подняли на ноги и сказали следовать на коридор. Я вышел и встал лицом к стене, под бдительным надзором дубака.

- В какую его? - спросил он у "старшего".

- Первая у нас живая?

- Да, там двое.

- Давай к ним! - распорядился "старший".

Перейдя через одну дверь, вертухай открыл следующую и дубинкой показал, чтоб я заходил.

- "Снова двое",- подумал я и, собрав все силы в кулаки, зашел вовнутрь.

На пороге меня встретил невысокий, русский мужичок, лет 40 - 45. На его щеке был длинный шрам, который начинался чуть ниже глаза и проходил до окончания челюсти. Лицо было с небольшой щетиной, которую отчетливо разрезал шрам. На руках виднелась синева партаков, напоминание о былых годах заключения и, как печать, отразившаяся на коже. Мужик стоял, выжидательно смирив меня взглядом и скрестив руки на груди. Чуть поодаль за ним, в сторонке, топтался юноша, примерно лет 20-ти. Дверь за мной захлопнулась и первое, что спросил мужик, было: - По жизни все ровно?

Вопрос был, надо сказать, сложный на первый взгляд. Я не знаю таких людей, у которых по жизни было бы все ровно, или, если сказать иначе: гладко. На жизненном

пути каждого человека встречаются трудности, которые создают определенные "кочки", неровности. Каждый человек, в силу каких-то обстоятельств, так или иначе, сталкивается с этими трудностями. И уже совсем другой вопрос: решает ли он их или увязает в них еще больше?! Как бы там не было, вне зависимости от решения неприятностей, неровности имели место быть, а значит и сам вопрос, о ровности по жизни, не имеет смысла и актуальности. Но тюрьма, это такое специфическое место, где любая фраза и вопрос могут иметь несколько значений и терять свою буквальность смысла. Отсюда тюремный жаргон настолько заковырист и не так прост в своем понимании. Люди, сидящие годами, настолько мастера своего слога, что могут с легкостью варьировать между нескольких значений слов и в конечном счете преподнести свои слова и доводы так, что они останутся правы в любой ситуации.

- Как понять? - переспросил я, проходя дальше от двери.
- Ты только заехал сюда? - тут же сменил вопрос мужичок.
- Да, пару дней, как закрыли,- сказал я.
- Я и думаю, что не видал тебя в нашем этапе,- заметил мужик и протянул мне руку. - Меня Мишка зовут, "Соленый".
- Я Радислав,- пожимая ему руку, назвал я.
- Пойдем присядем, потолкуем,- предложил Миша, направляясь к общаку.

Я в это время обернулся к юноше, державшимся в стороне и ни произнесшем ни слова, и протянул руку, для рукопожатия.

- Мне нельзя,- тихо сказал он, пряча руки позади себя. - Я обиженный.
- Он обиженный,- повторил громким голосом Миша. - Им по жизни с мужиками не положено здороваться.

Обиженный - это представитель самой низшей касты в тюрьмах. К ним относятся и так называемые петухи, которые имели непосредственный половой контакт с мужиками. Или, если сказать по-другому: были опущены. Обиженным можно стать и не входя в половые сношения с кем-то из заключенных. Достаточно "закосячиться" от петухов или других обиженных, например поев, покурив или взяв, что-нибудь у подобных. Говоря на местном языке "полоскаться" с обиженными. Обиженный - это обобщенное название низшей касты, включающее в себя самые низы тюремного мира.

Я убрал руку и присел к Михаилу за стол.

- Федь, наведи уборку пока,- сказал он обиженному, который тут же схватился за метелку.

У Феде была своя шконка, расположенная ближе к "дольняку". В основном, спальные места, расположенные у туалетов, принадлежат обиженным и садиться на них, а

особенно отдыхать, мужикам нельзя. Статус мужика не приемлет подобного, а стало быть тот, кто позволит себе отдых на шконках обиженных, пополнит их ряды.

- Чифирку? - предложил Михаил, переливая из кружки в кружку темную жидкость. Это называется "тусануть" чифир и относится к тонкостям его приготовления.

Чифир представляет из себя завар большого количества чая по соотношению к воде. Но и тут есть свои хитрости. Если чая будет не достаточное количество, а, следовательно, и заварка получится слабее, то такой напиток называют "купцом" - просто крепким чаем. Именно крепость и играет роль между этими двумя напитками. Чифир заливают кипятком и сверху накрывают крышкой (или другой кружкой), чтоб завар настоялся и по максимуму отдал свои соки. Затем чифир "тусуют", переливая из одной кружки в другую. При этом напиток охлаждается и позволяет большей части чайных нифилей остаться в одной кружке. После этого чифиру дают еще немного постоять, чтоб всплывшие чаинки осели на дно. Так и сделал Михаил, поставив кружки на стол.

- Не, я крепкий чай не пью,- ответил ему я.

- Ну это пока,- улыбаясь темными зубами, заверил меня собеседник. - Пусть не часто, но иногда чифирить даже полезно. Чифир поднимает давление и гоняет по организму кровь. Да и для желудка полезно, если не борщить в употреблении. Тут он вместо спиртного. Его заваривают при встречах, праздниках и других поводах, которые хочется отметить. Так что немножко можно.

- Не,- вновь отказался я.- Благодарю, но не буду.

- Право твое,- сказал на это Михаил и извлек из кармана кусочек сахара, который наполовину опустил в чифир. - Дам тебе совет, может пригодиться потом... Когда чифир настоялся, самые матерые арестанты опускают в него сахар. Сахар вбирает в себя горечь чифира. Ну а дальше на любителя...

Я лишь улыбнулся в ответ, слушая с каким энтузиазмом Михаил рассказывает мне о способах приготовления чифира.

- Так что там случилось у тебя? - вдруг сменил он тему. - Ты в какой хате был? В 5?

- Кажется да,- задумался я.

- По этой же стороне, через одну дверь? - переспросил Соленый.

- Да.

- Ну значит слух меня еще не подводит,- усмехнулся он. - Ты был в пятой. По этой стороне идут хаты с нечетными номерами, по другой наоборот с четными. Номера хат всегда надо запоминать. Это может пригодиться в дальнейшем. Ты только заехал, не внимательный еще... Вот посидишь подольше, начнешь на каждую мелочь обращать внимание и понимать, как это важно порой бывает. Ничего... все со временем!

- Я зашел в хату, там было два узбека,- продолжил я.- Ну они сразу стали спрашивать Скин-Хед ли я.

- Не спрашивать, а интересоваться,- поправил меня собеседник. - Спрашивают за что-то. Учись правильно выражаться тут. А то ведь зеки такие, им палец в рот не клади, откусят по локоть. Большинству дай только за слово зацепиться, живьем сожрут.

- Они поинтересовались,- рассказывал я дальше,- и я сразу понял, что меня тут уже ждали. На мне ведь не написано кто я?!

- И то верно,- согласился Михаил. - Тебя мусора-шакалы проложили. Это однозначно! Видать зуб у них на тебя.

- Наверное...- сказал я.- Я воспользовался 51 статьей, следовательно не доволен.

- Ну еще бы! - засмеялся Соленый.- Работенки ты им поднакинул. Вот он и походатайствовал, чтоб тебя в ту пресс-хату закинули к нерусям.

- Пресс-хата? - переспросил я.

Еще будучи на свободе, я слышал о существовании таких камер, где заключенных подвергают физическому насилию, чтоб выбить явку с повинной или признательные показания.

- Да,- подтвердил Михаил. - А может просто красная хата, где этим хмырям дали указания по тебе. В любом случае, в таких хатах сидят красные (активисты администрации), разные гады и б*яди. В людских, так называемых черных хатах такого нет. Беспредел и махновщина обычно в красных хатах. Там живут по режиму администрации, мы же идем ему вразрез.

- А почему черные? - поинтересовался я.

- Нет-нет,- засмеялся собеседник, оголив редкие, темные зубы. - Черные не значит, что в этих хатах сидят черные по цвету кожи. Черный цвет - "отрицающий". Отрицающий режим и установленные им законы. Вспомни тех же пиратов, которые сражались под черными флагами.

- Понял,- улыбнулся я и рассказал все происходящее в той камере до того момента, пока я не оказался здесь.

- Дело прошлого, я и сам черножопых не люблю,- заявил Соленый. - Но так или иначе приходится тут жить с ними и от этого никуда не денешься. Что, кстати, за беда у тебя?

- 105-я,- ответил я.

- Терпила черный? - поинтересовался собеседник.

- Да, айзер.

- Значит и вправду Скин-Хед...- сказал Михаил.

- Не,- ответил я.- Я националист.

- А разница? - не понял Соленый.

- Скин-Хед это субкультура, а национализм - это мои политические взгляды, образ жизни и мыслей.

Михаил замолчал, очевидно переваривая сказанное мной, при этом попивая чифир.

- Скин-Хеды, националисты...- задумчиво проговаривал он. - Не живется вам спокойно.

- Не умею и не могу жить по-другому,- сказал я.

- Хотя...- Соленый выдержал небольшую паузу. - Кто знает, может вы и правы. Сейчас куда не глянь - одна чернота.

- Это еще слабо сказано,- заметил я.

- Ты Радислав только учти: по понятиям Скин-Хеды приравниваются к беспредельщикам. Приедешь на Централ много языком не трепли. Но с другой стороны: за образ жизни спроса нет.

- Это как понять? - не понял я.

- Ты можешь быть националистом и тебе никто за это предъявить не может, если за тобой нет беспредельных поступков,- пояснил Миша. - Улавливаешь нить? Понимаешь к чему я клоню? - его глаза блеснули, как у лисы.

- Понял,- откладывая мысли собеседника, произнес я.

Неофициально все арестанты понимают, за что сидит националист, но формально никто не может залезть ему в голову и назвать его действия беспределом, если он сам не представит их в подобном свете.

- К этому я еще добавлю вот что: ты никому не обязан рассказывать за свою делюгу, пока у тебя идет следствие. Это не здравый интерес расспрашивать обстоятельства дела. И кто будет интересоваться за это, можешь прям так и отвечать. Обстоятельства дела - это судьбоносный вопрос, который может повлиять на твой приговор. Помни это. Вот так,- заключил Соленый. - А вообще ты молодец, что не растерялся и дал отпор этим узбекам. Не каждый бы так поступил.

- Благодарю за совет дядя Миш,- сказал я.

- Это мой долг, доводить до вас - молодежи, что к чему и почему,- ответил он. - Что будет интересно - интересуйся.

- Хорошо! - мы ударили об ладони и тут на продоле загремела посуда.

- Вот и ужин,- сказал дядя Миша, допивая чифир.

Он сполоснул обе кружки и поставил их на стол. Когда "кормушка" открылась, Соленый подошел к ней и начал передавать мне ложки и хлеб, а я раскладывал их на столе. Вслед за ними последовали две тарелки, наполненные подобием макарон.

"Макаронной каши" в этот раз было больше, чем накладывали до этого. Дядя Миша умел поставить разговор с легавыми.

- Давай кружки,- сказал он мне, и я протянул их ему.

Обе ручки кружек были перемотаны веревкой, очевидно для того, чтобы их можно было брать в руки при нагреве. Так и есть. Солёный поставил кружки на стол и сел напротив меня. Я тут же взял одну из них, чтобы убедиться в своих предположениях. Сама алюминиевая кружка была настолько нагрета от кипятка, что до нее было не прикоснуться, но зато веревка, плотными рядами обмотанная вокруг ручки, позволяла братья за нее, не опасаясь ожога.

- Умно! - заметил я на это.

- Еще бы,- согласился дядя Миша. - Зеки народ со смекалкой,- его глаз подмигнул мне.

В это время, Федя, вооружившись собственной пластмассовой тарелкой, подошел к "тормозам" и протянул посуду, не касаясь стенок "кормушки". Дубак, так же, не касаясь его тарелки половником, вывалил в нее макаронного месива. Обиженным нельзя соприкасаться с тем, с чем соприкасаются мужики, дабы не закосячить. Поэтому они постоянно возят по этапам свою посуду. Исключением являются нательные вещи, которые позволяют стирать обиженным. Мусора знают обо всем этом и строго блюдают разделение между этими противоположными кастами.

У Феде было все свое, отдельное, и не предназначенное для общего пользования. Вслед за макаронами, он протянул кружку и ему налили чая. "Кормушка" захлопнулась и Федя, сев на свою шконку, достал деревянную ложку, именуемую на местном сленге, как "разорви еб*ло"(в силу своих больших размеров не уместяющуюся в рот) и принялся за трапезу. Пока мы ужинали, Солёный рассказал мне о келешованной посуде. Такой называют посуду предназначенную для всех заключенных без разделения на масти, будь то обиженный или мужик. Обычно такую посуду дают на режимных (красных) зонах, чтоб никто из осужденных не ставил себя выше другого. А бывает и вовсе сажают к мужикам за стол петуха. Но порой и Централы (СИЗО) не исключения. Таким был и Централ, с которого приехал дядя Миша и куда в будущем предстояло этапироваться мне. Хоть мужики там и не едят из келешованной посуды, но легавые постоянно предлагают ее взять. Солёный рассказывал, были случаи и такие, что арестант, знающий о келешованной посуде все-равно брал и ел из нее, после чего отправлялся в петушатник. Что двигало этими людьми сказать трудно, но подобными деяниями они резко меняли свое положение в тюремном мире. Существует и такое понятие, как "по незнанию" (или сокращенно "по незнайке"), которое говорит само за себя и в таком случае арестанту прощается его действие, в силу неведения им о келеше.

Мы уже поужинали и отдали тарелки, а дядя Миша все рассказывал и объяснял

мне все нюансы тюремной жизни. Узнавать новое мне было интересно, но и в тоже время необычно. Передо мной раскрывался совершенно другой мир, о котором я и не догадывался. Все представления о нем на воле были иными. Он был полон своих жестоких нравов, законов и философии. Мир, который невозможно представить человеку, не окунувшемуся в него. Здесь грань дозволенного и непозволительного настолько тонка, что увидеть ее порой трудно. Ее могут смещать в любую из сторон виртуозы своего слова и биться лбами те, кто ограничен в своем словарном запасе и мыслях. Это мир, который зачастую не понять умом. И все, что происходит в нем кажется каким-то розыгрышем, шуткой. Но шуткой настолько коварной, что в один момент она становится трагедией. Тюрма то место, где подлость и лезть идут рука об руку, лишь сменяя маски. И если уж говорить о масках, то здесь может получиться не иначе, как целый карнавал.

Мне предстояло так же узнать и о том, что ожидает меня по прибытию на Централ. Как бы легавые, работающие в подобных учреждениях, не пытались отрицать местные законы и порядки, им так или иначе приходится считаться с иерархией мастей. Дядя Миша объяснил свой вопрос, который он задал мне, как я только вошел в хату на примере Феде:

- У мужиков ровно по жизни, ибо, если бы за ними было что-то гадское, бл*дское или какие-либо косяки, которые колебали бы порядочность мужика, ему не было бы места в этой массе, среди нас,- говорил он. - Пример тому Федя. Он обиженный и по жизни у него неровности, проблемы. У красных (активистов) тоже проблемы, в силу их масти, которая подразумевает под собой сотрудничество с мусорами. Мусорское вообще "не наше". Но и на этом список "проблемных" не заканчивается. К ним относятся и "шерстяные" (шерсть) - не порядочные (по понятиям) арестанты. В их числе "крысы" - позволившие себе украсть у другого заключенного, а также "черти" - ведущие нечистоплотный образ жизни, грязные, не следящие за собой.

- А какая разница между бл*дским и гадским? - перебил его я.

- Бл*дью считается тот, кто совершил, что-либо против воров в законе,- объяснял Соленый. - А гадом называют того, кто сознательно пошел против "воровских понятий".

Нюансов в риторике понятий было столько, что мой мозг уже путался в них и отказывался воспринимать. Но с уверенностью из всего этого я точно понял одно: всеми этими людьми тоже движет идея. Идея, которая обуславливается своими рамками понятий чести и порядочности, переступив за которые значит обречь себя на самый строгий "спрос". Порядочные арестанты блюдают кодекс, отсеивая из своих кругов, по их мнению, "не достойных". Но тут нужно понимать, что порядочность для каждого выглядит по-разному. И то, что для одних в порядке вещей, у других это вызовет непонимание. Взять тех же моих единомышленников, которые угодили в лапы Системы, делая то, что им диктовали законы Чести и убеждения. Их дела, как и мои, официально не находят понимания

в тюремном мире, но неофициально одобряются частью белых арестантов. Но и большинство дел, за которые сидят те же заключенные в порядочной массе не вызовут понимания у меня и будут идти вровень с преступлениями против белого человека. Многие из правых, заранее одержимые слухами об отношении и участи к ним в "людских" хатах, сразу уходят в "красные", хотя бы потому, что там сидят те, кто по местным меркам не подходит под категорию "порядочные", а соответственно и не имеющие возможности предъявить им по понятиям. Но, как правило, в "красных" хатах, по указанию легавых, "козлы" (активисты) проявляют не меньшее давление. Да и кто сказал, что "козлы" в этих камерах будут белыми?!

В какой сидеть хате, быть "мужиком" или "красным" - выбор каждого националиста, главное, чтобы при этом он не терял свою сущность и облик.

Еще будучи на воле, я питал неприязнь к системным псам, а по жилам всюду бежала волна антисистемы. Это была одна из причин, по которой я решил находиться в "черной" хате. И если "черный" цвет здесь понимался, как цвет сопротивления, то "красный" ассоциировался с коммунистами. Как писал Уильям Пирс в "Смертельном программировании": «...Возможно, "Холокост" и был величайшим несчастьем для евреев, но то, как коммунисты обошлись с нашим народом – неевреями – в России, в Украине, в Польше, Прибалтике и Германии, было намного хуже. Только в этих странах коммунисты истребили не менее 30 миллионов человек. Вдохновителем коммунистического движения, совершившего эти убийства, был еврей Карл Маркс, а среди его членов было огромное количество евреев.»

Коммунизмом и до сих пор пропитана вся "исправительная" система. Отголоски красной чумы и по сей день могут испытать на себе заключенные российских тюрем. Хотя порядки в каждой "красной" хате отличались друг от друга, но каждая из них по-своему специфична. В них соблюдают режим и правила администрации. Но помимо этого, "красные" добавляют разного рода новшества. Например, взять тот же туалет ("дольняк"), который во всех камерах завешивается простынями, для удобства. В некоторых хатах, "красные" запрещают завешиваться арестантам, мотивируя это тем, что последние могут тем самым спрятаться от глаз "козлов" и вскрыться, используя "мойку" (лезвие от бритвы). В других "красных" хатах, арестант может использоваться в качестве груши. Да и сам режим в этих камерах подразумевает под собой до отбоя запрет присаживаться или ложиться на шконку. Это и многое другое рассказывал мне дядя Миша во всех присутствующих красках. Конечно, после бывшего сокамерника Длинного, я старался не доверять словам заключенных, так как не знал, что под ними может скрываться, но рассказы Соленого были настолько реалистичны, что выходили за правду.

- Но и в людских (черных) хатах не стоит расслабляться,- сказал дядя Миша. - На нашем Центrale, почти в каждой камере есть "контрактники". Это те же оперские кумовки, заключившие контракт на определенное время с администрацией СИЗО. Они

слушают, смотрят и докладывают операм все, что происходит в камере. Сдают "курки" (тайники), где прячут телефон, если такой имеется, пересказывают все события, случившиеся в хате и их участников. Другими словами, являются ушами и глазами мусоров.

- А какая им выгода от этого? - спросил я.- Почему они идут на это?

- Им за это платят небольшую зарплату, которую перечисляют на их счет в ларьке, либо просто платят продуктами и сигаретами,- объяснял Соленый. - Другие, например, идут в контрактники, чтоб отсрочить свой этап на лагерь (зону), или вовсе не поехать туда, когда срок не такой уж большой.

- Почему?

- Они знают, что на лагере у них будут проблемы, потому, что чувствуют что-то не порядочное за собой,- продолжил дядя Миша. - Или такими становятся те, кого на Централ привезли по каким-нибудь жалобам с режимных (красных) зон, и они не желают или не торопятся возвращаться обратно.

- А как узнать кто контрактник? - спросил я.

- Это не так уж просто. Они понимают, что за это их ждет, поэтому хорошо конспирируются. Да и бывает такое, что в хате не один, а несколько контрактников. Они помимо того, что докладывают о жизни камеры, так еще и доносят на таких же, как они контрактников, которые не выполняют свою работу или что-то не договаривают,- Соленый сделал паузу, явно, что-то обдумывая и затем сказал: - А вообще Радислав, остерегайся тех, кто своими вопросами лезет под кожу. Не рассказывай о себе больше того, что остальным можно знать. Не доверяй, не заводи дружбу, не подпускай к себе человека ближе дозволенного. Это всегда будет тебе плюсом на протяжении срока. Даже если этот человек окажется не контрактником, то народ тут такой, что однажды вы с ним поссоритесь, или возникнет какое-то непонимание, и он тебя подставит.

- Я и не собираюсь кого-то подпускать к себе,- заявил я.

- Так многие говорят,- улыбнулся дядя Миша. - Но ты еще даже не видел этот контингент. Не забывай, что они преступники и "втираться в доверие" их, можно сказать, профессиональный навык. Да и что уж там говорить, если мы с тобой знакомы пару часов, а я уже знаю многое о твоей вольной жизни, в частности о твоих взглядах и убеждениях. Но ты ведь даже не знаешь, что я за человек и как эту информацию могу использовать против тебя.

Соленый и вправду умеет расположить к себе так, что разговор с ним невольно переходит в беседы по душам.

- Но я никогда не скрываю их,- твердо ответил я.- Это моя жизнь, мой образ жизни!

- Ты, кажется, не понял, о чем я говорю,- он закурил сигарету и через несколько затяжек, задержал дым во рту, после чего медленно выдохнул его. - Дело не в том, чтобы скрывать, а в том, чтобы не афишировать это. Большинству это незачем знать,

они для тебя никто. Так же, в дальнейшем, это может сыграть определенную роль на твоём судебном процессе. Я понимаю, тебе хочется всем показать кто ты есть, но это ребячество. В первую очередь ты сам должен знать кто ты есть, остальное не важно. Я думаю, твои друзья на воле знают за тебя. Этого достаточно, поверь.

Я размышлял над словами этого сидельца и находил в них определенный смысл. Мы часто рвемся доказать, совершенно посторонним людям, кто мы есть и что значим, хотя доказывать это мы должны сами себе. Остальным за нас скажут наши дела и поступки, ведь слова по сравнению с действиями так мало значат... Именно наши дела в дальнейшем напомнят о нас, когда все уже забудут. Именно дела будут помнить, когда слова затеряются в веренице времени.

Мы сидели молча. Дядя Миша не спеша докуривал сигарету, а я погрузился в мысли.

- Ты, конечно, можешь мои слова всерьез не воспринимать, - нарушил молчание Солёный, - но я уже старый зек, и повидал в этих стенах многих и многое.

- А сколько тебе лет? - ради интереса спросил я.

- Почти 60,- ответил дядя Миша и я не мог поверить его словам.

- Ничего себе,- удивленно сказал я.- Я думал тебе лет 40-45.

- Мне многие так дают,- усмехнувшись ответил он. - Тюрьма бывает выжимает все соки, а бывает сохраняет... Я ведь пол жизни кочую по тюрьмам и лагерям. Не знаю вот сколько сроку мне уготовит в этот раз судьба...

Он говорил эти слова, а его глаза заволакивала печаль. Нет, он не боялся срока. Его переживание было за что-то другое, неведомое мне.

- А за что ты сидишь? - вдруг спросил я. И только сейчас я понял, что раньше не удосужился задать ему этого вопроса.

- Двойное убийство,- твердо ответил он, с какой-то злостью и ненавистью в голосе. Его взгляд застыл на стене в одной точке, будто там было, что-то неприятное. - Два убийства бесхребетных тварей...

Из улыбающегося мужика, с поднятым настроением, он на глазах превратился в старика полного печали и злобы. Его лицо словно постарело на глазах. Тема, которую я затронул, судя по всему, была для него настолько личной и неприятной, что отражала на его облике все чувства, которые так мастерски скрывались под улыбкой. Я решил не расспрашивать об обстоятельствах дела, дабы, как Солёный выразился раньше, не лезть под кожу. Если он посчитает нужным, то сам расскажет об этом, если нет, значит на то были причины.

- Пойду прилягу,- сказал я и направился к шконке.

Дядя Миша молчал и не сдвинулся с места, как некая скульптура, в которой решили отобразить постоянную задумчивость заключенных.

- Смотрю ты без постельного белья? - риторически спросил Солёный, тихим тоном. - Тебе мусора разве не выдали?

- Нет,- ответил я.- А должны были?

- Да,- сказал он, поднимаясь из-за стола. - Они обязаны выдавать белье тем, кто остается здесь с ночевкой.

И вправду. Я посмотрел на шконки сокамерников, которые были заправлены белым постельным бельем. В это время Солёный несколько раз постучал кулаком в "кормушку" и попросил дубака принести еще один комплект белья. "Кормушка" закрылась и, вновь открывшись через несколько минут, в нее просунули белое постельное белье. Я застелил шконку и, раздевшись по турс, направился к умывальнику, чтобы почистить зубы и обтереться водой. Уже завершая вечернюю гигиеническую процедуру, я услышал голос дяди Миши: - Это мусора тебя так отделали?

Я выключил воду на несколько секунд, вытащил из дольняка "морковку", чтобы слилась вода и, вытираясь полотенцем, обернулся к сокамернику. Он смотрел на меня взглядом врача, оценивающего состояние пациента. Я и сам, невольно бросил взгляд сначала на свои руки, а потом и живот. Лишь на руках я заметил синяки, которых было не так много.

- Спереди нет ничего, а вот спина вся синяя,- пояснил дядя Миша. - Да и лицо, видно, что помятое...

- Это еще в первый день, когда принимали,- объяснил я и подошел к шконке, чтобы одеться.

В памяти вспыл момент, когда дома мне надели наручники и с пола подняли на ноги. Легавые заломали мне руки так, что тело наклонило вперед и в форме буквы "Г" мне пришлось идти до машины. Вдруг у самой двери из квартиры они остановились и надели мне на голову черную маску, очевидно перевернув ее другой стороной, чтоб я не мог видеть дорогу. Ткань облегла лицо так, что дышать мне стало намного тяжелее. Меня вывели на улицу, и я слышал, как по лужам били капли дождя. Мое тело тоже ощутило его влагу. Я не видел, что происходит вокруг, но слух рисовал в моем воображении картины. Затем щелкнула дверца машины и я, аккуратно ступая, пытался залезть вовнутрь. Кто-то, влезший в дверь с другой стороны, схватил меня за шиворот и потянул на себя. Я потерял равновесие и уперся коленом в пол, а левым плечом зацепился за сидение. В ту же секунду меня снова дернули вперед, и я упал на пол между сидениями. На согнутых в коленях ногах и боку я сразу ощутил тяжесть ботинок. Легавые уселись на сиденья, прижав меня к полу ногами. Автомобиль тронулся, и всю вибрацию и неровности дороги, мое тело

ощутило на себе в полном размере. Но, как оказалось позже, это было еще только самое начало моих испытаний на тот день.

- Оно и видно, что не свежие,- задумчиво сказал он. - Ты главное духом не падай, Радислав. Они только этого и ждут.

- Я знаю...

- У тебя девушка есть на воле? - вдруг странный вопрос задал Соленый, что я даже как-то замешкался.

- Есть, - неуверенно ответил я.

- Отпусти ее, - все так же тихо сказал сокамерник. - Это лишнее переживание, как для нее, так и для тебя. Это такая ноша, внутри у сердца, что тяжким грузом может потянуть тебя вниз. Редко кто дожидается нас отсюда. Девчушка, наверное, молоденькая совсем, хоть ей дай пожить, раз у тебя все так сложилось. Ты еще пока не понял, но спустя время поймешь, что такое ждать... Мать, отец есть у тебя?

- Мама только,- ответил я.

- Вот только она и будет тебя ждать! - заявил он. - Будет ждать так, как никто другой! Поверь...

Я молча лег на шконку и накрылся тонким одеялом. Соленый сидел за общаком и не спеша докуривал сигарету. Мои мысли вернулись к Маме. Любящей и родной Маме, которую мне никогда и никто не заменит. В этот момент я задумался о том, сколько переживаний доставил ей, сколько тревоги пришлось ей пережить со мной. И как бы мне не хотелось этого, но я не мог по-другому. Я просто не мог по-другому жить. Мама - это тот человек, который не нуждается в проверке на искренность, ибо все ее чувства и помыслы всегда искренние. Я лежал и смотрел на верхний ярус шконки, окутанный воспоминаниями домашнего тепла. И, толи в камере было тепло, толи мысли о Маме и родном доме действительно согревали меня. Память воспроизводила обрывки разных домашних моментов, прокручивая которые, на лице непроизвольно появлялась улыбка. Только тогда, когда ты оказываешься вдали от родного очага, понимаешь насколько бесценно было то время, которое теперь осталось, как печать, в воспоминаниях нашей памяти. Телом я был здесь, в тусклых, потертых стенах заключения, но разум мой пребывал далеко отсюда, в кругу моих родных и близких. Наверное, трудно передать эти чувства ностальгии и восторженности, в которых захлебывается заключенный, человеку, не разлучавшемуся со свободой. Это как кусок хлеба для голодного.

Пока я блуждал по закоулкам воспоминаний, дядя Миша уже тоже лег на шконку и отвернулся к стенке. Мне было не видно открыты его глаза или нет; пребывает он в воспоминаниях или видит сны? Наверное, каждому, угодившему в эти казематы, есть что вспомнить о вольной жизни. Ведь в жизни каждого случались и плохие и хорошие моменты. Какие-то мы спустя время забываем, а какие-то, на протяжении всей жизни храним у самого сердца. И вот именно в такие минуты, как сейчас, эти воспоминания

поднимаются из самых глубин нашей души, чтобы напомнить разуму о приятных моментах нашей жизни.

Теперь мое воображение рисовало облик Сони, которая смотрела на меня изумрудом своих неестественно больших глаз. Она была чуть ниже меня ростом, не худенькая и не полная. Пышность в ее формах создавала лишь грудь, которая явно выделялась вне зависимости от верхней одежды. Она не носила челку и ее волосы всегда свисали до плеч.

Прав был один известный австрийский художник, сказавший: "Никого не любить – это величайший дар, делающий тебя непобедимым, так как никого не любя, ты лишаешься самой страшной боли".

- Дядя Миш,- шепотом сказал я, проверяя спит ли сосед.

- Говори,- ответил он, совершенно бодрым голосом, но по-прежнему лежа ко мне спиной.

- А у тебя есть жена? - спросил я.

- Была,- ответил он.

- Бросила? - любопытствовал я.

- Нет,- сухо произнес Соленый.

- Умерла?

- Убили,- ответил он.

Мы замолчали на пару минут. В это время "волчок" на двери открылся и взгляд дубака, окинувший камеру, пробежался по нам. Дневной свет выключился и теперь загорелась чуть светившая лампочка ночника, расположенная над дверью.

- Сочувствую,- сказал я дяде Мише.

- Спасибо,- ответил он.

- А дети есть? - вновь поинтересовался я.

- И даже внуки есть.

- Везет,- задумчиво сказал на это я.

- Они не разговаривают со мной,- пояснил Соленый. - Ни дети, ни внуки. Со смерти жены, мы стали какие-то чужие. Наверное, в этом по большей части моя вина. Я потратил все силы, чтобы найти тех отморожков, которые убили ее, за какие-то триста рублей, находящиеся у нее в сумочке. Как отшельник, жил один и не навещал все это время детей.

- Нашел?

- Нашел,- с облегчением в голосе подтвердил дядя Миша. - Обоих нашел...

Теперь вот тут, жду приговора.

- Ты молодец,- поддержал я его. - Я бы тоже так же поступил.

Соленый молчал, все так же лежа спиной ко мне. Кто знает, о чем он думал в тот момент и какие эмоции испытывал?! Ненависть, злобу, отчаяние или наоборот облегчение? Справедливость не всегда предстает в таких красках, какой ее расписывают по телевизору. Справедливость выходит за рамки уголовного кодекса, а ее участь равна тюремному заключению.

Глава 4.

Мой третий день, начался, как и два предыдущих. Стабильность! - сказал бы президент нашей искалеченной Родины. Страна охотно перестраивается под стабильность, которая уже стала распространенным слоганом большинства реклам. Некий подсознательный гипноз, проникающий через уши, прямиком в мозг. От стабильности никуда не скрыться: либо ты покорно киваешь головой обману, либо сопротивляешься и примеряешь на себя оковы. В этой стране ты либо стабильно в дураках, либо стабильно в кандалах. Стабильность же!

С утра Дядя Миша был вновь веселым и жизнерадостным человеком. На его лице не было и капли вчерашней печали. Зная судьбу Соленого, которая привела его в эти стены, я не мог поверить, что это один и тот же человек. Этого человека было не сломать ни ударам судьбы, ни тюремным сроком. Он вел себя так, будто ничего и не произошло. В этом, определенно, чувствовался тюремный стаж. Кого тюрьма не в силах сломать, того она наоборот закаляет. И судя по дяде Мише, в нем просматривался явный выработанный иммунитет. У меня всегда вызывали уважение такие люди, которые, не взирая на время и обстоятельства, всегда оставались собой. Люди, которые могут потерпеть поражение, но не сдаться.

Позавтракав пресной пшенной кашей, сокамерники, спустя недолгое время, легли отдохнуть, а я открыл окошко и ждал, когда табачный дым выветрится, чтобы начать тренировку. Минут через 10, за счет щелей рядом с дверью и вытяжки (именуемой отдушиной), помещение обрело более свежий воздух. Мышцы тела испытывали небольшую приятную боль, которая была следствием успешной вчерашней тренировки. Конечно нынешняя боль не сравнится с болью после полноценной тренировки с железом, но я был доволен и ей. Заниматься я решил каждый день и лишь раз в неделю давать отдых, потому, что при упражнениях своим собственным весом мышцы восстанавливаются намного быстрее.

Тренировка началась с разминки, которая плавно перетекла в упражнения. В своей основе она почти не отличалась от предыдущей, за исключением внесенных усовершенствований и новшеств. К отжиманиям от пола я прибавил отжимания с перпендикулярным (по отношению к телу) разворотом кистей. При такой постановке кистей, в большей части задействуются широчайшие мышцы спины (так называемые крылья). Ручку ведра я теперь обмотал тряпкой так, что хват стал более удобный. В этой камере не было стульев, как в прежней, а рядом с длинным общаком, по обе стороны, были зацементированы лавочки. Они были меньше ширины стула, следовательно, и их углы, в которые я упирал руки, находились ближе друг к другу. Это усложняло упражнение. Из новшеств, я внес отжимания на брусьях, которыми служили шконки. Благо, что их расстояние между собой не было большим. Они же мнегодились и для упражнений на брюшные мышцы (пресс). На выпрямленных руках, я виснул между шконками, туловищем наклонившись вперед, и поднимал к груди ноги, согнутые в коленях. "Добивал" пресс уже

лежа на шконке, поднимая туловище к согнутым коленям, при этом не отрывая ступней от шконки. Сегодня, я решил прибавить и упражнения для развития мышц шеи. Для этого мне понадобилось лишь длинное банное полотенце. Почему именно банное? Потому, что лицевое имеет небольшую длину, которую хватит только, чтобы обмотать голову. Перед такими упражнениями важно хорошо разогреть и размять шею. Обычно это делают вращательными движениями (но резко начинать не стоит), после чего тянут ладонью челюсть в каждую сторону. В завершение можно так же разогреть шею небольшим массажем. И только после этого стоит приступать к самим упражнениям. Я сложил в одну полоску полотенце и обогнул им голову, поверх ушей. Схватив руками(рукой) оба конца полотенца, начал тянуть его в одну сторону, а голову в противоположную. Такие упражнения с сопротивлением хорошо нагружают все мышцы шеи, укрепляя ее. Полотенце меняет свое положение, в зависимости от того, как шея меняет направление своего движения: вперед, назад, влево, вправо.

Закончив тренировку, я обтерся холодной водой. Из пищи у меня, к сожалению, ничего не осталось. Последние продукты, которые у меня были, находились в пакете, которым я кинул в узбека.

- "Наверное жрут там, ублюдки",- подумал я.

- Спортсмен, чего задумался,- тут же послышался голос Соленого.

- Да так... о своем,- ответил я.

- Ммм,- с пониманием протянул он. - Если ты про делюгу, то особо не гони...

Будет все так, как должно быть.

- И никак иначе,- с позитивом заметил я.

Настрой мой был и вправду на высоте. Я не желал оставлять ни одного шанса неприятностям, спешившим мне на встречу.

- Мне завтра потребуется твоя помощь при упражнениях,- обратился я к дяде Мише.

- Да какой из меня спортсмен?!- усмехнулся он. - Я и спорт - это, как импотент и девушка: вроде хочется, а не могу.

- От тебя много не потребуется,- сказал я.- Немного надавить на меня, когда я буду делать упражнения. Это увеличит нагрузку.

- Ну это я могу,- ответил Соленый. - Договорились.

- Я еще хотел попросить у тебя ручку, листок и конверт, если есть. У меня все осталось в той хате. Хочу письмо Маме написать.

- У меня, конечно, с собой нет всего этого,- как-то неуверенно начал дядя Миша, но потом решительно продолжил: - Но есть один вариант...

Он быстрым шагом пошел к двери и постучал в "кормушку". Через несколько минут ее открыл один из дубаков и Соленый вступил с ним в дискуссию.

- Листок, ручку найду,- нервничал надзиратель. - Но где я тебе конверт возьму? Мы вам их не обязаны предоставлять.

Дядя Миша говорил тихо, что его речь издали напоминала шепот.

- Ну я же сказал тебе,- стоял на своем легавый. - Все, разговор окончен.

"Кормушка" хлопнула, но через несколько минут снова открылась и в нее просунули листок с ручкой.

- Кто просил? - сказал дубак.

- Тормозни, старшой,- остановил закрытие "кормушки" Соленый, взяв листок с ручкой. - Ты тут видать новенький в смене? Не стоит так начинать наше знакомство. Позови начальника тогда, я с ним поговорю, если ты такой нервный.

- А еще кого тебе позвать? - сказал дубак, вновь хлопнув "кормушкой".

Дядя Миша посмотрел на дверь, затем развернулся и подошел ко мне протянув листок с ручкой.

- Может в других хатах попросить? - предложил я.

- Зачем же? - улыбнулся он. - Во-первых: мы тут одни, а в другой хате только те два узбека. А во-вторых: сами сейчас принесут. Тут можно и по хулиганить немного... Положения тут, как такового нет, поэтому отразиться на "общем" никак не может...

В эти минуты я увидел, как глаза Соленого загорелись юношеским азартом. Человек, который пол жизни провел в лагерях немного постарел снаружи, но не изнутри. В его жилах все еще бурлила кровь неутомимого хулигана, а сердце звало на новые приключения.

Дядя Миша взял ведро и нарвал в него туалетной бумаги, затем, поставил его недалеко от двери.

- Держи спички,- сказал он, кинув мне коробок. - Как скажу, поджигай "аленку".

Я, держав наготове спичку, подошел к ведру. Примерно, я уже предполагал замысел Соленого, поэтому, предвкушая "концерт по заявкам", расплылся в улыбке и ждал начала. Несколькими ударами ноги в "кормушку", та открылась и дядя Миша, просунув в нее голову, заорал на продол: - Ты меня х*ево знаешь, сынок!

Затем, высунув оттуда голову, он уже обратился ко мне: - Пали "аленку"!

Я зажег туалетную бумагу и из ведра полыхнуло пламя. Соленый схватил "аленку" за ручку двумя руками и перенес ее к двери. Тряпкой он потушил пламя и теперь из ведра повалил едкий дым. На коридоре засуетились легавые, ошарашенные таким

исходом событий. Они не знали, как повести себя в подобной ситуации, поэтому бегали и что-то кричали. Дядя Миша поднес ведро к "кормушке", чтоб дым валил на коридор, а меня тем временем, попросил нарвать еще бумаги, развесить ее на "тормозах" и поджечь. Я так и сделал. В "кормушку" вылилась вода, затушив тление бумаги.

- Х*й там угадали! - крикнул Соленый, откинув ведро в сторону.

Он подошел к шконке и оторвал клочок от простыни.

- Простынь еще лучше дымит,- сопроводил он свои действия. - Порви подушку на какой-нибудь "пальме", достань из нее вату. Она еще лучше дымить будет.

- Дядя Миш, тебе бы на футбол сгонять,- засмеялся я.- Там атмосфера как раз подходящая!

- Сгоняю,- улыбнулся он, сжигая клочок простыни. - Вот только освобожусь!

Я тем временем уже поджигал вату рядом с дверью. Федя сидел безучастный на своей отдельной шконке и лишь его глаза быстро бегали из стороны в сторону, наблюдая за происходящим.

В этот момент дверь раскоцалась и на пороге стоял начальник смены, вместе со своими халдеями. Судя по разговору они с дядей Мишей были уже знакомы.

- Соленый, ну ты чего тут устроил? - сказал он.

- Ты своего ухаря научи разговаривать,- ответил Миша. - А то больно быстро он обороты набирает. Характер мне свой не нужно показывать! Я свой тоже могу показать...

- Ты можешь! - согласился начальник. - В чем причина-то?

Соленый объяснил ситуацию, накинув к ней еще и то, что меня закинули в красную хату. Изъяснялся он культурно, без жаргона и мата, которыми оперировал изначально. Начальник противопоставлял ему свои аргументы, которые заставляли дядю Мишу затрагивать и другие темы. Такой разговор не имел ни конца, ни края. Начальник понимал это, но не хотел отступить перед подчиненными. Тем не менее, компромисс нужен был обеим сторонам. По итогу порешали на том, что конверт заберут из той хаты, в которой он был оставлен. Через какое-то время "кормушка" открылась и в нее просунули долгожданный конверт.

- Я же говорил сами принесут,- с довольной миной сказал Соленый, передавая мне конверт.

- Благодарю дядя Миш! - сказал я, протянув ему руку.- И за шоу тоже. Еще с воли люблю подобные мероприятия!

- Да не за что! - отозвался он, пожимая мне руку. - У мусоров часто

приходится отвоевывать свое. Не всегда можно решить на словах какие-то моменты. Бывает и так, что даже то, что по праву нам положено, приходится откусывать у них и более радикальными способами. Легавым иногда нужно показывать свою силу и дух, чтобы они не забывали, с кем имеют дело.

- Да,- согласился я.

В этот момент дядя Миша задрал футболку кверху и на его животе виднелись несколько поперечных широких шрамов. Судя по тому, как они были зарубцованы и сливались с цветом кожи, можно было сделать выводы об их давности.

- Я несколько раз кишки им вываливал,- пояснил происхождение шрамов Соленый. - Давно, правда, было уже... Но раньше и мусора были другие, матерые. Положение на зонах только так и строилось. Я под "крышей" сидел на лагере, так мы и всей хатой не раз вскрывались.

Только теперь я взглянул на внутренние части его рук и увидел, словно ровно выложенные шпалы, сплошные шрамы, покрывающие предплечья.

- Только кровью можно было добиться послабление режима на лагере,- продолжал дядя Миша. - Тогда не было никаких правозащитников, которые могли бы встать на нашу сторону. Только мы сами ломали режим. Много народу умерло: кто на голодовке, кто от потери крови, а то и вовсе от пресса козлов и мусоров... Что творили тогда легавые... что творили...

Соленый, много натерпелся от системных псов и ненавидел их не меньше, чем я. Он шел на самые отчаянные шаги, чтобы заполучить свое. Его не меняли трудности и в любых обстоятельствах он оставался собой. Как писал наш русский поэт, прозаик и художник Михаил Юрьевич Лермонтов: "Уважения заслуживают те люди, которые независимо от ситуации, времени и места, остаются такими же, какие они есть на самом деле." Именно таким и был дядя Миша. Его непоколебимость вызывала в моих глазах уважение.

Во время нашей беседы открылась "кормушка" и дубак известил нас об обеде. На первое давали суп из томатной пасты, а на второе перловую кашу быстрого приготовления. Чуть темный напиток, именуемый чаем, был неизменным.

- А перловка-то из этапных пайков,- сказал Соленый с набитым ртом.

Каждому заключенному, уезжающему с Централы на этап, выдают паек, который представляет из себя небольшую коробку, хранящую в себе несколько одноразовых стаканчиков (одни чуть больше, другие поменьше), несколько каш быстрого приготовления и суп. В комплект так же входит пластмассовая, одноразовая ложка, по два

маленьких пакетика сахара и чая, и галеты (жалкое подобие печенья). Эти галеты были безвкусными и имели такую твердость, что, кинув ими в кого-нибудь, было равносильно, что кинуть кирпичом.

Мы пообедали и запах дыма за это время успел выветриться. Дядя Миша прилег отдохнуть, Федя занялся уборкой хаты, а я принялся за написание письма. Написав заголовок: "Привет Мамуль!", я погрузился в раздумья. Раньше мне приходилось писать письма друзьям на зоны, но это было так давно, что я совсем отвык и не знал с чего начать. В голове было много мыслей, которые я не мог вывести буквами. И все же, немного времени спустя, слова начали вырисовываться сами собой:

"Начну с того, что очень люблю тебя! Ты не верь и не слушай все эти злые языки, которые захотят выставить меня в самых грязных красках. Ты меня знаешь лучше, чем кто-либо другой. Не думай отчаиваться, ведь как бы нас не разделяли я всегда с тобой, а ты всегда в моем сердце. Ты сильная и я уверен, что пересилишь себя и справишься со всеми негативными напастями. Ты сможешь выдержать этот поворот судьбы."

Поставив точку, ручка оторвалась от бумаги и повисла в воздухе. Я несколько раз прочитал, написанное мной и продолжил дальше:

"Мамуль, спасибо тебе большое за продукты. Но ты больше денежки не трать на них, так как здесь не плохо кормят. Вещи были очень кстати, так как мои забрали на экспертизу. Пришлось некоторое время походить в том, что дали взамен."

Я снова собирал свои мысли воедино и пытался сосредоточиться на том, что следует написать. Круговерть мыслей, создавала воронку из слов, отдельных фраз, воспоминаний и предположений. Одно накладывалось на другое. Я старался отсеять все ненужное, оставив лишь только то, что стоило написать.

"За меня не переживай. У меня все нормально. И даже не вздумай вешать нос. Надеюсь, что совсем скоро мы сможем увидеться. Я очень соскучился по тебе. Буду ждать твоего письма!

Сын Радислав."

На этом я решил закончить. Написанные слова и так дались мне тяжело. Тяжело в том понимании, что, проговаривая их про себя, я словно рвал на себе душу. Мне хотелось хоть как-то поддержать Маму, но в тоже время я осознавал, что мои успехи в этом направлении равны нулю. Тем не менее, я хотел хотя бы так, буквами на листе в клетку, дотянуться до нее. Я сложил письмо вдвое и засунул его в конверт, на котором вывел адрес. В хате была тишина, как и на продоле. Я так и сидел за столом, объятый нахлынувшими воспоминаниями родного дома. Меня ни что не отвлекало, как вдруг уши, словно хорошо настроенные локаторы, начали улавливать чуть слышный шум где-то вдалеке. Вместе с этим, по телу будто пробежал тревожный импульс, заставивший меня прислушиваться. С каждой секундой он нарастал и уже отчетливо начали слышаться приближающиеся шаги. Я сам удивился тому, насколько абсолютным становится слух в здешних местах. Как он хорошо взаимодействует с чувствами. Ведь мозг еще даже не понимал и не успевал обработать информацию, как внутри меня уже пробежал этот

импульс, заставляющий прислушаться и насторожиться. Шаги остановились возле двери в нашу камеру, "волчок" ненадолго открылся, после чего начали отпираться замки. Дядя Миша сначала поднял голову, а затем сел на шконку, в ожидании слов надзирателя.

- Соленков, на коридор,- сказал дубак, отпирая "тормоза".

Соленый поднялся со шконки и, заранее убрав руки за спину, вышел на проход. Хлопнули "тормоза" вслед за которыми, ударила и дверь. Только тут я опомнился, что следовало бы отдать письмо. Я быстро встал из-за стола и подбежал к двери, дробью пробарабанив по "кормушке".

- Ну чего там еще? - слышался на коридоре голос дубака.
- Старшой, забери письмо,- крикнул я.
- А сразу-то никак было отдать? - ворчал он открыв "кормушку".
- Забыл совсем,- ответил я, протянув ему письмо.
- Забыл...- бубнил вертухай, но все же взял конверт.

"Кормушка" захлопнулась и я вернулся обратно к столу. Федя сидел на своей шконке, погрузившись в чтение Михаила Булгакова "Мастер и Маргарита". На протяжении всего времени, что я находился в этой хате, Федя сказал лишь только то, что ему нельзя здороваться с "мужиками", обозначив свою масть. Все остальное время он был нем, как рыба.

- За что сидишь? - поинтересовался я у него.

Он оторвал глаза от книги и поднял их на меня.

- 166-ая,- ответил Федя.
- Это что?
- Угон,- пояснил он.
- А еще есть какие статьи? - спросил я, пристально всматриваясь в него.
- Нет, только угон,- немного нервничая, ответил Федя.

Мои представления о петухах были такими, что ими становились те, кто заезжал на тюрьму с "соответствующими" статьями. Например, изнасилование. Ну и, как рассказывал Соленый, те кто по каким-то причинам закосячились от подобных.

- А как ты очутился в "обиженных"? - не переставал я терять интереса.
- В красной хате, когда был,- отрывисто сказал Федя, словно подбирая слова.
- Тебя там "опустили"?
- Да, по беспределу,- обиженный прятал глаза в пол. - Меня петух поцеловал.
- Так а как ты ему вообще это позволил? - удивился я.

- Меня сначала били, а потом руки заломали и в этот момент петух поцеловал...

Я молчал, крутя в голове произошедшую с Федей ситуацию.

- Ты хоть отпор пробовал дать, когда тебя били? - спросил я.

- Да какое там,- вздохнул обиженный. - На меня накинулись несколько человек. Я и представить не мог, что так может получиться...

- Понятно все с тобой,- заключил я и пошел, чтоб прилечь на шконку.

Здесь нужно быть готовым ко всему. Любое расслабление, растерянность могут чревато закончиться в последствии. Твоя судьба в твоих руках. И если ты не готов бороться за нее, то будь готов к самой низкой участи, которую для тебя уготовит заключение. Тюрьма не терпит слабых, она стирает их в порошок. Ей не нужны для этого причины или повод, она создана, чтобы разрушать.

Не успел я прилечь на шконку, как дверь камеры начала раскоцываться. Долговязый вертухай назвал мою фамилию и сказал следовать на коридор. Я вышел, услышав вслед стандартную фразу о держании рук за спиной. Меня снова привели в один из следственных кабинетов, где заперли в клетке. Будто зверь в цирке, я ждал укротителя, попытающегося меня приручить. Дверь кабинета, наконец, открылась и вместо ожидаемого следователя я увидел двух ЦПЭшников. Это был щупленький, с залысиной на голове, Сташенко Валерий Валерьевич и коренастый, с одной крупной монобровью, Николай, известный, как "Бровь". Их ухмыленные лица, только одним своим присутствием не предвещали ничего доброго.

- Как делищи Радислав? - словно мы какие-то приятели, спросил Бровь.

- Бывало и лучше,- ответил я.

Они обогнули стол, Сташенко присел на стул, а Бровь, скрестив руки на груди, облокотился к стене позади него.

- Здравствуй, Радислав,- в своей привычной тихой манере сказал Валерий Валерьевич.

- Здрасти,- без каких-либо эмоций, ответил я.

- Как здоровье? - продолжал он.

- Будто вас оно так беспокоит...

- Как знать... как знать,- риторически ответил Сташенко. - Может и беспокоит.

- Но вы же не по этому поводу приехали сюда?!- возразил я.

- Верно,- улыбнулся он. - Нам вот интересно, как тебе не совестно отнимать у следователя столько времени? Он тебе всячески на уступки идет, а ты вот так...

- Времени? - повторил я.- Так это не моя вина, что он постоянно приходит ко

мне без адвоката.

- Давай начнем с того, что адвоката у тебя нет, следовательно, и привести ему с собой некого. Ты ведь отказался от государственного, а платного, видать, еще не нашел. Да и к чему адвокат, когда следователь приходит, чтобы найти с тобой компромисс?

- Компромисс? - возмутился я.- Заключить сделку со следствием, это компромисс? Дать показания на своих друзей, это компромисс?

- Радислав, ты как будто первый день живешь,- улыбнулся Валерий Валерьевич. - Сделка со следствием в первую очередь выгодна для тебя. Не забывай об этом. Она тебе идет в плюс на приговоре. А что касается дружбы... Я посмотрю на вашу дружбу, когда твои друзья станут сами давать показания на тебя. Друг сегодня есть, завтра нет. Это очень размытое понятие. А смысл его заключается в деньгах и выгодах. Кому ты нужен, если у тебя нет денег или ты не выгоден дружбой? Да никому! Вот вся дружба.

- Это ваше мнение. Если вы смотрите на дружбу именно так, это не значит, что и все остальные имеют такой же взгляд.

- А ты знаешь, как на это смотрят твои подельники? - Стащенко сощурил хитрые глаза, словно лис.

- Знаю! - ответил я.

- И мы знаем,- подключился к разговору Бровь.

- Думаю ты заблуждаешься,- вновь перенял разговор Валерий Валерьевич. - Твои стереотипы устарели.

- Да чего ты его переубеждаешь?!- сказал Бровь, прикуривая сигарету. - Сам убедится потом. Правда тогда уже поздно будет, что-то менять...

- Ну, как говорится, на ошибках учатся! - заключил Стащенко.

Он опустил взгляд вниз, рассматривая свои руки. Его левая кисть была сжата в кулак, а пальцы правой перебирали по нему, будто на пианино. Я так же перевел взгляд на движения Стащенко, затем поднял глаза. Губы на его лице сначала завернулись вовнутрь, а после расплылись в улыбке.

- Дружба,- усмехнулся он. - Смешно даже.

Я не находил в этом слове ничего смешного, поэтому молча, с самым серьезным видом, наблюдал за легавыми. Бровь улыбнулся, очевидно, найдя что-то веселое в словах коллеги. Валерий Валерьевич поднял взгляд на меня и его лицо в этот момент тоже стало серьезным. Быстрая перемена настроения, общения, поведения и внешнего облика - один из любимых приемов Стащенко. Психология, знания которой, позволяют ему вывести собеседника из привычного состояния, создать некий шок, а затем вновь вернуть разговор в спокойное русло. Как правило, человек, подвергающийся подобному всплеску, становится более разговорчивей. Опера со стажем, неплохие психологи, которые знают, как влиять на эмоциональный фон подозреваемого и охотно

пользуются этим. Через их беседы проходят тысячи преступников, на которых они практикуют свое мастерство. Годы таких тренировок, дают свои плоды. Одним из таких "мастеров" был и Сташенко. Целеустремленный взгляд на собеседника, уверенность в словах, и соответствующая грубая мимика уже говорят о его намерениях, которые он подкрепляет высказываниями.

- Ты не первый такой и не последний,- начал Валерий Валерьевич. - Я до поры до времени могу идти на уступки, но стоит меня разозлить, как я превращу твоё пребывание здесь в ад.

- Ты думаешь, наверное, что крутой такой, как хочешь так и будет? - подхватил накал Бровь. - Нет, будет так, как мы хотим. А если так не будет, значит это будет болезненно для тебя.

- Ты ублюдок, к которому у меня нет ни капли жалости,- вновь продолжил Сташенко. - Ты убийца, понимаешь? И я знаю, что это убийство было не единственным. Раскрыть остальные, это вопрос времени. И уж поверь, я хорошо потружусь над этим!

Я бегал взглядом от одного к другому. Они говорили по очереди, будто заранее распределили роли. Скорее всего это так и было, но такой резкий перепад настроения и словесный напор обоих, заставили меня и вправду напрячься. На подобное волнение, организм подсознательно выстраивает защиту. Тело сковало так, будто по мне вот-вот должны прийти удары, ладони вспотели, а во рту стало сухо. Сташенко, а вслед за ним и Бровь, поднимали тон, переходя почти на крик. Они пытались вызвать во мне, как можно больше эмоций. Я сделал глубокий вдох, и закрыв глаза, потер их пальцами. Это позволяло отвлечься и собраться с мыслями. На выдохе я скинул лишнее напряжение и теперь смотрел на них с умиротворенностью.

- Убийца! - Сташенко сопроводил это слово ударом ладонью по столу.- И ты понесешь за это наказание.

Воцарилась тишина. И только звук удара еще витал где-то в воздухе, не находя выхода. Валерий Валерьевич поднялся из-за стола и поправил ворот рубашки.

- Еще увидимся,- улыбнулся он.

- И не раз,- дополнил Бровь.

На этой ноте наш разговор, как-то резко был окончен. Сташенко подошел к двери кабинета и нажал на кнопку, а Бровь, тем временем, проходя мимо клетки, ударил по ней несколько раз. Я посмотрел на него и увидел самодовольную физиономию инородца. По ней можно было предположить, что от подобной выходки он помышлял о наличии стальных яиц и чувстве важности. Дверь открылась и ЦПЭшники покинули

кабинет. Меня тоже вывели вслед за ними и вернули обратно в камеру, где в одиночестве читал книгу Федя. Я прошел и лег на шконку ни сказав ни слова.

- "Как много они знают о человечности? - думал я.- Что ими движет, когда они решают пойти работать в Центр Противодействия Экстремизму? Ну Бровь понятно - хач. Тут объяснения излишни. Но что может побудить на подобное белых, которые сознательно идут "противодействовать" белым, борющимся против оккупации черных?! Детские обиды, не традиционная сексуальная ориентация или мозги, засоренные красной пропагандой? Это равносильно тому, что стать трансвеститом: снаружи белый, но душонка черная. Как мужик без яиц или женщина с ними."

Вскоре, после моего прихода, камеру покинул и Федя. В хате теперь я был один. Мой взгляд окинул пошарпанные стены камеры и внутрь меня вновь ворвалась грусть. Грусть никогда не просится, она врывается в любой момент, когда ей заблагорассудится. Она нахрапом заполняет собой все вокруг, но при этом чувствуется лишь какая-то пустота. Грусть не приходит одна, ее верные спутники - воспоминания, которые шагают с ней в ногу.

Воспоминания, словно перестраивают внутри все так, как сопутствовало им то время. В них не всегда есть последовательность, они могут сменять друг друга хаотично в глубинах кинотеатра нашего мозга. Воспоминания - это самые яркие отпечатки либо положительных, либо отрицательных моментов нашей жизни. Что самое интересное, мы не всегда сразу можем понять колор некоторых событий или моментов, и лишь только в будущем осознаем это посредством воспоминаний того времени.

Через некоторое время дверь камеры снова начала раскоцываться и, как только она открылась, в хату вошел дядя Миша. Его лицо было с оттенком печали.

- Все нормально? - спросил я.

- Да вроде,- ответил Соленый, прикурив сигарету. - Мне по делу отрицать нечего. Я в полной сознанке.

- А чего тогда какой кислый?

- Даже не знаю,- сказал дядя Миша, не спеша выпустив дым в потолок. -

Наверное перевариваю все эти минувшие события... Отсюда и задумчивость.

- Ну да,- согласился я.

- А где обиженный? - спросил Соленый, окинув камеру взглядом.

- Вывели,- ответил я.- Как раз сразу после того, как меня привели.

- Ну а у тебя там что?

- В этот раз ЦПЭшники приезжали. Как всегда, сначала улыбки дарят, потом угрозами засыпают.

Я пересказал ему наш с легавыми разговор и мои домыслы по поводу всего этого.

- Да, так скорее всего и есть,- согласился дядя Миша. - Смотрят молодой, можно и так попробовать найти к тебе подход. Но ты молодец, что это все понимаешь. Не давай им сломать тебя!

- Ни за что! - улыбнулся я.

Мы еще какое-то время беседовали на самые различные темы, после чего привели Федю. По его и без того запуганному виду было не понятно, как прошли следственные действия. Интересоваться никто из нас не стал, поэтому "обиженный" молча прошел и сел на свою шконку, взявшись за книгу. Время от времени я кидал на него взгляд и заметил, что он часто отрывается от книги и смотрит куда-то в сторону. Содержание явно не шло ему на ум. Скорее всего, голова Феди была занята другими мыслями, за которые он переживал или, как говорят тут,- гнал. Обычно говорят - гонит, когда человек, под давлением мыслей и размышлением над ними, не находит себе места. Но гон у всех проявляется по-разному. Не всегда это выглядит так явно, как кажется. Кто-то не подает вида обеспокоенности, и только излишняя задумчивость выдает его.

- Ты чего гонишь? - вдруг спросил я обиженного.

Он бегло кинул на меня взгляд и отрицательно помотал головой.

- Да ладно, нет,- не поверил Соленый. - По тебе же видно. Говори, может подскажу чего, а то еще больше дубов насобираешь.

Федя неуверенно отложил книгу в сторону и опустил глаза в пол.

- Из ОРЧ (Оперативно-Розыскная Часть) приезжали,- сказал он. - Предложили взять еще несколько эпизодов по 166-ой, либо 132-ую (изнасилование) повесят.

- Это у них стандартная схема,- заявил дядя Миша. - Повесить они могут, что угодно, это к гадалке не ходи. А от лишних эпизодов срок у тебя не изменится. Они часто так делают, когда у них "висяки" не раскрытые. Перед начальством надо отчитаться, поэтому списывают их тому, кто уже по этим статьям проходит. Как правило роли эти эпизоды на суде не играют.

Федя молчал, раздумывая над словами Соленого.

- Дело твое конечно,- заключил дядя Миша. - Но я бы взял на твоём месте.

В этот момент открылась "кормушка". Настало время ужина.

- Снова перловка,- недовольно произнес я, ожидая чего угодно, но только не ее.

- Радуйся,- сказал Солёный. - На тюрьме кислой капустой закормят, что будешь вспоминать эту перловку.

Я неохотно проталкивал в себя перловку, а дядя Миша взялся, между делом, рассказывать новые истории. По его рассказам у меня вырисовывалась еще более яркая картина Централ. Это были несколько четырехэтажных зданий с множеством разноместных камер, которые сообщались между собой "дорогами" и "кабурами", по которым проходили небольшие записки, именуемые "малявами". "Дороги" представляли из себя сплетенные вручную веревки, напоминающие больше канаты, к которым привязывались носки. Эти носки и доставляли почту в нужные хаты. Кабуры были более brutальные и представляли из себя, пробитые в стенах отверстия в соседние хаты. Малявы через них передавались либо вручную, если это были боковые стены, либо поднимались или опускались при помощи баночки на веревке. Я еще не совсем понимал, как "дороги" передавались из камеры в камеру или вообще перебрасывались в другое здание, но примерная картина у меня уже и так складывалась в голове.

После ужина прошло около часа и на проходе вновь загремели ключи. Мы, прекратив разговоры, наострили уши и прислушивались к происходящему на коридоре. Открылась скрипучая дверь, которая вела на задний двор ИВС и в следующий момент, рядом с камерой, залаяли собаки. Продол наполнился голосами легавых.

- Еще этап приехал? - поинтересовался я у Солёного.

- Наверядли,- ответил он. - Скорее всего нас сейчас повезут на Централ.

Дядя Миша и Федя начали собирать свои вещи, а я, взяв лишь рыльно-мыльное, смотрел на них и предвкушал отъезд. Он был для меня дорогой в неизведанный мир. Мир противостояния криминала и режима. Чувствовал ли я опасность? Нет... Человек, от которого от самого может происходить опасность, наоборот с большим интересом шагает вперед навстречу возможным трудностям, тем самым проверяя себя на прочность. Мы не ищем легких, обходных путей, наша дорога проходит прямо, сквозь всевозможные испытания судьбы. В предвкушении этапа, я даже чувствовал некую эйфорию от предстоящего. Может быть потому, что моя жизнь на воле состояла из постоянного выброса адреналина, под влиянием опасностей и самых невообразимых случаев, которые составляли мою жизненную историю.

Дверь открылась и за ней отворились "тормоза". Первым выходил дядя Миша. При появлении его на коридоре, собаки начали срывать глотки и душить себя натянутыми ошейниками. Они рвались с места лапами, пробуксовывая на керамической плитке, словно видели в заключенных кусок мяса. Это была такая порода собак, которую выдрессировали для нападения на людей.

- Называемся,- сказал конвоир, держа в руках папки с личным делом.
- Соленков Михаил Иванович,- начал Соленый, дальше называя свой год рождения и статью.

Конвой грозным взглядом смерил дядю Мишу и взглянул на дело: - Проходим. Следующий!

Я, убрав руки с рыльным-мыльным за спину, вышел следом. Собаки вновь прибавили бас, а некоторые уже начали подхрипывать.

- Называемся,- сказал конвоир.
- Белов Радислав Александрович,- было начал я, но меня тут же прервал конвой.

- Ты остаешься,- сказал он. - Заходи обратно. Следующий!

- "Как? - недоумевал я.- Как же так?"

Я зашел обратно и встал в дверях, предварительно выпустив обиженного.

- Песков Федор Павлович,- начал называться он.

Мне не верилось, что я снова остаюсь один. Что мой этап откладывается, в то время, когда все из хаты уезжают. Я уже был настроен ехать навстречу приключениям и тому новому миру, который ожидал меня.

- Закрывай,- скомандовал конвой и передо мной сначала захлопнулись "тормоза", а вслед за ними дверь.

Я тут же подошел ближе к "тормозам" и начал прислушиваться.

- "Может быть это была какая-то ошибка? - думал я.- Может они сейчас еще раз все проверят и найдут меня в списке этапиремых?!"

Я грезил желаниями, которым было не суждено сбыться. Через одну дверь снова открылась камера и теперь из нее начали выводить заключенных. Это были те самые инородцы, акцент которых доносился до меня. Затем дверь захлопнулась, собаки перестали лаять, а голоса легавых начали исчезать. Продол наполнился тишиной, а я, схватившись за арматурины "тормозов", которые своими ребрами впивались мне в ладони, прислонился к ним лбом. Мне хотелось уехать отсюда. Неважно куда, лишь бы поменялся этот интерьер. Но эти стены, словно живые, заключили меня в себе, не намереваясь отпустить.

Глава 5.

Блеклые облака неподвижно застыли на месте. Ветра даже не ощущалось, а духота еще больше затрудняла дыхание. Город словно поместили в полиэтиленовый пакет. Мы шли, изнуренные тяжестью воздуха и продолжительностью уже стоптанного пути.

- Вот всегда так,- сказал Юнгер. - Как только начинаешь охоту на черных, так их нет. Стоит только отвлечься от этой затеи, так они сразу начинают выползать из своих нор.

- Это точно,- согласился я.- Прямо чуйка у них какая-то.

- Сколько еще ходить будем? - возмущался Сокол, которому, ввиду своей массы, передвигаться было труднее всех.

- Пойдемте вон к тому подъезду встанем,- предложил Юнгер, показывая на крайний подъезд одного из домов.

Мы одобрили его предложение и направились в указанном направлении. Встав под козырек, мы сверлили взглядами обывателей. Наши глаза подобно неким расовым рентгенам изучали прохожих.

- Тут рядом стройка,- сказал Сокол. - Видали, наверное. Мы мимо нее прошли. Может нам хотя бы здесь повезет?!

- Хорошо бы,- мечтательно произнес Юнгер. - Который час мотаемся и все безрезультатно.

- Сегодня, видать не наш день,- печально сказал я.

За несколько часов прогулки, нам и вправду не попался ни один инородец. Такое часто случается, когда идешь на акцию прямого действия. До оккупантов, будто доходит импульс нашего радикального настроения, после которого они не выходят на улицу.

- Вот бы всегда так было,- продолжил я.- Идешь, повсюду радуют глаз только славянские лики, никакой иноземной речи, никаких терактов, у всех есть работа...

- Ну ты загнул,- усмехнулся Сокол. - А если их реально не будет, что мы тогда делать будем?

- Жить! - опередил меня Юнгер. - Жить, как когда-то наши предки, не отвлекаясь на цветную чуму, а больше посвящая себя семье.

- Ты о женах и детях? - переспросил Сокол.

- И о них тоже,- со всей присущей серьезностью на лице, говорил Юнгер. - У тебя есть дети? Нет! И у меня нет. И у Радислава нет...

- Это дело времени,- заявил Иван.

- В том-то и дело, что это дело времени,- повторил Юнгер. - Вот только кто знает, сколько этого времени у нас самих. Не забывай, что жизни и судьбы каждого из нас

постоянно подвергаются опасности. Пойдешь сегодня домой, а тебе черные воткнут нож под ребро. Или после одной из акций, приедут легавые и повяжут. Кому ты нужен будешь в тюрьме?

Повисла тишина. Слова Юнгера возымели такое значение, что на их обдумывание требовалось время. В этот момент, взгляд Сокола прилип к одному из прохожих. Он весь подобрался и отдернул за рукав, стоявшего ближе к нему Юнгера.

- Смотри, наш клиент идет.

Наши с Юнгером взгляды резко перекинулись на цель. Мимо проходил оккупант, который в один из моментов кинул на нас беглый взгляд. Ему хватило этого момента, чтобы заметить наши глаза, наполненные огнем РаХоВы. Оккупант быстро поменялся в лице и прибавил шаг. Перед тем, как завернуть за угол, он еще раз оглянулся на нас и скрылся за пределами дома.

- Погнали,- сказал я и быстрым шагом последовал за оккупантом.

Юнгер и Сокол направились за мной. На ходу, я пытался расстегнуть сумочку, чтоб достать нож, но замок на молнии заело. Заворачивая за угол дома, я повернул голову в сторону сумочки, чтоб посмотреть в чем дело. В этот момент мое плечо задело плечо другого человека так, что меня развернуло на 90 градусов.

- Куда спешим? - сказал он.

Это был легавый, который внимательно рассматривал меня. Его взгляд быстро перемещался с ног на грудь, с груди на лицо. Мне лишь было достаточно увидеть его форму, как я тут же кинул взгляд на камерадов, подходивших к нам.

- На работу опаздываю,- тут же сообразил я и пошел дальше.

- Давай аккуратнее,- услышал я в след.

Оккупант, тем временем, уже скрылся в неизвестном направлении. Я же встал на месте, дожидаясь соратников. Юнгер шел, скрестив руки на груди. И только когда он подошел ближе, я увидел, что со стороны его левой подмышки блестит сталь ножа.

- Ушел? - первое, что спросил он.

- Да,- с досадой ответил я.- Легавый этот вообще из неоткуда нарисовался...

- Я его чуть не вальнул,- сказал Юнгер. - Думал он тебя задержал по наводке чурбана.

- Хорошо, что не так,- заметил я.- Сейчас бы шуму наделали...

- Он на стройку, наверное, зашел,- вставил свою реплику Сокол.

- Ты предлагаешь на стройку идти? - спросил Юнгер.
- Нет. Подождать возле дома, напротив стройки.
- Да, можно,- поддержал я Сокола. - Там больше вариантов...

Мы проходили мимо стройки, которая была огорожена забором из профнастила. Каждый из нас молчал, словно прислушиваясь к звукам оттуда. Я пытался расслышать голоса зверей, но за забором будто все замерли. Даже привычные для стройки звуки были поглощены чем-то неизвестным. Так замирает дичь, чувствуя приближение охотника. Глазами мы все изучали этот забор, обнаруживая в нем ходы и лазейки. Уже подойдя к девятиэтажке, я оторвал взгляд от логова инородцев и завернул за угол. На встречу мне промелькнул силуэт, который я не смог рассмотреть, но внутреннее чувство настаивало на том, чтобы более подробно изучить прохожего. Думаю, каждому знакомо чувство, когда на протяжении многих лет занимаешься повседневным делом и организм перенастраивается под него так, что уже некоторые функции этого дела выполняются автоматически. Так и в жизни националиста, чуйка на инородцев выработана таким образом, что мозг еще не успевает принять нужную информацию и решение, а внутреннее чувство уже распознает цель. Опыт, проверенный временем!

Я успел только развернуться, как Юнгер, в это время, уже заводил крюка по прохожему. Чуйка не подвела, это был оккупант. Истерический визг, разрезал пространство, распространяясь в пределах прилегающих дворов. Обычно, так кричат девушки в фильмах ужасов, при виде опасности. Но и оккупанты меняют свой бас на визжащий женский сопрано при виде националистов. Мы же, в свою очередь, были безмолвными, сосредоточенными на поражении цели. Удары кулака обрывали визг, который вновь нарастал, как сирена, пока Юнгер замахивался. Сокол вцепился оккупанту за шиворот и бил с колена в область почек и ребер, но тот вертелся, как юла, колотя руками наотмашь перед собой. Это была борьба за жизнь, и инородец это прекрасно понимал. Отчаянные попытки отбиться от нападавших были его жизненным инстинктом. Его собратья не раз погибали от ножей бритоголовых парней, но это не возымело на оккупанта нужного влияния. Говорят, на ошибках учатся, но некоторые лишь их повторяют...

В этот раз я без проблем смог расстегнуть сумочку и, достав нож, встал рядом. Суматоха, которая закрутила в себя троих участников, не давала мне возможности ударить ножом так, чтобы не задеть камерадов. Инородец крутился то по часовой стрелке, то против нее, а Юнгер и Сокол, держась за него, уже ударяли куда придется, чтоб свалить его на землю. Оккупант, оказался стойким в борьбе за жизнь.

- Вы, что делаете твари такие,- крикнул женский голос, откуда-то с верхних этажей девятиэтажки. - Я уже милицию вызвала!
- А ну уйдите от него,- крикнул уже мужик, еще выше этажом. - Я сейчас спущусь!

Нож, крепко сжатый в моей руке, был наготове. Я лишь выбирал момент, чтоб одним ударом в шею инородца, завершить начатое нами дело. Сокол в этот момент отпустил зверьку и сказал, что пора уходить. Юнгер, поддержав его предложение, тоже отпустил оккупанта.

- Сваливаем,- сказал он и ринулся вперед.

Сокол побежал за ним, а инородец, с разбитой физиономией, отшатнулся назад и взялся за лицо, ощупывая побои. Я было тоже хотел ретироваться, но решил, что дело должно быть завершено. Ту порцию адреналина, что я уже получил, было трудно заглушить в себе. Моя левая рука схватила оккупанта за ворот и потянула на себя. В это же время я получил несколько ударов по лицу, которые мало ощущались, под решительностью моих намерений. Меня было не остановить. Я быстро начал наносить удары ножом в область груди и ребер инородца.

- Вааай б*яая,- еще пуще заорал оккупант.

Мне хотелось быстрее прекратить его визг. Зверь извивался и крутился, пытаюсь вернуться от стали, но от нее было никуда не деться. Она разила плоть с той легкостью, для которой и была предназначена. Инородец крутился, что превращало его тело в дуршлаг. Это были отчаянные попытки убежать от своей участи, ухватиться за жизнь. Через какие-то секунды силы покинули его, и оккупант сначала опустился на колени, а затем и вовсе распластался на земле. Кровь окропила собой траву и песок, который не успевал впитывать в себя инородную жидкость. Я присел на одно колено и еще несколько раз ударил оккупанту в область сердца. Он уже не сопротивлялся, а раскинув руки в стороны лежал неподвижно. Цель была повержена и оставаться здесь больше было нельзя. Спрятав кровавый нож в руке, я побежал догонять камерадов. Позади себя я слышал, множественные голоса и суету, которая образовывалась на прилегающей стройке. Отбежав еще немного, до моего слуха начали доноситься крики. Оглядываться не было времени, мои ноги несли меня вперед, а глаза высматривали соратников. Немного не добегая бетонного моста через озеро, я увидел двух людей, один из которых махал мне рукой, призывая направляться к ним. Это был Юнгер.

- Ты чего там завис? - спросил он, когда я подбежал к ним.

- Дело доделывал,- ответил я, показывая окровавленный нож.

- Надо сваливать отсюда,- вмешался Сокол, с трудом выговаривая слова.

Духота забирала из нас последние силы. Я и сам, пробежав не такое уж большое расстояние задыхался от нехватки кислорода. Немного отдышавшись на месте, я окинул себя взглядом. Мои синие джинсы приняли кровавый оттенок, который сразу бросался в глаза. На кофте тоже были пятна крови, но ее черный цвет маскировал их, лишь

став более темным в этих местах. Ее я снял с себя и уложил в сумку, которая висела, через плечо, оставшись при этом в белом поло.

Бетонный мост брал свое начало на возвышенности, вниз вел склон, по которому мы и побежали к самому озеру. Юнгер бежал первый, следом за ним я, скинув в один из кустарников нож, и за мной полубежал-полуплелся Сокол. Спустившись вниз, под мостом мы увидели пару, которая выпивала, разложив алкоголь и закуску на бетонном бортике. Девушка была высокой блондинкой лет 40, а "кавалер" фруктом мультирасового смешения кровей, с явными признаками во внешности. Ему было тоже около 40, хотя внешность инородцев, ввиду их национальных особенностей, может быть обманчива. Они пили из одноразовых стаканчиков и смеялись, пока на горизонте не показались мы. Наш путь пролегал, как раз мимо них и воспользовавшись случаем, Юнгер с ноги прыгнул на инородца. Я, тут же подключившись, тоже начал наносить удары кулаками по обезьяне. Чернильница начала кричать, но ее крик прервал Сокол, произведя серию ударов по щцам. Мы с Юнгером быстро "обрабатывали" черного, который уже свалился на колени и закрыл голову руками. Удары ног сыпались по нему, словно град. Обернувшись в этот момент на Сокола, я увидел, что и чернильница уже приняла положение лежа, прикрывая руками голову.

- Надо уходить,- призвал Юнгер, прыгнув с двух ног на голову басурманина, как бы завершая процессию.

Я согласился с ним и в завершение разбил пивную бутылку об голову инородца. Мы все ринулись дальше, отставляя за собой еще два лежащих тела на земле. Пробежав еще немного вдоль озера, при этом останавливаясь и возвращаясь к Соколу, чтоб взять его под руки и помочь бежать, мы заметили моб черных, который все увеличивался в своей численности. Останавливаться было нельзя ни на секунду, но Сокол совсем выбился из сил. Надо сказать, что и мы с Юнгером потеряли не мало сил, но все же продолжали бежать.

- Я больше не могу,- сказал Иван, встав на месте и оперевшись ладонями в колени.

- Давай-давай,- мотивировал его Юнгер. - Сейчас до понтонного моста добежим, нам его пересечь, а там, глядишь, затеряемся во дворах.

- Давай, Вань! - подбадривал его я.- Еще рывок небольшой сделать осталось...

- Не,- сказал Сокол. - Вы бегите, а я сейчас быстрым шагом дойду. Не могу бежать, в боку еще колит.

- Постарайся выдыхать тогда, когда правой ногой будешь наступать на землю,- посоветовал Юнгер. - Боль в боку пройдет.

Я снова поднял взгляд к основанию бетонного моста. Оккупанты кучковались, что-то кричали, но вниз пока не спускались.

- Нет, бегите,- настаивал Сокол. - Я этот район лучше вас знаю, найду, как уйти.

Мы все-равно не отпустили Ивана и пробежали так еще немного пути, подгоняя его под руки, пока он самостоятельно не начал бежать. Теперь нам с Юнгером было проще. Мы вырвались вперед и быстро миновали понтонный мост, где зигзагообразная лестница привела нас наверх. Сбоку стоял небольшой продовольственный маркет, а перед ним пролегла проезжая часть.

- Где он там? - сказал я, вглядываясь вниз.

Сокол то бежал, то шел по мосту. Оккупанты тоже все преследовали нас. Некоторые из них вырывались вперед, но потом останавливались и ждали остальных. Хотя они и вооружились палками, но никто из них не хотел идти на ножи первым. Та скорость, с которой они настигали нас, позволяла Соколу, да и всем нам, уйти от погони.

- Давай перебежим дорогу и встанем к ближайшему дому, чтобы особо не привлекать внимания,- предложил Юнгер, разглядывая мои кровавые джинсы.

- Давай,- согласился я, находя в его словах смысл.

Мы перебежали проезжую часть и встали рядом с одной из девятиэтажек. Сбоку нее был открыт магазин цветов, а еще немного дальше продуктовый магазин. Народ, проходящий мимо, невольно кидал свои взоры на нас, плавно перемещая взгляд на мои джинсы. Нам следовало бы скорее покинуть это место, но мы не могли уйти, не дождавшись камерада.

- Пропал он там, что ли?!- сказал Юнгер, не находя себе места.

Ожидание определенно накаляло обстановку. Только он произнес эти слова, как наверху появился запыхавшийся Сокол. Мы тут же замахали ему руками, чтобы он бежал к нам, но Сокол, встав на месте и уперев ладони в колени, что-то пытался сказать. Слов было не слышать, так как разделяло нас около 100 метров, которые разрезала проезжая часть, с шумом машин. В этот момент, из-за него, вдруг начали появляться инородцы, которые облепили Сокола и начали избивать палками. Оккупантов было свыше 10 человек. Нам ничего не оставалось, как бежать камераду на помощь. Подбежав к дороге, нам на пути попала компания из 4 парней и одной девушки, примерно моего возраста.

- Пацаны, пойдёте поможете,- обратился я к ним, не рассчитывая на поддержку. - Там вон черные нашего ваят,- мой палец указал в сторону потасовки.

Честно сказать, я был удивлен их согласием. Они передали какие-то вещи девушке и вместе с нами начали перебегать дорогу. Что двигало этими парнями: национальное сознание или неравенство в драке,- было неизвестно. Но их решительность, без лишних вопросов, поразила меня. Не дожидаясь светофора, мы ринулись через поток машин, предварительно останавливая их жестами рук. Оказавшись на другой стороне, я схватил первую попавшуюся бутылку из-под пива и, немного не добежав до инородцев, кинул ей в них. Послышался звук разбившегося стекла, сопровождавшийся криком оккупантов. Далее, как по команде, мы одновременно влетели с ног в это инородное месиво. Мне сразу же прилетело несколько ударов палкой по голове и плечу, после чего аргумент удалось вырвать. Теперь я бил палкой, как шашкой, размахивая налево и направо, пока она не сломалась об одного из зверей.

- Сокол! - послышался голос Юнгера.

В этот миг, мой взгляд как-то автоматически нашел лежащего на земле человека, чей торс был оголен, а руки сомкнуты на голове. Это был Сокол, который тут же поднялся на ноги и, подобрав первый попавшийся камень, кинул им в одного из инородцев. Повсюду летали кулаки, ноги и попадающиеся в руки предметы. Оккупанты не ожидали такого отпора и уже совсем скоро решили отступить, сбегая вниз по лестнице. Нам тоже было не желательно задерживаться там, поэтому, пожав поддерживавшим нас ребятам руки, мы поспешили скрыться во дворах.

Удары ключа об дверь пронзили мои воспоминания словно молнии. В пустой восьмиместной камере они звучали еще громче обычного.

- Живой там? - спрашивал дубак, наблюдая за мной в "волчок".

- Нет, разложился в вашем обществе,- с сарказмом ответил я.

"Волчок" закрылся и шаги вертухая начали удаляться. Еще одно утро тюремного заключения. Что самое интересное: в камере утро не отличается от дня, вечера или ночи. Единственное, что тут меняется за сутки, это включающийся и выключающийся ночник, - символ ночи. В остальное время постоянно горит одинокая, тусклая лампочка. Я сел на шконку и сделал несколько вращательных движений головой сначала в одну, потом в другую сторону, затем проследовал к умывальнику, где холодная вода наполнила меня очередным зарядом бодрости. Я выключил воду и, не отходя от умывальника, закрыл глаза и дал каплям воды стекать по лицу. Каждая капля падала и, ударяясь об нержавейку, создавала приглушенный, стальной звук. С каждым последующим ударом, мурашки на коже, распространялись по телу. Я ощутил озноб. Восьмиместная камера, где еще вчера были заключены три человека, которые источали тепло, опустела. Теперь одного моего тепла не хватало, чтобы бороться с холодом подвального помещения. Я обернулся и увидел, что вчера забыл закрыть окошко. Ночь, судя по всему, не выдалась теплой, и уличная прохлада так же наполнила собой эти стены. Не вытирая лица, я поспешил к

окошку. Здесь оно было немного больше, чем в двухместной хате. Забравшись к окошку, мое лицо обдало ветерком и сыростью. Я чувствовал дождь. Запах мокрого асфальта и земли не спутать ни с чем другим. Я прислушался, но не услышал самого дождя, лишь редкие звуки капель, ударяющиеся об карнизы, говорили о его недавнем присутствии. Закрыв окошко, мне пришло в голову, залезть под одеяло, если его можно назвать таковым, что я и сделал, дожидаясь завтрака. Завтрак немного согрел меня и впереди теперь ждала тренировка. Перед тем, как приступить к упражнениям, я снова прилег на шконку, давая пище перевариться и улечься в желудке. Закинув руки за голову, я вспоминал теплоту родных, домашний уют и приятные моменты из былой жизни. Именно былой, потому, что тюрьма прочертила между нами границу, которую было не перешагнуть. Граница, за чертой которой, во временном эквиваленте было прошлое. Воспоминания, небольшими обрывками проносились в моей голове. Словно книга, страница за страницей, пролистывалась моя жизнь. Мозг вырывал из нее отдельные строки и предложения, воспроизводя их с точностью до ощущений и чувств, испытывающих в тот момент. Я думаю у каждого было такое, что уже повзрослев, и вкусив той же сахарной ваты, ее вкус и запах, погружал обратно, в далекое прошлое, в дебри чарующего детства. Примерно тоже чувствовал и я, плутая по закоулкам воспоминаний. Каждое из них накладывалось на другое, сменяя друг друга. Это было самое прекрасное, чем я мог довольствоваться в последнее время. Прошлое забирало меня из реальности, насыщая свободой. В эти моменты я и вправду чувствовал себя свободным, но стоило воспоминаниям покинуть меня, как реальность возвращала в заключение, вместе с которым приходила и грусть. Грусть была неизбежным осадком после приятных мгновений. Но я был готов раз за разом испытывать грусть, лишь бы на какое-то время покинуть эти стены душой.

Мои мгновения прошлого рассеялись сами собой, а вместе с ними, меня будто бы покинуло и тепло. Озноб снова продрал тело. Пора было приступить к тренировке, чтобы окончательно не околеть здесь. Физические нагрузки не только укрепляли, но и давали необходимое тепло. Энергия, которая затрачивалась на их выполнение, поднимала температуру тела. В этот раз я внес новшества в отжимания. Соленый, подарил мне одну из своих кружек, которая и применилась в новом упражнении. Оторвав небольшой клочок от простыни, я постелил его на пол и, перевернув кружку вверх дном, поставил ее на этот клочок. Уперев ладони в кружку, а ноги закинув на шконку, я начал отжимания. Упражнение хорошо развивало внутреннюю часть груди, а за счет поднятия ног, тем самым перемещая центр тяжести на верхнюю часть груди, ставило на ней акцент. Так же я решил выполнить несколько подходов перпендикулярными отжиманиями от пола, вдоль стены. Такое упражнение задействовало много мышц, включая в работу чуть ли не всю верхнюю часть тела. Оба новшества представляли из себя довольно сложные упражнения, которые сможет выполнить не каждый человек, ранее не занимавшийся спортом. Разнообразить я решил и упражнения на брюшные мышцы. Окошко в этой хате было больше, чем в предыдущей, тем, что ее форма была вытянутой. Следовательно и решетка перед ней была

так же больших размеров. Ячейки у этой решетки были намного крупнее и позволяли просунуть в каждую из них руку. Я обмотал ячейки в двух местах, на уровне плечей, простыней, чтоб не резало ладони и повис на них, лицом к двери. Держа спину ровно, мои ноги поднимались чуть выше головы. Когда это упражнение прямыми ногами было делать уже в тягость, я добивал пресс поднятием ног, согнутых в коленях. В остальном тренировка не имела изменений. Тепло от упражнений бурно разливалось по моему телу. На какое-то время я поборол холод внутри себя. Напившись вдоволь воды из-под крана, я лег, чтобы отдохнуть. Мысли, словно вихри начали вновь путаться между собой. Тренировки хоть как-то отвлекали и разгружали голову от постоянных дум. Мозг сосредотачивался на упражнениях, отбрасывая все остальное. Теперь, когда тренировка была окончена, мысли новым потоком начали заполнять голову. Будто открылся невидимый шлагбаум, преграждающий им дорогу.

- "Четвертый день я здесь,- думалось мне. - А сколько их еще впереди?"

Это был вопрос, на который не было ответа. Мне хотелось сменить обстановку. Элементарно хотелось поговорить с кем-нибудь, но единственными собеседниками были стены. Тусклые обшарпанные стены, которые одним своим видом уничтожали настроение. Сколько в них таилось боли, страданий и переживаний?! Сколько заключенных в них оставили свои мысли?!

В голове было множество вопросов, а в душе совсем немного надежд, которые в любой момент могут превратиться в разочарования. И только тепло родных, вера в идеи и непоколебимость идеалов давали сил для каждого нового дня заключения. Пожар РаХоВы бодрил и заряжал новой энергией, как некий аккумулятор.

- "Выстоять! - диктовали принципы.- Ты обязан выстоять!"

Сдаваться у меня не было и в мыслях. Я настраивал себя на предстоящие трудности, прокручивая в голове всевозможные варианты. Я мысленно готовил себя к самому худшему, хоть и не ведал о его пределах. От меня зависело многое, как и от моих подельников. Я держал в руках судьбы многих и желал им самой лучшей участи.

На коридоре послышался шум. Сначала это были шаги и разговоры дубаков, а затем звон ключей и скрип дверей. Этот скрип я уже выучил наизусть. Так скрипела дверь служебного выхода, через которую заводили и выводили этапы. Следом, на проходе послышался быстрый цокот и фыркание собак. Количество голосов прибавилось и в дверь моей камеры пролез ключ.

- "Наверное, новый этап приехал,- подумал я.- Ну хоть собеседник будет."

Дверь открылась и вертухай объявил: - Белов, с вещами на выход.

Я не мог поверить, что он произнес эти слова, поэтому встал, как вкопанный, осознавая их смысл.

- Давай-давай! - подгонял он, держа "тормоза" закрытыми.- Конвой ждет.

Я быстро собрал свои немногочисленные пожитки и подошел к "тормозам".

- Руки,- сказал дубак, достав наручники.

Я протянул руки, на которых тут же защелкнулась сталь. "Тормоза" открылись и собачий лай наполнил коридор. Подошел и мой долгожданный этап...

Глава 6.

СИЗО встретило меня шлюзами. Это были массивные ворота, в которые въехал автозак и попал в закрытое пространство перед другими воротами, ведущими на территорию хоздвора. Здесь производилась выгрузка заключенных, пересчет и дальнейшее сопровождение в здание СИЗО. Автозаком - называлась специальная машина-фургон, разгороженный внутри на две камеры, с дверьми, выполненными из решетки, по типу "тормозов". По обеим сторонам проходили прикрученные лавочки для этапирруемых. Дальше, напротив двери, прямо перед самой кабиной водителя, располагались два одиночных бокса, так называемых "стакана". В них перевозили заключенных, которых нужно было изолировать от общей массы, по каким-то причинам. Такими заключенными, например, могли быть девушки или, скажем, "красные", если в автозаке ехали "мужики". У двери автозака было небольшое зарешеченное окошко, в которое можно было увидеть улицу. Напротив камер, сидели три конвоира, с автоматами в руках, то кидая на меня взгляды, то переговариваясь между собой. Я сидел у самих "тормозов", чтобы видеть окошко, а через него отдельные детали улицы. Мимо проплывали деревья, магазины, головы людей,- все то, что не вызвало бы у вольного человека никакого интереса, но я смотрел на это все с каким-то потаенным интересом, будто больше никогда не увижу. В конце камеры спал пьяный парень, которого не будили ни кочки, ни овраги на дороге. Его перегаром веяло на весь автозак, а храп то затихал, то возобновлялся с новой силой. Шлюза сменили вид из окошка, и я потерял к нему какой-либо интерес. Из машины меня вывели одного, а пьяного повезли в ИВС, который находился при СИЗО. Один из легавых, приняв у другого какие-то документы, вывел меня во вторые ворота, где наш путь до ближайшего здания лежал через коридор выполненный из забора сетки рабицы. Миновав его, мы зашли вовнутрь здания, где, пройдя через КПП оказались в длинном коридоре. С обеих сторон шли двери, некоторые из которых были открыты, а посередине стоял стол, за которым сидел хмурый мужик в парадной форме ФСИН (Федеральная Служба Исполнения Наказания). На его груди был пристегнут красный бейджик с пятью буквами "ДПНСИ", что расшифровывалось, как: дежурный помощник начальника следственного изолятора. По бокам от него стояли два сотрудника в камуфляжной форме с оружием в руках. Тот, что привел меня, положил документы на стол, после чего удалился. ДПНСИ бегло пролистал страницы и вновь кинул на меня взгляд.

- Проблемы есть? - спросил он.

- Нет,- ответил я.

- На шмон его и в квадрат,- сказал он уже одному из стоящих рядом сотрудников.

Легавый провел меня в одну из дверей, где сидели и ржали несколько его коллег. По центру стоял длинный стол, под которым валялась куча всякого хлама и не

только. В дальнем углу стоял письменный стол, за которым сидел еще один сотрудник, работающий с бумагами. Как мы вошли в эту комнату, смех и голоса затихли, переведя все внимание на меня. Эти взгляды были схожи взглядам хищников, увидевших перед собой добычу. Наглые, высокомерные рожи, все, как один уставились на меня. Легавый, который привел меня, передал документы коллеге, что сидел за письменным столом и тут же покинул кабинет. Ухмылки засияли на физиономиях нескольких мусоров. Один полуприсел на стол и бил дубинкой себе об ладонь, пытаясь произвести на меня впечатление, равное страху. Но я видел в нем лишь кусок говна, подобный тому, что на улице бежит при первой же опасности своему здоровью. Здесь он чувствовал себя королем положения.

- Вещи на стол и раздевайся,- сказал другой легавый подошедший ко мне ближе, в белых одноразовых перчатках.

Я положил пакет на стол, а сам начал снимать с себя вещи. Легавый тут же начал проверять пакет, доставая поочередно содержимое.

- Фамилия, имя, отчество,- крикнул тот, что сидел за письменным столом.

- Белов Радислав Александрович,- ответил я ему и присел на лавочку, что стояла вдоль стены, чтобы снять обувь.

- Тебе кто-то разрешал садиться? - дерзко спросил меня легавый с дубинкой в руке.

- А мне кто-то запрещал это делать? - задал встречный вопрос я.

- Ты шибко умный что ли?! - поднялся легавый, направляясь ко мне.

- Мне может обувь стоя снимать? - не сбавляя напора я, обмениваясь вопросами.

Легавый зашел ко мне с другого бока, со всеми намерениями ударить меня, но оттягивал этот момент. Я же, ожидая подобного, приготовился и думал, как лучше поступить в последующем.

- Ты сейчас допи*дишься и сам из них выпрыгнешь,- заявил мусор, ударяя дубинкой об стену, рядом со мной. - Может въе*ать тебе, чтобы ты понял, где находишься?!

- Ну въе*и, если ты думаешь, что это что-то изменит,- ответил я, разгневанный подобным общением.

В этот момент я представлял, как поступил бы с ним, окажись мы на воле.

- Смотри, допи*дишься - въе*у! - заверил меня легавый и, пнув снятый кроссовок, направился обратно.

- Ты чего провокатор какой?!- вспыхнул я, поднявшись с лавочки.

В этот момент, шмонающий мои вещи мусор, встал передо мной и толкнул меня в грудь.

- Лучше не начинай! - сказал он, в то время, как легавый с дубинкой кричал: - Кто провокатор? Кого ты провокатором назвал?

- Это я начинаю? - возмутился я, но мусор сменил тему, сказав, чтобы я разделся полностью.

- Что и трусы снимать? - не понял я.

- Можешь приспустить, присесть на корточки и встать,- пояснил он.

Я сделал, как он велел, после чего легавый прощупал мои вещи и сказал одеваться. Другой сотрудник пнул кроссовок в мою сторону, я оделся и собрал вещи обратно в пакет.

- Давай в квадрат его пока,- приказал тот, что сидел с документами.

Меня вывели из комнаты обыска и открыли дверь напротив.

- Заходи,- сопроводил словами свои действия мусор.

Я оказался в довольно просторном помещении, которое по своему виду напоминало помойку. Резкий запах отходов, вперемешку с плесенью, ударил мне в ноздри. Входная дверь располагалась в углу, а в углу напротив сразу был "дольняк". Этот "дольняк" больше напоминал свалку. Здесь валялась куча бумаг, вперемешку с фекалиями и другим мусором. Над ними, как истребители, пикировали мухи, завершая это отвратительное зрелище. Тут, рядом с тремя ступеньками, которые вели от порога к полу, стоял массивный, грубо сколоченный стол. Вдоль стен пролегали лавки, а бетонный пол был усыпан плевками, бычками и обгоревшими спичками. В одной из стен, в самом верху виднелось небольшое зарешеченное окошко, которое, хоть и было открытым, но не успевало выветривать местный смрад. "Квадрат" вмещал в себя заключенных, которые уже прошли через обыск. Из него уже раскидывали по камерам. Я прошел в дальний угол от "дольняка" и взглянул на лавочку. На ней имелись черные, прожженные отметины, по которым я не решился провести рукой, чтобы убедиться в том, что они не оставят следов на моих штанах. Вместо этого я вытащил из своего пакета все хрупкое и постелил его на лавочку. Мои нервы еще ходили ходуном после мусора-провокатора, и я кипел злостью от подобного поведения. С этими мыслями я просидел какое-то время, после чего решил немного походить. Мой взгляд метался от стены к стене, которые были грязные и исписанные разными надписями. Надписи, в основном, говорили о тех, кто побывал тут, либо передавали приветы своим знакомым. Среди всех этих слов и цифр, мне бросилась в глаза свастика. Я тут же подошел ближе и увидел рядом с ней надпись, которая гласила: "Жизнь Ворам, смерть мусорам!". Свастика в тюрьме считалась отрицанием режима и всего

мусорского. Зачастую зеки кололи ее на теле, подразумевая именно этот смысл. Свастика здесь атрибут противостояния, как и все немецкое времен Второй Мировой Войны. Дальше мой взгляд блуждал по надписям, находившимся рядом: "Дикий ст.111 ч. 4 срок 7 лет"; "Колян П. ст.228 срок 5 лет"; "Батон ст.162 ч.3 срок 8 лет" и так далее. В этих надписях хранились судьбы людей. Их было множество, и в основном все содержали в себе только самое основное, саму суть: погоняло, статья, срок. Другие же надписи приобретали любовный характер и были похожи на бюро знакомств: "Андрюха =Север= хата 2/13, девчонки пишите!"; "=Монгол= х.4/25 буду рад общению!"; "Лариса х.7/71 мальчишки пишите!"; "Санька =Веселый= х.9/66 ждет дам!"; "Наташа х.7/74 не дайте заскучать!" и все в этом духе. Одни, неутомимые романтики, пытались найти в этих стенах своих возлюбленных, другие просто хотели скрасить свой досуг. Здесь же появлялись картинки голых женщин, а также выцарапанных мужских гениталий. Тут же можно было найти цветочки, солнышко и облака. Андеграунд, - сказали бы ценители искусства.

Рассматривая другую стену, я заметил коловрат, сверху которого было два слова: "Слава Руси!". Этот рисунок и надпись порадовали меня, будто я увидел, знакомого человека. На какой-то миг, я даже почувствовал прилив сил, взявшийся неизвестно откуда. Рядом с этим изображением, на побелке было свободное место, которым я и решил воспользоваться, чтобы оставить здесь салют от меня. Мной была тут же отломана небольшая щепка от лавки и на стене ей был выведен кельт. По кругу него я выцарапал буквы: "WPWW".

Только я вывел последнюю букву, как дверь позади меня быстро раскоцалась и в ее проеме появился легавый.

- На выход,- сказал он.

Я кинул щепку на пол и направился к пакету.

- Вещи можешь оставить тут,- сказал вертухай. - Скоро обратно придешь.

- А куда меня? - спросил я.

- Увидишь!

Я решил не брать пакет и сразу же последовал на выход. Легавый провел меня вдоль всего коридора до конца, где был перекресток продолговатый, а вверх шла широкая лестница. Мы прошли мимо лестницы и оказались в еще одном коридоре, где сразу же зашли в дверь направо. Тут мне "откатали" пальцы и, выйдя из кабинета, мы сразу же зашли в дверь напротив. Здесь был кабинет, в котором делали рентген и флюорографию. Мне быстро просветили легкие, после чего я вновь оказался в квадрате. Квадрат был по-прежнему пуст и холоден. По сравнению с коридором здесь чувствовался резкий перепад температуры. Меня словно завели в холодильную камеру. Какое-то время я наслаждался прохладой помещения, но затем начал подмерзать. Чтобы немного разогреться, я начал

интенсивно ходить, кидая взгляды на окружающую меня грязь. Кругом царила антисанитария. Подобное, мне лишь случилось видеть в общественных бесплатных туалетах у железнодорожных платформ. Надо сказать, что и вонь, витающая здесь, схожа той, что и в тех туалетах. Поэтому квадрат приобретал еще и звания тухлой газовой камеры. Проведя здесь продолжительное время, можно и вправду одуреть от этого запаха. Возможно, мусора специально не прикладывали каких-то усилий, чтобы сделать помещение чище, именно для дополнительного дискомфорта заключенных.

Нашагивая километры, меня обуяла неутомимая жажда в воде. Горло начало пересыхать, а язык то и дело начал прилипать к небу. Вместе с жаждой воды, меня посетил и голод. Желудок, время от времени, урчал, взывая к принятию пищи, которой у меня не было. Да и если бы была, то кушать в помещении с таким запахом было бы невозможно. Пища тут же бы полезла обратно, дополняя местный пейзаж своими "красками".

Дверь вновь открылась и легавый сказал мне выйти на коридор.

- С вещами? - переспросил я.

- Можешь их оставить,- сказал вертухай.

Мы пошли с ним в другую сторону, по направлению к КПП. Подойдя вплотную к пропускному пункту, свернули направо и вошли в дверь с табличкой "мед.кабинет". В стеклянном стеллаже стояли разные мензурки и флакончики, рядом стояла кушетка, а вдоль стены пролежала лавочка, обшитая коричневым дермантином. Лавочка упиралась в стол, за которым сидела женщина в белом халате. На столе лежали разные бумаги, канцелярия, свернутые вовнутрь одноразовые перчатки, которые судя по всему имели не одноразовое применение, и пол литровая стеклянная банка, наполовину наполненная водой, с торчащими из нее градусниками. Бегло кинув на меня взгляд, фельдшер вытащила один из градусников, резким движением стряхнула его, посмотрев на шкалу и протянула мне.

- Мерь температуру,- сказала она и тут же принялась, что-то дальше писать в бумагах.

Я засунул градусник подмышку и смотрел на ее быстро бегающую ручку по листку.

- Белов Радислав Александрович? - спросила она.

- Да,- подтвердил я.

- 1991 год рождения?

- Да.

- Болеешь чем? - продолжала она вопросы.

- Нет.

- У психолога, нарколога на учете состоял?

- Нет.
- Наркотики употреблял?
- Нет.
- Руки покажи.

Я протянул ей обе руки, развернув их внутренней частью. Фельдшер одела одноразовые перчатки и брезгливо осмотрела руки, после чего повернула мою голову сначала в одну, потом в другую сторону, взглянув на шею.

- В пах кололся? - вдруг спросила она, не веря моим словам.
- Сказал же, что не употреблял,- повторил я.
- Все вы не употребляете...- недовольно сказала она. - Давай градусник.

Я передал ей градусник и она, даже не посмотрев, тут же засунула его обратно в банку.

- Зачем я его держал тогда? - я тут же сделал ей замечание.
- У тебя нет температуры,- заявила фельдшер.
- Так вы же не посмотрели даже?!
- Слушай,- она подняла на меня взгляд,- сиди и помалкивай. Здесь я врач, а не ты!
- Вы мне не указывайте, что делать! - ответил я.
- Как вас земля еще носит, - не успокаивалась медсестра. - Одни убийцы и наркоманы.

Меня вновь брала злость, которую я старался не выпустить из себя. Каждый из местных работников питал такую желчь и ненависть ко мне, будто я когда-то перешел им дорогу. А может быть было достаточно пересечь территорию этого заведения и стать заключенным, чтобы тебя возненавидели?

Фельдшер еще вывела несколько загагулин на листке и начала открывать шприц. Мне она протянула медицинский жгут и сказала перетянуть вены. Это была стандартная процедура новоприбывших. У каждого новичка брали кровь на анализ, чтобы выявить некоторые болезни и затем, согласно этим болезням, дать определенный медицинский статус заключенному. Протерев место укола спиртом, она небрежно воткнула в вену иглу. Кровь еле поступала в шприц, а потом и вовсе перестала поступать. Фельдшер начала варьировать иглой, то высовывая, то наоборот погружая ее. Специально она так делала или от своей неопытности, я не знал. Но не исключал ни одного ни другого, а то и все вместе. Наконец, после нескольких неудачных попыток, ей удалось все-таки взять кровь. Приложив к руке ватку, она пафосно бросила: - Свободен! Мы с вертухаем вышли из кабинета, и он снова привел меня в квадрат. Медицинский запах резко сменился отвратительным смрадом. Прохлада вновь пробежалась по коже. Стоило мне спуститься с

этих трех ступенек, как мой слух уловил, звук шелеста пакета. Я кинул взгляд на свой пакет, который тут же слетел со скамейки и ударился о бетонный пол. От него, в направлении "дольняка", быстро пробежала крыса, размером с пол моей руки. Ее когти цокотом, отдались на бетоне.

- Вот тварь! - вырвалось у меня.

Таким размером крыс, мне доводилось видеть лишь много лет назад, в ночной Москве. Крыса была упитанной, что говорило о ее хорошем питании в здешних местах. Здесь и вправду была ее стихия.

Я поднял пакет и проверил содержимое. Вроде все было на месте. Теперь стоило быть внимательнее к местным зверям. Только я сел на пакет, как на коридоре послышались звуки, чего-то едущего на колесах. Я привстал и в этот момент открылась дверь. Так как "кормушки" у этой двери не было, ее приходилось открывать полностью. На пороге стоял дубак, а рядом с ним тележка, в которой находился бачок с баландой. В дверь тут же повеяло капустой.

- Ужин,- сообщил легавый.

Рядом с тележкой стоял парень в белом халате и биркой на груди, где была написана его фамилия и номер отряда. Таких на тюрьме принято называть баландерами. Само название говорит за их род деятельности в здешних местах. Он достал откуда-то снизу пластмассовую, желтую тарелку и начал накладывать капусту, по которой стекала вода, образуя подобие бульона.

- Я не буду есть!

- Почему? - поинтересовался вертухай.

- Потому, что посуда келешованная,- ответил я.

- Да ладно придурать! - усмехнулся легавый. - Все едят и ничего... Ну, дело твое.

- Хлеб, чай будешь? - поинтересовался баландер.

Жажда меня мучила не меньше, чем голод. Поэтому я быстро сходил за кружкой и протянул ее баландеру. Тот, в это время, передал мне кусок ржаного хлеба и, взяв чайник, стоявший на полке, рядом с дверью, наполнил кружку. Дверь захлопнулась, и тележка покатила в обратную сторону. Я снова присел на край пакета и попытался попить так называемый чай. Кипяток жег губы, язык и полость рта. Мне пришлось поставить кружку на лавку и дать ей время остыть. Хлеб бы сейчас не пролез в горло из-за сухости, поэтому я решил оставить его до момента охлаждения чая. Пока я выжидал время, из крана, что находился вверху "дольняка", то и дело подкапывала вода. Ее соблазнительные капли нависали на кране, а потом прыгивали вниз. Я смотрел на них не отрывая взгляда.

Мне давно хотелось наполнить кружку водой и утолить жажду, но к крану было не подобраться, из-за грязи, царившей вокруг. Да и хвататься за барашек крана не было желания. Из-за низкой температуры в помещении, кружка остыла довольно быстро. Я отхлебнул безвкусный чай, в котором только где-то отдаленно чувствовалась заварка, и откусил хлеба. Хлеб был какой-то мокрый, непропеченный и постоянно прилипал к зубам.

- Мдааа...- единственное, что оставалось мне сказать.

Расправившись с этим "чудесным" ужином, я решил походить, чтобы окончательно не околеть в здешних местах. За окном было еще лето, пусть и дождливое, но лето. А в квадрате была уже давно поздняя осень. Когда бы я мог подумать, что летом мне придется испытывать такой холод?!

Прошло еще несколько часов, как дверь квадрата вновь раскоцалась. На пороге стоял все тот же вертухай, а рядом с ним другой дубак с бумагами в руках.

- Белов, с вещами на выход,- сказал вертухай.

Как только я вышел, он закрыл за мной дверь и инициативу принял уже человек с бумагами в руках.

- Называемся, - сказал он.

- Белов Радислав Александрович, - ответил я.

- Год рождения, статья, - так же монотонно спросил он, глядя в бумаги.

- 1991 года рождения, статья 105 часть 1.

- Руки за спину, проходим вперед.

Мы дошли до пятака, где был перекресток коридоров и поднялись по лестнице на второй этаж. Там же находилась дверь, которая вела в другой корпус, здание, которое прилегало к тому, в котором находились мы, небольшим коридором, соединяющим их. Открыв дверь в соединяющий коридор, в воздух взмыл вой сирены, которая выла, пока дверь не закрылась. Так же было и с другой дверью, которая вывела нас в другое здание. Здесь по обеим сторонам шли камеры, а по центру корпуса шла лестница, огороженная решеткой. На каждом этаже ходил вертухай, который время от времени заглядывал в "волчки" камер. Так же я заметил, что на некоторых хатах висели таблички с различными надписями, такими как: "ножницы", "иголка", "машинка д/с", "особый контроль".

- В какую? - спросил встречающий нас дубак.

- Мы выше,- ответил тот, что вел меня. - Поднимайся, - сказал он уже мне в спину.

Я поднялся на этаж выше, затем еще и еще. Пока не оказался на последнем этаже. Табличка, висевшая на лестнице, известила меня, что это было "16 отделение". Здесь, как и на других этажах стояли крики в камерах. Так заключенные переговаривались между хатами. Дубак, время от времени, проходил и стучал по дверям ключом, чтобы те, вели себя потише. Но справиться со всеми ему было не под силу. Не успевал он дойти до следующей камеры, как в предыдущей вновь начинался гул. Отделения были наполнены шумом и гамом. В стены, со всех сторон постоянно стучали, и эти перестуки напоминали азбуку Морзе. Это был тюремный язык звуков, который хорошо понимал каждый заключенный.

- Здорово Володь! - приветствовал сопровождающего меня легавого, вертухай отделения. - Пополнение?

- Ага, принимай,- ответил легавый.

- Какая? - спросил тот.

- 192,- сказал дубак, идущий рядом, глянув в документы.

Вертухай, крутя в руках ключи, направился по счету к четвертой камере от начала. На каждую из дверей была прикреплена белая табличка, в которой карандашом были вписаны фамилии заключенных. Подойдя ближе к камере с номером 192, я увидел список из пяти фамилий. Моя в ней станет шестой. Вертухай отпер замок и раскоцал стальные засовы. Дверь открылась и в след за ней распахнулись "тормоза". Меня встретило трое заключенных, которые близко подошли к двери, преграждая собой проход, а двое других, оставались на верхних "пальмах" с веревками в руках, которые уходили в окошко. Как только "тормоза" и дверь за мной захлопнулись, все отступили назад и сели на нижние яруса шконок. Камера была маленькой, хоть и считалась четырехместной. Сразу слева, при входе, находился умывальник, а под ним "дольняк", огороженный небольшими листами железа, сваренными между собой и достигающими высотой около метра. Дальше шли две двухъярусные шконки, расположенные вдоль стен и упирающиеся в торцевую стену с небольшим окошком. Между шконками было расстояние около полутора метров, и от торцевой стены, в этот проем выступал столик. Помимо того, что камера, сама по себе была очень тесной, так еще в ней теперь находились 6 человек, вместо 4. Как только я зашел в хату, мое лицо обдало спертым теплым воздухом, а запах капусты, которую давали на ужин, все еще таился, где-то в закромах этих стен. Камера была прокуренной до такой степени, что ее потолки приобрели желтый цвет. Видать, пока была открыта дверь, помещение немного проветрило, но едкий дым все еще перемешивался и преобладал над другими запахами.

- По жизни все равно? - тут же спросил молодой парень, сидевший у самой стены и сжимая в зубах сигарету.

- Ровно,- ответил я.
- Проходи, присаживайся! - сказал он.- Как звать? Что за беда?

В камере были только русские. Я пожал всем руки и присел вниз, туда, где на шконке сидел только один человек. Те двое, что находились на "пальмах" и держали веревки, время от времени, стучали в стены.

- Меня Радислав зовут,- представился я.- По 105 заехал.

Каждый из них так же представился, назвав свое имя и погоняло. Того, что начал разговор и был пошустрее всех, звали Сергей "Лютый". Он-то мне и начал рассказывать о жизни хаты и вообще тюрьмы. Сверху, на "пальмах" были "дороги", которые представляла из себя сплетенная канатом шерсть (или как его тут называют "конь") с привязанными к ней носками. Носки, естественно были чистыми, не ношенными и в них укладывались малявы или какие-то "груза". Под "грузами" здесь понималось все, что имело вес, объем и не являлось письмами, например продукты, сигареты, чай и так далее.

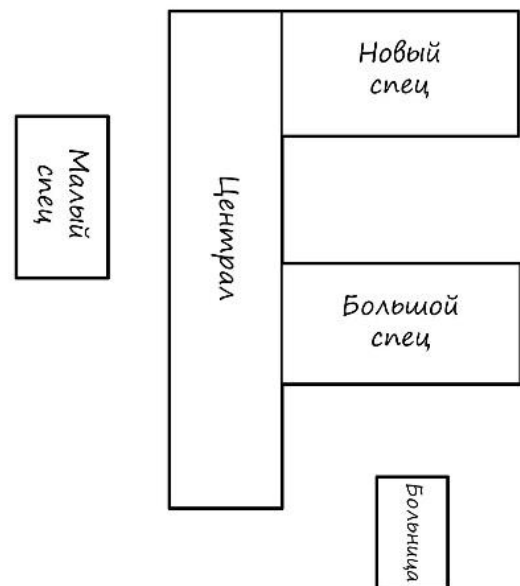
- Наша хата "строится" только с двумя соседними, со 193 и 191,- объяснял Лютый. - Если нужно "почту" прогнать в нижние хаты, то ее надо гнать до 190 хаты, у которой есть "дорога" вниз в 164 хату.

Строиться означало соединить камеры с помощью "дорог". И сам процесс "построения" имел целый алгоритм и науку, знания о которой передавали вновь прибывшим.

- А сколько всего хат? - поинтересовался я.
 - Ты имеешь ввиду вообще на СИЗО? - изумленно посмотрел на меня Лютый.

- Ну да.
 - Ахах,- усмехнулся он. - Да откуда же мне знать?! Это надо карту тюрьмы смотреть. А она есть на самом Централле. Могу тебе только сказать, что на нашем корпусе, на каждом этаже по 11 хат, не считая 12 отделения. Там карцера находятся, их по 6 хат с каждой стороны.

- Постой, постой...- сказал я Лютому. - Что значит карта? И как понять на

самом Централе? А мы где? Не на Централе?

- Карта подразумевает под собой схему, где нарисовано каждое здание, с нумерацией и расположением хат, а также, как и какое здание примыкает к другому,- пояснял он. - Вообще СИЗО и называют Централом, а вот в самом Централе, каждое здание (корпус) имеет свое название. Так сделано для удобства и точности. Например мы с тобой сейчас находимся на "Большом спецу" (сокращенно БС), а вот здание напротив, которое идет параллельно нам, называется "Новый спец" (НС). Глянь в окошко, ты его увидишь. Перпендикулярно к нам и "Новому спецу" пристроено здание, соединенное специальными коридорами. Оно называется Централ. В нем большие многоместные хаты, внизу транзиты, квадраты, отстойники. Так же есть здания, которые не примыкают никуда и стоят сами по себе. Например больничка и "Малый спец"(МС). Туда нет "дорог", поэтому почта посылается только через "ноги", на этажах.

- Транзиты, это типа перевалочных пунктов? - переспросил я.

- Именно! Например, если арестант едет через наш Централ в другой, а этапа ему ждать долгое время, то его помещают в хату-транзит.

- А "отстойники"? - вновь расспрашивал я.- Там сидят те, у кого "не ровно по жизни"?

- Нет! - улыбаясь ответил Лютый. - Отстойники от слова отстаиваться, ожидать. Когда приезжает этап, то всех расформировывают по "отстойникам". Это такие продолговатые, прямоугольные помещения, с "дольняком" и лавочками вдоль стен. В них находятся до шмона. Когда арестанта прошмонали, его заводят уже в "квадрат", чтобы он не принял ни у кого никаких запретов. А ты разве не был в "отстойнике"?

- Нет. Меня сразу с коридора на шмон повели, а оттуда в "квадрат".

- А остальных, наверное, в "отстойник" увели...

- Нет. Со мной ехал еще один в "синем угаре", но его на ИВС местное повезли.

- Ааааа... Ну вот потому, что ты один был тебя и не повели в "отстойник", смысла не было.

- А на противоположной стороне, такие же хаты, как наша? - спросил я.

- Да. Тут на всем корпусе одинаковые хаты, за исключением 12 и 13 отделения,- объяснил Лютый.

- Ну 12 отделение я так понял, что там карцера...

- Правильно.

- А 13?

- А на 13 отделении одиночные хаты,- ответил Лютый. - Там в основном содержатся пожизненники и те, кого по каким-то причинам нельзя держать вместе со всеми. Эти хаты редко "катаются", так как мусора постоянно залетают в хаты к ним и обрывают "дороги". Да и "реснички", такие железные перегородки над окнами хат, которые мешают протянуть "дорогу".

- Но все же возможность построиться с другими хатами бывает? - уточнил я.

- Бывает,- на выдохе ответил он. - Все гораздо печальнее в хатах для ПЛС (Пожизненно лишенных свободы) на "Малом спецу". Те, кто там сидят не имеют возможности общения с внешним миром и остальными арестантами. Хаты эти находятся в самом низу, а сверху идут оперские кабинеты. Короче они, как в подводной лодке сидят, отрезанные от всех.

Несмотря на то, что на этом отделении находились хаты карантинные и содержались в них заключенные лишь несколько дней, Лютый сидел тут уже не первый месяц, объясняя это тем, что перешел дорогу мусорам. Да только по его познаниям можно было сделать выводы об опытности, а значит и продолжительном нахождении на тюрьме. Остальные были более молчаливы. Тот, что сидел рядом со мной на шконке, уже давно спал, двое сверху занимались дорогами, а тот, что сидел рядом с Лютым, со временем тоже прикипел и сложив руки на столе плюхнул на них голову.

- Так ты за что, я так и не понял, убил этого типа? - спросил Лютый.

- С чего ты взял, что я вообще его убивал? - ответил я.

- Ааааа... ну да, ну да,- усмехнулся он и закашлялся, втягивая сигаретный дым. - Тут кого не послушаешь, все ни за что сидят.

- Ну а ты-то сам за что сидишь?

- У меня разбой,- вывернув губы, пафосно выдохнул дым Лютый. - Я и не отрицаю. Я на воле не работал, а зарабатывал только так.

- А на ком так "занимался"? - поинтересовался я.

- Ну уж не на бабушках,- с какой-то иронией ответил он. - Всякие терпилы были... Как мог, так и жил.

- Да нет,- заметил я.- Жить каждый может по-разному, тут от желания зависит. Ты мог и по-другому жить, но пожелал именно так.

- Может быть и так,- поменялся в лице Лютый. - Но как видишь, наши с тобой дорожки пересекаются. И пересекаются в тюрьме. Значит и жизненные пути не многим отличаются друг от друга.

- Ошибаешься! Пути у нас совершенно разные. Не имеющие между собой ничего общего. А то, что мы встретились в этом месте, то это лишь говорит о том, что наши пути идут вразрез Системе. Понимаешь? Не твой, не мой образ жизни не вписывается в рамки так называемого "закона", но сами образы жизни ничем не связаны и не похожи друг на друга.

- Какая-то тюремная философия у нас получается, - сказал Лютый, затушив сигарету в банку.

- Не без этого, - согласился я.

На протяжении нашего диалога, "дорожники", а именно так называли тех, кто стоит за "дорогой", время от времени перестукивали в стену один и тот же ритм: два

быстрых удара. Получалось вроде: тук-тук. Если "дорогу" не забирали, то пробивали снова: тук-тук... Такой же ритм доносился и из других камер. Но во время нашей с Лютым паузы, из соседней хаты постучали нам в стену три раза, с равными паузами между ударов. Тук...тук...тук.

- К нам стучат,- сказал я.

- Стучат мусорам, а в стены пробивают,- поправил меня Лютый. - На крайняк - шумят.

Я кивнул головой одобряя высказывание и ждал от него действий.

- На голосовые пробивают,- сказал он. - Тихо всем.

Лютый подошел к "дольняку" вверху которого была отдушина (вентиляция).

- Девять три, говори! - крикнул он туда и подставил ухо, чтобы лучше слышать.

Я не мог разобрать слов из соседней камеры, но слышал звуки, доносившиеся из вентиляции.

- Не, нормально все,- вновь крикнул туда Лютый. - Еще одного новенького подняли.

Повисла пауза.

- Чего? - не расслышал Серега. - Говори громче! - и вновь накиннул ухо. - Радислав зовут.

Лютый снова прислушивался, скривив лицо.

- Радислав говорю! - снова крикнул в вентиляцию Серега. - Да какой Слава?! Радислав говорю. Вы там чай пили или в уши заливали?!

В этот момент в дверь ударили несколько раз ключом.

- Отойди оттуда,- крикнул дубак.

- Начальник, нормально все,- заверил его Лютый.

- Рапорт на тебя напишу,- не сдавал позиций вертухай.

- Ладно-ладно,- согласился Серега. - Отхожу.

Он и правда отошел от вентиляции и сел на шконку. Дубак закрыл "волчок" и цокот его каблучков начал удаляться. В стену снова проббили три раза. Лютый вновь

подошел к отдушине и прокричал: - Пахом, мы сейчас "курсовую" писать будем, увидишь.

В ответ донеслись какие-то звуки, которые видимо не устроили Серегу.

- Иди в жопу! - крикнул он. - Давай расход, сейчас "курсовая" пойдет.

Свои слова он сопроводил одним ударом в стену. Один удар в стену, по тюремной азбуке Морзе означал расход.

- Вот глухомань,- смеялся Лютый присев на шконку. - Мы с тобой заговорились, что и "курсовую" забыли написать.

В это время "волчок" вновь открылся и послышался голос вертухая: - Кто кричал опять? Милютин, ты?

- Не, начальник,- с самым серьезным видом заявил Серега. - У нас тут тишина. Тебе послышалось...

- Послышалось...- продублировал его последнее слово дубак и закрыл "волчок".

Мы дождались, когда шаги будут удаляться и продолжили разговор.

- Курсовую пишут, когда кто-то новенький поднимается в хату,- объяснял Лютый. - Она отправляется и гоняется по всем хатам корпуса, ну в нашем случае еще "Новому спецу" и Централу, чтобы все знали, кто заехал. По-другому говоря: поставить в курс.

- А что конкретно там пишут? - поинтересовался я.

- Сейчас увидишь.

Серега вырвал из тетрадки листок и достал ручку. Расписав ее на краешке кроссвордов, он начал выводить букву за буквой:

" Вечер добрый Арестанты! Мира и Благополучия Дому нашему Общему! Ставим Вас в курс, что сегодня 27.08.2010 года, в нашу хату поднялся еще один человек, а именно:"

Лютый занес ручку над листком и посмотрел на меня: - Скажи мне фамилию, отчество, год рождения и откуда сам?

Я назвал, что он просил и Серега продолжил писанину:

" а именно: Белов Радислав Александрович, 1991 г.р., ст.105 ч.1, сам с * * * . Курсовую просьба прогнать по БС, НС и Ц. На этом ограничимся, пожелав Вам Здоровья и скорейшего освобождения! С Уважением к Вам х.192."

Лютый скрутил в трубочку листок и затем приплюснул его так, что получилась полоска. На ней он написал: "Курсовая". Далее сложил полоску вдвое и

передал "дорожнику" слева. Тот засунул "курсовую" в носок, который завязал на конце, и пробил в стену: тук-тук...тук...тук-тук...тук. Дорога тут же начала уходить за решку, в окно, а "дорожник" перебирая веревку руками, помогал ей просачиваться в другую камеру.

- Вот как-то так,- заключил Серега. - Ты запоминай это все, еще пригодится.
- Да мне и самому интересно,- ответил я, нисколько не кривя душой.

Тюремная "инженерия" и вправду впечатляла меня своей гениальностью. В ней таилось столько знаний и ловкости, что из подручных предметов получались годные и полезные вещи. Их создатели были определенно люди незаурядной смекалки и проворства. Мне бы просто и в голову не пришло придумать что-то подобное. Одна только идея этих проектов чего стоит! Какие умы были затеряны в этих стенах!

- Кстати, а почему ты написал "еще" один человек? - обратился я к Лютому.
- До тебя, еще днем, подняли их двоих,- ответил он и указал на тех двоих, что уже спали. - Ты, кстати, присаживайся, поспи немного, отдохни... Прилечь правда пока не получится, так, как сам видишь, хата переполнена. Но хоть так покипеть немного. А с утра, перед проверкой, "дороги" снимем, "дорожники" лягут на пальмах спать, а мы тут внизу, по очереди поспим по несколько часов.

- Нет,- отказался я.- Благодарю. Пойду на "дорогу" гляну поближе, посмотрю, что к чему.

- Интерес в тюрьме всегда приветствуется! - сказал Лютый. - Таких, как ты, интересующихся Общим делом, здесь уважают!

- Главное, чтобы интерес был здравый,- подмигнул я ему, вспоминая слова Соленого.

Лютый на какое-то время даже замолчал, не ожидая услышать это от "новичка". И лишь водил глазами по сторонам, как будто в поиске какой-то подсказки.

- Ааа...ну да,- нашелся он. - Само собой! Я про это и говорю! Интерес к Общим делам.

Я лишь улыбнулся и залез на пальму, к "дорожнику", которого звали Денис "Кот". Это был человек, лет 30, с короткой стрижкой "ёжиком", и лицом выдававшим преступное прошлое. Подогнув согнутые ноги в коленях к себе, он сидел, направив взгляд в окошко. Его мысли прервал я, когда залез на пальму. Он бросил на меня пустой взгляд и спросил: - Ты чего?

- Посмотреть,- ответил я и перевел взгляд на окошко. - Это "Новый спец"?
- Он самый,- подтвердил Кот.

Сквозь оконную решетку виднелось здание из белого кирпича, где почти во всех окнах горел свет и бегали носки по сплетенным веревкам. Мне даже показалось, что их окна были немногим больше, чем наше.

- Там окна больше? - поинтересовался я у Дениса.

- Да,- кивнул Кот, смотря в окошко. - Тот корпус более современной постройки, поэтому его и называют "Новый спец".

- А почему не везде горит свет?

- Там, где нет света, это либо "красные" хаты, либо оперские кабинеты,- объяснил он. - БС и то катаются вон...

- БС? - не понял я.- Но разве мы не БС?

- Наш корпус БС (Большой спец), а я говорю про бывших сотрудников. Их тоже сокращают БС. У них отдельные хаты, потому что вместе со всеми их посадить нельзя. - Его палец показал в край окошка: - Вон, видишь те три крайние, верхние окошки? Вот это их хаты.

- А зачем же с ними "строятся", если они мусора? - обуяло меня любопытство.

- Ну как тебе сказать?!- задумался Кот. - К бывшим сотрудникам причисляют и МЧСников и вояк, которые служили по контракту и имели звание. Много кого мешают с мусорами. Я не думаю, что "людские" хаты стали бы "строиться" с каким-нибудь участковым, следователем или прокурором.

- Понял...- протянул я.

В этот момент, нам в стену пробили: тук-тук. Кот подорвался и начал тянуть "дорогу" на себя. За наружной решеткой появился носок, с чем-то объемным. Денис ловко подкинул его, пустив волну по веревке, и сразу потянул на себя. Таким образом носок миновал наружную решетку и проскочил в окно, оперевшись во внутреннюю, с нашей стороны. Кот рукой вытащил носок из-за решки и, развязав его, вытряхнул содержимое на шконку. В нем лежала малява, адресованная некому "Пожарнику" в хату 9/67, с припиской "+ 16", что означало +1 балбес (иными словами груз), и наша "курсовая". Рядом с Котом лежал листок и ручка, в который он записывал то, что проходит через нашу хату. Этот листок назывался "точковка" и хранился две недели, после чего уничтожался. Такие "точковки" велись в каждой хате, где есть "дороги", для того, чтобы в случае пропажи какой-либо малявы или груза, можно было найти повинную в этом хату, с последующим строгим спросом с виновника. Пока Кот точковал почту, я раскрыл нашу "курсовую" и увидел, что сразу под нашим текстом, в столбик, шли надписи: х.193 - ozn.; х.194 - ознакомилась; х.195 - ознак. Я вновь свернул "курсовую" и положил обратно к другой почте.

- Передай это Максусу,- попросил меня Кот.

Макс по погонялу "Шток", сидел на соседней пальме, уже заранее развязав носок. Это был молодой парень моих лет, с темными волосами и длинной челкой. В хате он уже находился пару дней, но особой разговорчивостью не блистал, в отличии от Кота. Я сделал, что попросил Денис, передав Штоку маляву, прилегающий к ней груз и нашу "курсовую". Тот безмолвно взял и положил в носок, который сразу же завязал. Тук-тук, пробил Шток в стену. Дорога сразу же начала уходить в окошко, увлекая за собой носок. Я смотрел в окно, наблюдая за этой паутиной из веревок и носок. Как говорил бывалый сиделец Соленый: движение — это жизнь, «дороги» — это наш кислород. Все движение в тюрьме осуществляется ночью, как и поступает "кислород". Днем все спят, но как только заканчивается вечерняя проверка, в тюрьме начинается жизнь. Ветки, как вены, протягиваются из окна в окошко, вентиляции наполняются голосами, а на проходах образуется гул. Где-то в хатах разливается по кружкам чифир, который передается по рукам, а стены вновь начинают пропитываться клубами никотинного дыма...

- А ты давно тут? - поинтересовался я у Кота.

- А? - какими-то растерянными глазами посмотрел он на меня. Видимо мой вопрос вырвал его из каких-то мыслей.

- Говорю: давно тут? - повторил я.

- Имеешь ввиду в этой хате или вообще на тюрьме? - уточнил Кот.

- Ну вообще...

- Чуть больше недели,- ответил он. - А в этой хате третий день.

- Это столько карантин длится? - удивился я.

- Я уже и сам не знаю,- Кот пожал плечами. - Наверное он у всех по-разному длится.

- Так обычно трое суток тут держат,- услышав наш разговор, вмешался Лютый. - Но из оперативных соображений могут и дольше оставить, как Кота.

- Понятно,- ответил я, не желая дальше развивать эту тему.

Штоку пробрили в стену, и он начал забирать дорогу. В основном почта шла в соседние камеры, но в этот раз была малява и в нашу хату.

- Тебе, Серег! - сказал Шток, протягивая маляву, скрученную в трубочку и запаянную в целлофан, Лютому.

- Ооо...- радостно заликовал Серега. - Вот и мадам написала. Наверное, опять, тварюга, курить просит.

Я непроизвольно улыбнулся, услышав эти слова, а Лютый быстро начал распаковывать маляву.

- А где тут девушки сидят? - поинтересовался я.

- На Центrale, на 7 отделении,- ответил Лютый. - Его называют "Седьмое

авеню". Это продол, который отделен от всех других тем, что находится перпендикулярно и проходит над "квадратом" и "остройниками". С ними никак не получится построиться кому-либо с Централа, но они между собой строятся "дорогами". Поэтому вся почта к ним идет через этапы, ногами.

- Еще на "Новом спецу", на той стороне, есть женские хаты,- добавил Кот.

- А как же на ту сторону передать малявы? - не понял я.

- Через крышу идет одна дорога туда,- сказал Лютый.

У меня стало изумленное выражение лица, услышав подобное. Я не мог вообразить, как на ту сторону, через крышу может попасть дорога и даже если попадет, то какой длины она должна быть?! Лютый все прочитал на моем лице и сразу сказал: - Завтра объясню, как. Кстати, тут на нашем корпусе есть тоже несколько женских хат. Они карантинные для баб и находятся на другой стороне. С ними все проще... К ним малявы через Централ ходят.

- А ты вот говоришь, что на тоже "7 авеню" малявы только ногами носятся, через этапы. Но как их через шмон проносят? - поинтересовался я.

- Все правильно,- согласился Лютый. - Любые малявы, которые идут через этапы, проносятся через попу. Балабасятся, вкидываются - другими словами. Перед этим, малявы заплавляются в пакет, чтобы не протекла, и в попу суют. Девушки проделывают это через влагалище.

Еще на воле, я слышал о подобном, но воспринимал это за миф, некую шутку, которая, как оказалась, была былью и реальностью.

- Ты не подумай, в этом нет ничего стремного,- заверял меня Серега. - Отказываться от почты на этапах нельзя, а проносить как-то надо. Шмон ты сам видал какой. Приходится таким способом возить.

- Ты мне сейчас говоришь, что для мужика нормально, совать в задницу инородные предметы? - усмехнулся я.

- Это тюрьма, старина! - ответил он. - Здесь и не такое бывает. Некоторые и телефоны туда засовывают. А маляву даже и не почувствуешь почти.

- А ты сейчас взял маляву прям из жопы? - не мог сдержать смеха я.

- Во ты придурок,- поддержал мой смех Лютый. - Маляву изначально заплавляют в пакет, потом еще в один, для уверенности. Когда ее передают человеку, он заплавляет ее еще в один слой, бывает, что и сразу несколько маляв. Это делается для того, чтобы, когда он потом достанет ее, уберет верхний слой, малява будет чистой, в своем изначальном виде. Понимаешь? А ты уж себе там напредставлял...

- Напредставляешь тут...

Мы с Котом продолжили шутки на эту тему, а Лютый принял за прочтение малявы. Его улыбка сияла от счастья. Шток по-прежнему молчал и задумчивым взглядом

смотрел в окошко. Двое новеньких, что поднялись передо мной, спали, не просыпаясь на крики, смех, разговоры и шум стен.

- Слушай, Кот,- обратился я.- А как мне найти человека?

- Ты имеешь ввиду на тюрьме? - переспросил он.

- Ну да,- подтвердил я.

- "Поисковую" пишут,- ответил Кот. - Мол ищут такого-то человека и пишешь все, что знаешь о нем. Потом она гонится так же по всем хатам. Если тут нигде нет, то можно отправить и на "Малый спец" или больничку. Но вообще, я думаю, если он твой знакомый и сидит где-то здесь, то услышав "курсовую" сам напишет тебе.

- В смысле услышит?

- Каждую "курсовую" или "поисковую" зачитывают вслух на всю хату,- объяснил Денис.

- Теперь понял,- сказал я.- Подождем тогда...

В голове у меня пронеслись мысли об камераде, которого закрыли еще по зиме. Это был Серега "Соник". Олдовый НС, который уже отсидел в свое время за накрыв армян. Прошло каких-то пару месяцев с его освобождения, как он был арестован уже за убийство шапки. Скрыться в тот день ему не удалось. Легавые поджидали Соника у подъезда, когда тот выходил с собранной сумкой, чтобы податься в бега. Тюремный срок не смог погасить в нем огонь решительности, радикальности и непоколебимости правых взглядов. Эти стены не смогли сбить его с пути, которым он идет, не взирая на трудности и преграды.

- "Курсовая", наверное, вернется ближе к утру,- сказал Кот. - Либо завтра с первыми дорогами.

- Хорошо, подождем,- согласился я.

Искать подельников сейчас я не хотел. Нужно было посмотреть обстановку здесь и быть максимально аккуратным в общении. Как говорится: язык твой враг. Особенно в тюрьме, где каждое слово имеет цену. Одно слово или фраза здесь может стать фатальной и нести самые непредсказуемые последствия.

Ночь прошла на удивление быстро. Мы провели ее в разговорах и шутках. Лютый долгое время строчил маляву своей "мадемуазели", которая вышла на пару тетрадных листов и время от времени поддерживал наш разговор. Шток, погруженный в себя, как статуя, сидел почти неподвижно, взирая в окно. Его приводила в жизнь "дорога" которая редко ходила из хаты в хату, из-за отсутствия почты, и Лютый, который то и дело ржал над его челкой.

- На Централ поднимаешься, могут и вопросы возникнуть, касаемо твоей челки,- гнал жути Серега. - А что? Скажешь, эмо был по воле...

Его громкий смех сотрясал стены камеры. Было в нем что-то такое мерзкое, что даже раздражало. Шток почему-то терпел все это и, ни говоря ни слова, еще больше замыкался в себе.

За ночь мне удалось лишь пару раз хлебнуть чая, который, как оказалось потом, был "купцом". То есть крепким, но не на столько, чтобы считаться чифиром. Я вообще не люблю крепкое: что чай, что кофе, поэтому от дальнейшего продолжения церемонии отказался. Ближе к утру, нам пробили из соседней хаты и сообщили, что пора снимать "дороги". К концу "дороги", что шла в 191 хату, мы привязали нитку, которая вслед за веревкой ушла к соседям. Когда нам в стену пробили один раз, это был знак того, что другой конец нитки у них и на этом "расход". Мы свой конец нитки привязали к спичке и засунули ее в одну из щелей за первым окошком. Обнаружить ее можно было теперь, если только внимательно приглядываться и знать, что искать. Эта нитка называлась "контролька" и облегчала дальнейшее построение "дороги". С хатой 193 мы проделали все тоже самое, только наоборот: дорогу забрали мы. В верхнем матраце, вдоль бока был разрез, в который Кот аккуратно сложил "дорогу" и зашил это место. Точковку он свернул в трубочку, заплывил в пакет и, разогнув низ тюбика, как оказалось пустой зубной пасты, поместил точковку туда. С виду этой пасте и не придашь значения, а по своей сути это был своеобразный "курок" (тайник). Кот поставил этот тюбик к остальным рыльно-мыльным принадлежностям, на полку возле раковины. Иногда, чтобы что-то спрятать, достаточно положить это на видное место. Совсем скоро, вдалеке послышались щелчки замков, звон ключей и цепей. Они нарастали, пока не дошли до нас. Один из дубаков шел вперед и открывал замки, оставляя двери запертыми только на засовы. Начиная с другого края, шли мусора, которых возглавлял заступающий на смену ДПНСИ, и поочередно открывали хаты, из которых выходили заключенные на коридор для счета, и заходили обратно. Как только последний арестант заходил в камеру, за ним закрывалась дверь, а в этот момент другой вертухай открывал соседнюю хату, и процедура проверки и пересчета повторялась. Так очередь дошла и до нас. Дверь открылась, распахнулись "тормоза", ударившись об нее, каждый из нас вышел на коридор, а в этот момент в камеру зашел сам ДПНСИ, взором окинув все вокруг. Вместе с ним зашел и местный опер, который на скорую руку, поверхностно прошмонал хату. Это была формальность, которую он должен был выполнить перед ДПНСИ. Когда они вышли, последний спросил: - Жалобы, заявления есть?

- Нет,- ответил за всех Лютый и мы зашли обратно в камеру.

"Тормоза" щелкнули замком, а вслед за ними ударила дверь. Засовы задвинулись, цепь загремела, ключ провернул замок несколько раз, а в это время загремели засовы соседней хаты.

- Вот ган*он!- выругался Лютый, убирая со стола газету, которая была постелена вместо скатерти.

На ней был четкий отпечаток берца. Серега выкинул ее в мусорное ведро и постелил новую. Матрацы были наполовину завернуты на себя. Мы вновь расстелили их и вчетвером плюхнулись спать. Двое тех, что уже спали ночью, сели на края шконок и закурили по сигарете. Этап, шмон и ночь так утомили меня, что я лишь успел положить голову на подушку, как тут же погрузился в сон.

Глава 7.

Блеклый свет луны освещал нас, просачиваясь в комнату через незанавешенное окно. Этот притупленный свет позволял мне рассмотреть все черты лица и изгибы Сони. Я лежал на спине, а она, прижавшись головой к моей груди, обнимала рукой. Ее прядь волос была заправлена за ушко, а я проводил по ним, разглаживая, рукой.

- Что ты думаешь делать? - тихо спросила она.
- Все будет известно завтра,- ответил я.- Точнее уже сегодня.

На часах уже было немного за полночь.

- Тебя не найдут? - вновь спросила Соня, посмотрев на меня.

В ее взгляде было столько надежды, как у ребенка, который спрашивает что-то про Деда Мороза, искреннее веря в его существование. Ее глаза немного метались по сторонам, словно выискивая в моих ту самую надежду. Мне и самому хотелось верить в лучшее, ведь по сути это была рядовая акция, которая лишь немногим отличалась от остальных. Но внутри у меня было какое-то беспокойство. Что-то сеяло смуту и сомнение, задавая излишнее беспокойство.

- Надеюсь...- неуверенно ответил я.
- У тебя никогда не было сомнений, а сейчас есть,- заметила она.
- Ну почему же? Были! Просто я тебе о них не говорил,- улыбаясь сказал я.- Я столько раз находился на грани, но Боги меня берегли, видать, для чего-то более серьезного.

Соня укусила меня за грудь, что заставило меня дернуться.

- Тише-тише,- приговаривал я, подняв ее лицо и целуя в губы. Но и тут она ухитрилась прикусить нижнюю губу. - Так-то это совсем другой район, на нас и подумать не должны. Будут изначально у себя там искать...

- Тогда в чем дело?
- Мне не дает покоя пропавшая сумка Сокола,- сказал я.- Если на него выйдут, то я даже не знаю, что от него ожидать.
- Думаешь сдаст? - все так же тихо спросила Соня.
- Даже не знаю... Так-то не должен. Юнгер в нем уверен, а я уверен в Юнгере.
- Зачем с ним тогда вообще мутил акцию, если есть сомнения? - не понимала она.
- Зато у меня нет сомнений в Юнгере! - отрезал я.- Я ему полностью

доверяю. И если он сказал, что Соколу можно доверять, у меня нет оснований сомневаться в его словах.

В ответ я услышал лишь тяжелый выдох. Я прижал Соню еще сильнее и поцеловал в макушку.

- Все будет хорошо, не переживай,- сказал я ей.

- Может зря мы сейчас тут находимся? - спросила она. - Может нам нужно было бы куда-нибудь уехать? Хотя бы на время, чтобы узнать положение дел.

- Может...- повторил я.- Только мы уже здесь. В этой квартире, в этой кровати...

Между нами вновь повисло молчание. Я слышал и ощущал, как трепетно бьется ее сердце в такт моему. А может это было одно сердце, которое отдавалось в груди обоих?

- А если бы мне нужно было бы скрыться, ты бы уехала со мной? - как-то невзначай спросил я, нарушив молчание.

- Глупенький, а куда бы я делась?

Мне сразу вспомнились ее слова после суда: - "В таком случае у нас не будет будущего,- говорила тогда она. - Если тебя посадят, я не буду тебя ждать..." Я не стал озвучивать их, так как не хотелось ругаться. Тем более сейчас, в такой момент, когда не знаешь, что ждать от нового дня. Но эти слова настолько въелись в меня, что даже моя никудышная память, воспроизводила их вновь и вновь. Эти слова говорили об обратном, нежели озвученном Соней сейчас. Я не стал ей противопоставлять их, а просто поцеловал в макушку, ни сказав ни слова.

Мой сон плавно перетек в дрем. Сквозь него я слышал, как на коридоре гремит половник, задевая бачок. В хате было небольшое движение. Приоткрыв глаза, я увидел, что Шток, вместе с одним из тех, кто спал ночью, просовывает пластмассовые тарелки и байзера (посуду) в "кормушку". Вскоре "кормушка" захлопнулась и, приподняв голову, я увидел расставленные на общаке тарелки с необычной кашей.

- Сечку будешь? - заметив мое пробуждение поинтересовался Шток.

Мой желудок в тот же момент заурчал, напоминая мне о пустоте в нем.

- Да,- ответил я.- Пожалуй не откажусь.

Я присел на шконку и Шток протянул мне алюминиевую ложку.

- Какую брать? - поинтересовался я.
- Любую,- ответил он, а сам пошел к двери и закурил сигарету.

Я пододвинул к себе одну из тарелок. От каши шел пар, который ударил в ноздри не совсем приятным запахом. Я скривил лицо, а Шток тут же посоветовал мне не нюхать ее. Подхватив ложкой немного каши, я подул на нее, давая остыть, после чего погрузил ее в рот. Подобный вкус мне даже не с чем было сравнить. Сама по себе сечка вроде, как была безвкусна, но добавка к ней или та вода, на которой ее варили, создавала отвратительный вкус, вперемешку с прелостью. Я тут же поспешил ее выплюнуть в дольняк.

- Там кажется, где-то булик был на столе,- сказал Шток. - Добавь его, он перебьет вкус.

Буликом называли кубик суповой приправы, бульона.

- Фууу... б*я... - выругался я, возвращаясь к общаку.- Ну и привкус...
- Да уж... Самое дешевое зерно,- согласился Шток.

Я покрошил и перемешал булик в каше, и она действительно стала менее противна.

- А ты чего не ешь? - спросил я Штока.
- Я после тебя перекушу,- ответил Макс.- Ложек всего три.

Напротив меня, кривя лица, ели еще двое новичков. Один из них был дед, который в синем угаре зарезал собутыльника, а другой мужик, уже в годах, которому вменяли финансовые махинации. Оба они были не разговорчивы и предпочитали молчать, пока их о чем-нибудь не спрашивали. В принципе, это была не плохая позиция в тюрьме.

- А Лютый с Котом? - поинтересовался я.
- Они на обед только просили разбудить,- пояснил Шток.

Тот, что был "махинатор" (так про себя называл я его), быстро опустошил половину литрового байзера, и пошел на дольняк, спросив у Штока туалетную бумагу.

- Погоди немного, пока остальные доедят,- сказал на это Макс.- Здесь не принято ходить на дольняк по-большому, пока кто-то ест. Мы же в одном маленьком помещении находимся и тому, кто кушает будет не приятно, если ты в это время будешь опорожняться.

Мы не заставили себя долго ждать "махинатора", расправившись с кашей. Это было мое первое "знакомство" с сечкой. Раньше о ней я только слышал из песен

шансона, которые так любят включать водители.

Хлебнув воды и наконец поместив в желудок хоть что-то, на меня вновь напало чувство сонливости. Веки стали тяжелыми и норовили закрыться. Я снова прилег и сон тут же овладел мной. Тюремные стены сменились одним весенним вечером. Город зажег свои огни, а снег не спеша кружился мокрыми хлопьями, падая вниз. Я, Аркан и Уксус стояли в одном из подъездов девятиэтажек. На мне была серая шапка, черный бомбер и голубые джинсы на подкате, из-под которых вылазили черные "Бульдоги", перетянутые белыми шнурками. Прильнув к стенке стоял Уксус, втягивая табачный дым. Он был тощим, но дутый штурмовик компенсировал его телосложение. Так же его гардероб составляла черная шапка, с небольшим загибом и лейблом "Адидас", такого же цвета джинсы и "Камелоты". Аркан кинул на подоконник свою черную шапку с высоким загибом и белой надписью "Hooligans". На бритом черепе, бросался в глаза выбитый тушью кулак геноцида. Его массивный корпус укрывал черный штурмовик с поднятым воротником, а из-под голубых джинс виднелись полуботинки черного цвета, фирмы "Dr.Martens". Одна нога Аркана была закинута на трубу, что проходила под подоконником, и он, облокотившись на колено, вглядывался в даль. Напротив девятиэтажки, метрах в 30-ти, проходила проезжая часть, стоял вокзал, остановки, а вдоль дороги шли ларьки и магазины.

- Пойдемте до ларька дойдем? - наконец предложил он.

- За пивом? - поинтересовался я.

- Можно, что и покрепче взять,- улыбнулся Аркан.

- А мутить?

- Да мы уж сколько сегодня прошагали?!- возмутился он. - Сегодня, видать не судьба...

- Да. Андрюха прав,- поддержал его Уксус.

- Ну что, погнали? - весело спросил Аркан.

Мы вышли из девятиэтажки и направились в сторону ближайшего ларька. На улице было темно и только одинокие фонари освещали дорогу прохожим. Одна из проходивших мимо нас фигур, вдруг остановилась и сказала: - Радислав! Я оглянулся и узнал своего одноклассника. Это был Макс "Оса". Такое прозвище он получил из-за своей фамилии. Мы вместе учились на первом курсе техникума и частенько садились за одну парту. Макс был веселый, взбалмошный парень, чья жизнь была полна разных смешных приключений, о которых он постоянно рассказывал мне на учебе. Я всегда смеялся над его историями, но никогда не делился своей жизнью, хотя ее образ четко прорисовывался на мне и нередко оставлял свои следы. Макс знал о моих взглядах и убеждениях, в чем был со мной солидарен. И когда мы затрагивали тему национализма, после моих слов он бывало говорил:

- А знаешь что? Вот скоро у меня терпение лопнет, глядя на эту черноту и я к вам в партию вступлю!

Меня забавляли подобные фразы и я на них смеясь отвечал:

- Макс, какие партии? Ты о чем?! Я никогда в них не состоял.

- Ну а где ты там?

- Нигде... Я живу своей жизнью и своей головой. Я автономен и волен делать то, что считаю нужным. Не люблю официальные формации. Все, что официально - контролируется мусорами, а мне это ни к чему.

- Ну ты меня понял, что я имел ввиду...

И вот теперь передо мной стоял тот самый Макс, слегка выпивший и с бутылкой пива в руке. На его лице не сходила улыбка. Я и сам улыбнулся такой встрече. Раньше мы никогда не встречались на улице вне техникума.

- Здорово Макс! - пожал ему руку я, а следом и камерады. - Вот так встреча.

- Да уж! - согласился он, внимательно изучая моих друзей. - Куда путь держите?

- Вот до ларька,- ответил я.- А ты здесь какими судьбами?

- У меня тетка тут недалеко живет. Ее навещал. Решил вот пивка взять, а тут как раз ты идешь.

- Ну пойдём с нами тогда,- предложил ему я.- Мы вон тоже хотим пива купить. Поболтаем.

- Конечно! - согласился Макс и направился вместе с нами к ларьку.

В темном пролете между ларьками, мимо нас проскочили двое, один из которых на плече нес ящик пива. Освещение туда не падало, поэтому их лица нам удалось рассмотреть лишь частично и то их грубые черты.

- Цунары? - вдруг спросил Аркан.

- Похоже на то,- сказал я, остановившись на месте. - Один-то очень похож. Второго не разглядел.

Тем временем оба силуэта оглянулись на нас и продолжили свой путь, не прибавляя шага.

- Валим их? - предложил Аркан, ударяя кулаком об ладонь.

- А если показалось? - спросил я.

- Надо проверить по-быстрому и валить их пока не ушли,- сказал он.

Я тут же кинул взгляд на Макса, который уже догадывался что к чему.

- Макс, кажется пришло время вступить в "партию",- с иронией произнес я.

- Что, сейчас? - его глаза забегали в разные стороны. Я видел, как скрытый

страх начинает проявляться в нем и создает сомнения. - А это...- пытался он, что-то сказать, но запинался, обрывая фразы.

- В общем помощь твоя небольшая нужна,- уже с самым серьезным видом сказал я.- Участие в исполнении от тебя не требуется. Просто подойдешь вон к тем двоим, спросишь у них закурить или, что вы там обычно спрашиваете, а затем маякнешь нам, если это пизд*глазые. Дальше мы сами...

- Ну хорошо,- согласился Макс, делая последний глоток пива и ставя бутылку рядом с ларьком. - А как маякнуть?

- Когда отходить от них будешь, махни рукой по направлению к себе,- ответил я.- Тогда мы будем знать, что это цунары.

- Хорошо,- сказал он и побежал делать круг вокруг домов, чтобы выйти к ним навстречу. Мы же не спеша двинулись вслед за ними.

- А вот это пригодится,- произнес Уксус, схватив бутылку, оставленную Максом.

Снег все так же кружился в своем вальсе, тая на наших щеках. Мы шли молча, сосредоточенные на цели. Наши юные сердца, как мотор, гоняли кровь все быстрее, в предвкушении предстоящей акции. Мы, как волки, осторожно шли за своей добычей, чтобы не спугнуть. Вдруг к нашим целям подошел Макс и те встали на месте, возле здания водокачки. Между ними шел разговор, который закончился совсем неожиданно для нас. Тот, что нес на плече ящик с пивом, в один момент обрушил его на голову Макса. Одногруппник тут же упал, а второй, схватив его за куртку начал пинать, куда попадет. Макс закрывал лицо руками, но это, видать, мало помогало. Он обмякал на глазах, заваливаясь назад, но держащий его, не давал полностью распластаться на снегу, тянув на себя Макса за куртку.

- Вот б*я! - выругался Аркан.

- Погнали! - крикнул я.

Мы быстро преодолели расстояние, разделявшее нас до потасовки. Уксус, вырвавшись вперед, первый разбил бутылку об голову того, кто пинал Макса. Как мы и предполагали, нашими целями оказались среднеазиаты. Когда мы подбегали, второй из них успел поднять не разбившуюся бутылку пива и, занеся ее над головой, был готов ударить. Я прыгнул на него с ноги и мой удар, уводя его корпус в сторону, изменил траекторию движения бутылки. Она пролетела мимо, лишь шваркнув по моему рукаву куртки, но при этом оставаясь в его руках. Свободной рукой он обхватил мою шею, в то время, как я с разных флангов пробовал нанести ему удары кулаком. В итоге получилось так, что я оказался спиной у стены здания. Цунар хотел разбить об меня бутылку, но эта попытка провалилась, и бутылка разбилась об стену позади меня. Я удерживал его правую руку своим локтем, создавая препятствие, а правой бил ему по щцам, которые он отворачивал. В итоге обхватив его шею, я начал тянуть ее вниз, и разворачиваться вместе с ним. Так

наши позиции поменялись и теперь инородец был прижат к стенке, нанося мне удары из-под моей руки в область спины и ребер. Я же тянул его голову все ниже и ниже, чтобы нанести удар с колена, который решил бы исход нашей борьбы. Его удары я почти не чувствовал. Оккупант схватился мне за куртку и это создало дополнительное сопротивление моим попыткам опустить его голову ниже. Тогда я отпустил его шею схватив одной рукой за воротник куртки и, как только цунар выпрямился, начал бить ему по щекам. Он отворачивал голову в противоположную сторону и поэтому большинство ударов пришлось в область уха и нижней скулы. Оккупант беспорядочно бил мне по спине кулаком, но это было больше похоже на какое-то простое похлопывание. Отсвет фонарей и луна кидали на нас свои лучи, на которых я вдруг заметил отблеск в руке цунара. Только теперь до меня дошло, что эти похлопывания по моей спине были ничем иным, как чем-то остро-колющим в руке инородца. Я тут же схватился за его руку своей, останавливая удары. Другой рукой он схватил мою вторую руку. Но у меня были свободны ноги. Стальными стаканами ботинок, я начал пинать по его ногам, норовя сломать ему голень. Оккупант орал после каждого моего попадания и вскоре мои попытки возымели успех. Он рухнул на снег вдогонку получив еще несколько ударов кулаком в голову. Уже лежащего, я начал обрабатывать его ногами. Камерады выбивали все живое из первого цунарефа, а немного в стороне уже собралось несколько зевак. Макс тоже стоял в стороне, держась за голову и смотрел за процессом. Оккупант, который лежал передо мной, скрутился в позу эмбриона и закрывал голову руками. Тогда я и разглядел "розочку" от бутылки, которая была зажата в его кулаке и прикрывала щщи. Разумности в этом было мало, но унтерменшу она и не была присуща. Я замахнулся ногой над головой инородца и со всей силы ударил пяткой, разбивая "розочку" об его щщи. Осколки врезались в его кожу, а я еще и еще повторял удар за ударом. Я бы не остановился пока не сломал череп оккупанта, если бы меня не отдернул Уксус.

- Сваливаем! - крикнул он и мы побежали в дебри высоток, теряясь во дворах.

Бомбер пришлось выкинуть, так как вся спина куртки была в порезах и торчащего из них наружу белого синтепона. На моей спине, лишь кое-где имелись небольшие царапины. Бомбер принял весь удар на себя, избавляя меня от серьезных травм. Домой я шел, размышляя о том, что исход этой акции мог быть совершенно иным, если бы я дал возможность цунарефу попасть розочкой мне в шею. И эти мысли еще только сильнее будоражили мою кровь. Мне хотелось прямо в этот же момент провести еще одну акцию прямого действия. Наверное, мне нужно бы было воспользоваться ножом, но среди нас был человек, при котором этого делать не следовало. Макс не был в "теме" и по сути был для всех человеком новым. Доверять ему было бы ошибкой, так как при худшем развороте событий: выхода на нас легавых, он мог бы сдать нас с потрохами, лишь бы избежать тюрьмы. Возможность попасть в тюрьму, окутывает страхом нутро многих. В основном это люди, которые не дают полный отчет своим действиям или жалеют о них.

Мы же, националисты, убежденные в правильности и верности своего пути, шагаем по нему, не взирая на последствия. Мы давно прокрутили их в голове, взяли в расчет и сказали: - Это стоит того! Нас не могут поколебать трудности, тюрьма или смерть. В этом и есть составляющая нашей силы. Я раз за разом открывал глаза в страхе многих. Каждый раз, просыпаясь, я находился в их страхе, представляющем каменный мешок заключения. Так и в этот раз, проснувшись от легкого покачивания, я открыл глаза в четырех стенах, среди пятерых сокамерников.

- Обедать будешь? - спросил меня Лютый.

- Буду,- ответил я.

- Тогда поднимайся.

Я умыл лицо водой и вернулся за стол. На нем стояла посуда в которой была красная жидкость с крупно порезанной свеклой и плавающей капустой. Я отхлебнул ложку этого супа и немного скривился в лице. Местный борщ отдавал уксусом, которым по-видимому пытались перебить кислоту капусты, что получилось не совсем удачно.

- Сейчас по сути должна быть свежая капуста,- рассуждал Лютый,- но они где-то умудряются в это время найти кислую.

Мы доели суп и вскоре подоспел баландер, который закинул нам в эту же посуду каши. Каша была перловая и оказалась более аппетитной, чем суп, потому что являлась пресной. Приправа быстро исправила это и теперь наше блюдо имело вкус. После трапезы, все разом закурили и дым, не успевая выветриваться, создавал в хате небольшую дымку, которой было достаточно, чтобы резать глаза. Я лег и уткнулся в подушку, чтобы не дышать никотином.

- Вы бы хоть как-то по очереди курили что ли?! - возмущался я.

- Реально, что все закурили-то?! - только сейчас заметил Лютый. - Не продохнуть.

В этот момент раздался шум замков и засовов нашей двери, а за ней слышались рации и голоса.

- Шмон! - закричал Лютый, подскочив со шконки.

Дверь распахнулась и за "тормозами" появились люди в камуфляже.

- Обыск,- заявил один из них, что стоял впереди с ракеткой металлоискателя в руке. - Один остается в камере, остальные на коридор.

Дубак раскрыл "тормоза" и мы по одному, проверяемые металлоискателем, вышли на коридор. В хате остался Лютый. Нас поставили на растяжку вдоль стены и начали шмонать, не брезгуя щупать гениталии. Другие мусора производили обыск в камере. Обнимая стену, я смотрел на открытую дверь хаты из которой вылетела на продол трубка, выполненная из газет, затем полетели какие-то пластмасски и следом "дорога". Шмон продолжался на протяжении 30 минут, после чего нас вновь завели в камеру и заперли. В хате был хаос. Матрацы валялись на полу, ватина из них так же была разбросана повсюду. На шконках валялись личные вещи каждого, разобранные насколько это возможно и перемешанные между всеми остальными.

- Дорога и ружье пыхнули,- первое, что сказал Лютый. - Нашли убудки...
- Что делать теперь? - спросил я.
- Новую плести,- ответил Серега. - И ружье новое делать.

Спать теперь времени не было. Нужно было все это сделать до вечерней проверки, чтобы на нас не обрывалась "дорога". Пока одни начали распускать вязанные вещи и мочалку, мы с Лютым занялись изготовлением ружья. Его технология была простой, но в тоже время требовала аккуратности. Несколько газет накладывались друг на друга и скручивались в трубочку. Эта трубочка перетягивалась ниткой, чтобы не раскрутилась и затем ее два края промазывались расплавленным пакетом. Это была самая тонкая работа и самая сложная стадия в процессе изготовления. Важно было не прожечь газету. Для этого места, где будет промазано, немного смачивались слюной. Черный, плотный пакет поджигался, тушился и спустя несколько секунд, расплавленным пакетом проводили в нужных местах. Когда пакет полностью застывал на бумаге, то был похож на пластмассу. Так выглядело приспособление для построения "дорог", именуемое ружьем. В него уже вставлялся "воланчик", который представлял из себя скрученную в кулек половинку листа формата А4. К воланчику крепилась нитка, в основном из распущенного носка, так как напоминала паутинку (собственно именно такое название она и имела), была легкой и в тоже время прочной, что служило плюсом для полета, а на самый кончик прилепляли щепотку хлеба для веса. Когда изготовление ружья закончилось, я пошел умыться и обтереться водой, так как в хате было душно, а Лютый помог остальным справиться с плетением дороги. Над умывальником в стену было зацементировано небольшое зеркальце, примерно 10 на 20 сантиметров. Умыв лицо, я поднял голову и посмотрел в зеркальце. На меня смотрел парень с короткими темными волосами и синей полоской на переносице: напоминание о встречи с ЦПЭшниками. Это лицо было не совсем похоже на мое. Возможно сказывалась усталость минувших дней, свалившаяся на меня в связи с трудностями моего положения. А может быть волосы вносили такие новшества, что я был не похож на себя. Сколько я себя помню, постоянно брею голову под бритву, а за время моего нахождения в заключении, волосы отросли так, что теперь мой облик казался чужим.

- Ну вот кажется и все,- услышал я слова Лютого. - Контрольку одну тоже оторвали мусора. Надо сразу сейчас построиться со 193ей и протянуть контрольку, чтобы вечером не беситься.

Сергея сразу подошел к левой стене и три раза пробил в нее. Затем подошел к вентиляции и прокричал: - 193!

- Говори! - слышался голос из отдушины.

- У нас шмон был, контрольку мусора порвали,- крикнул Лютый. -

Выставляйте "удочку", я наплюнусь.

- Сейчас,- ответили ему. - Пробьем, как готовы будем.

- Быть добру! - прокричал Сергей и отошел от вентиляции.

Удочка представляла из себя палку максимально возможной длины, скрученную из бумаги, а на конце имеющую крючок в виде согнутой на 90 градусов ножки от пластмассового бритвенного станка. Сам крючок крепился к бумажной палке нитками, либо веревкой.

Лютый заранее зарядил воланчик в ружье, намотал паутинку на шариковую ручку, чтобы она спокойно разматывалась вслед воланчику и, присев на правую пальму, смиренно выжидал сигнала соседей. Воланчик делался такого диаметра, чтобы плотно заходил в ружье. Это создавало наибольшее давление, под средством которого он в последующем вылетал.

Тук-тук...тук...тук-тук...тук,- вдруг слышалось от левой стены. Два быстрых удара - секундная пауза - еще удар: так пробивали "построение" дорог. Лютый присел на корточки, просунул ружье в решетку, а ручку с паутинкой за нее, чтобы не создавать препятствий, и начал целиться выше, выставленной соседями удочки. Процесс построения выглядел так: одна из камер выставляла из окошка удочку настолько позволяла ее длина. Соседняя хата, резким выдохом из ружья, выпускала воланчик, который должен пролететь над удочкой, а паутинка лечь на нее. Дальше камера, которая выставляла удочку, забирала ее обратно в хату, крючком зацепляя паутинку. Таким образом паутинка оказывалась в камере и к ней уже привязывали более прочную нитку (например капроновую), отправляя ее в соседнюю хату. Контролька построена, а значит и дорога.

Лютый набрал полную грудь воздуха и резким напором выдохнул воланчик из ружья. Кот, который держал шариковую ручку за решеткой смотрел, как вслед за воланчиком уходит паутинка.

- Дома! - воскликнул Лютый. - Радислав, пробей им, чтобы забирали.

Я ударил в стену два раза: тук-тук. Теперь все замерли и стояли в ожидании. С шариковой ручки отмоталось еще какое-то количество паутинки, а затем произошло два удара в нашу стену. Лютый начал аккуратно тянуть на себя паутинку, пока не вытянул нитку

из соседней хаты. Когда он закрепил ее на окошке, то ударил один раз в стену, завершив тем самым процесс и дав об этом понять соседям.

- Ну вот и все,- заключил Серега. - Теперь можно и вздремнуть.

Я машинально полез в карман за телефоном, чтобы посмотреть время, но тут же вспомнил, что я в тюрьме. Мой взгляд пробежался по хате, в поисках часов, которых на самом деле я и не рассчитывал увидеть. Да и откуда здесь взяться им?! Тут в двери заиграло радио, и я сразу же перевел взгляд в поисках источника. Оказалось, что в каждую дверь камер проведен динамик, по которому крутят радио. Крепился он с обратной стороны дверей, чтобы заключенные не могли достать до него, а с внутренней были просверлены отверстия, через которые поступал звук.

- Ооо...- удивился я, подойдя к двери и рассматривая ее.

- Оно весь день играет,- сказал Лютый. - Ты разве не слышал? Ах да, ты же отдыхал.

По радио передавали сводку новостей, и я поднес ухо к отверстиям, чтобы лучше слышать.

- Радислав, ты ложиться не будешь? - спросил меня "махинатор", который явно намеривался занять место.

- Буду! Как это не буду?!- ответил я и решил, что новости могут и подождать. Нужно было выспаться.

Я лег на шконку, а "махинатор" присел с краю и положив руки на стол, уткнулся в них головой. Поспать удалось не долго, так как я даже не успел увидеть сон, а может быть просто его не запомнил. Меня разбудили звуки замка и затворов двери, которые открывал дубак.

- "Неужели опять шмон",- подумал я, приподняв сонную голову.

Но когда дверь открылась, на коридоре было видно одного лишь дубака. Он открыл "тормоза" и, посмотрев в сторону, приказал заходить. Порог нашей хаты перешли еще двое, один из которых был дед с пакетом в руках, а другой: молодой парень лет 30, со спортивной сумкой.

- Милютин, на коридор,- сказал вертухай.

Лютый не спеша поднялся и пошел на коридор.

- Давай пошустрее,- подгонял его дубак. - Руки за спиной держим.

"Тормоза" захлопнулись и вслед за ними ударила дверь. Новички замерли, остановившись рядом со шконками.

- Привет пацаны,- произнес парень с сумкой в руках.
- По жизни все ровно? - поинтересовался у них с пальмы Кот.
- Ну да... - как-то не решительно ответил за обоих парень.
- Кидайте тогда вещи под шконки и присаживайтесь,- продолжил он зевая. - Мы отдыхаем пока, потом уж поговорим, а то всю ночь не спали.
- Да, конечно,- сказал новенький и поспешил закинуть сумку под шконку.

Как позже выяснилось, звали его Горбачев Александр по прозвищу "Горбатый". Горбатый был отъявленный негодяй, который злостно не выплачивал детские алименты. За это, всюду бдящее око правосудия покарало его тремя месяцами отбывания наказания в колонии поселения. Теперь Горбатый сидел в маленькой хате, за стальным столом и перебирал в голове мысли, направление которых пока было для нас загадкой. Деда, который поднялся вместе с Горбатым, звали Родион. Его полностью устраивало новое место пребывания, так как тут он находился на государственном обеспечении. И как он сам выражался: - А мне какая разница, что тут сдохнуть, что там? Родственников у меня нет. Тут помру так хоть похоронят и табличку поставят, а там я вообще никому не нужен.

Аргументы, надо сказать, были у него "весомые". Сел он за убийство собутыльника и теперь спокойно отдыхал в четырехместной камере. Кстати говоря о камере, то теперь она напоминала банку шпротов или кильки в томате, где томат заменяла духота. Спать в такой атмосфере было невозможно. Как на зло и дожди прекратились. На улице стояла жара. Мы все разделись до трусов и обтекали потом, сводимые духотой с ума. Холодная вода ненадолго приводила в чувства, так как тут же теряла температуру и сменялась потом. Камера была рассчитана на 4 человека, но в ней нас было уже 8. Кислород и тот пришлось делить на всех. Четверо сидели на верхних ярусах шконок, примкнувшись к решетке и жадно вдыхая свежий воздух. Затем четверо, сидящих снизу, менялись местами с верхними. В моей четверке был Горбатый, Лютый и Кот. И пока мы сидели внизу, молчали, изнуренные духотой, Горбатый наконец нарушил тишину:

- А это...- неуверенно начал он. - Когда меня привезут туда, на зону, что мне будет? - его взгляд взволнованно бегал из стороны в сторону.

Теперь стало понятно, о чем были мысли Горбатого. Вся его голова была занята тем, как избежать наказания еще и от заключенных.

- Мдааа... - протянул я.- Бандит из тебя так себе...
- Ну как что? - задумчиво подхватил Лютый. Он не упускал ни одной возможности, чтобы подшутить, а сейчас был как раз тот самый момент. - Слышал, что с такой статьей подход строгий.

- Как понять строгий? - глаза Горбатого были полны испуга.- Я же ничего по сути не сделал. Это все жена бывшая...

- В том и дело, что ничего не сделал, а должен был,- ответил Лютый с самым серьезным видом. - Ребенка без денег оставил, щеманул.

- Так...я же...там...ей,- начал заикаться "алиментчик".

- Ну чего ты затроил? - прервал его Серега.- Нам-то чего сейчас тут оправдываться? Приедешь на поселок, там и будешь держать ответ. Дети это святое!

- Да я для ребенка все...- не унимался Горбатый.

- Я тебе сказал, где ты это рассказывать будешь,- резал его неудачные попытки оправдаться Лютый.

Горбатый замолчал и закурил сигарету. По его трясущимся пальцам хорошо прослеживался стресс. В этот момент Лютый подмигнул мне, довольный удачным спектаклем, а я ответил ему улыбкой, как бы оценив его. Вообще тюремный мир делится на несколько категорий. Одни, попав в застенки - замыкаются, ведомые страхом, вторые - пытаются понять этот загадочный мир, а другие наоборот, ведут себя вольно, как в своей тарелке. Это их стихия. Они жили этим на воле, продолжают жить так же и здесь. Что касается нас, то мы, националисты, должны быть готовы ко всему: смерть, тюрьма - неважно! Наш образ жизни заранее предопределяет всевозможные трудности и самые непредсказуемые развороты событий из них. Вставая на Путь Борьбы, мы уже должны примерять на себя самые худшие из вариантов развития событий. Самопожертвование, риск, полная отдача себя Делу - вот неотъемлемые черты националиста. Без этих критериев наша Борьба обречена на гибель. Как писал Адольф Гитлер в своей книге "Моя борьба": "Преданность, верность, готовность к самопожертвованию, умение молчать - вот добродетели которые очень нужны великому народу." Лучше, пожалуй, и не скажешь. Преданность и Верность всегда сопровождаются самопожертвованием, ибо без него эти понятия пусты. Наши предки во все времена жертвовали собой, ради семьи, рода и свободы. Они бросались с головой в огонь войны и битв. И разве можем мы называться НС, если не готовы жертвовать собой? Нужно быть, а не казаться! Быть мужчиной, быть воином, быть защитником.

Над городом опустился вечер, по камерам прошла проверка и тюрьма вновь ожила. По дорогам забегали малявы, продолы наполнились перестукиванием и голосами. А для некоторых это было время отдыха. День своей духотой препятствовал сну и, как только наступил вечер, в камеры дыхнуло легкой прохладой. Оба деда легли на нижних ярусах спать, кто-то присел рядом с ними, на край шконок, а другие сидели на пальмах. Я залез на пальму к Коту и попросил самому управлять дорогой, в чем он мне не отказал. Занятие оказалось увлекательным, но редким, так как почта через нас ходила не часто. С первыми дорогами, как только везде в хатах прошло их построение, вернулась наша "курсовая", где были написаны в столбики номера камер, ознакомившихся с ней. В глаза сразу бросилась надпись напротив хаты 5/35: "ознакомились 88!". Вы бы только знали, как эти две цифры

радуют и наполняют своеобразной энергией в тюрьме. В них чувствуется, что-то до боли родное и близкое моему духу.

- Радислав, это тебе,- сказал Шток, протянув мне маляву.

Она была сложена в конвертик, заплавлена в целлофан и на одной ее стороне виднелась надпись: в левом верхнем углу "5/35", далее по центру "Радиславу стр. к. (строгий контроль)" и в правом нижнем углу "193". Что означало то, что малява идет из хаты 5/35 в 193. Пометка строгого контроля говорила о том, что в случае потери этой малявы спрос будет строгим, так как почта имела строгий характер. Мы отправили нашу новую "курсовую" за двух новеньких, и я, поменявшись местами с Котом, развернул письмо, адресованное мне. Малява была от Соника, который вкратце и по сути написал мне о том, чтобы я никому не доверял и старался не общаться на тему моего дела и взглядов. Это может сыграть на руку следствию. Несколько строк были посвящены интересу о моем здоровье, настрое и нужды в насущном. Так же он поинтересовался, что передать Бэни. Закончилась малява так: "И помни, что в каждой хате сидят контрактники. Оглянись вокруг, присмотри к остальным. Посмотри, кто больше всех ходит на коридор. С Добром Серега Соник!"

Я тут же вспомнил сегодняшний день. На коридор помимо Лютого вызывали еще двоих: Штока и "махинатора". Махинатор поднялся в один день со мной, поэтому не факт, что он успел заключить сотрудничество с администрацией. Шток был замкнут и тих, хотя все это могло быть специально наигранно. Больше всех подозрений падало, естественно на Лютого. Он был "подвешен на язык", каких жалуют мусора, сидел уже продолжительное время на тюрьме и до сих пор находился в хате-карантине. Все это выглядело, как минимум странно. Я спрятал маляву в карман и быстро написал ответ. В нем я попросил, чтобы Бэни позвонила моей Матери и передала, что у меня все хорошо. Далее написал несколько строк, которые хотел, чтобы Бэни передала Сони, но в итоге передумал и зачеркнул. Отправив маляву, я взял со стола спички и на дольняке сжег письмо от Соника.

- Что-то серьезное? - я услышал за спиной голос Лютого.

- Не столько серьезно, сколько личное,- ответил я не оборачиваясь.

- В тюрьме нет личного,- сказал он. - Здесь все общее.

- Да, наверное,- возразил на это я.

- Я серьезно,- продолжил Лютый. - У тебя есть какие-то причины сомневаться в моих словах? Или ты мою порядочность под сомнение ставишь.

Я досмотрел, как бумага полностью превратилась в пепел и развернулся. Лютый встал из-за стола и сделал агрессивное лицо. Его сжатый кулак и напыщенность говорили о намерениях напасть на меня.

- А у меня есть какие-то причины верить тебе? - сказал уже я. Меня сразу охватывала злость, когда я видел хоть мельчайшую угрозу с чей-либо стороны. В такие моменты я стараюсь контролировать себя, но не всегда это получается. - Ты мне кто такой, чтобы я тебе верил вообще? Брат, друг, приятель? Я тебя знать не знаю по сути. И ты присядь лучше обратно, пока я тебе в этом не помог. Мне не нужно показывать свой характер, а то я тебе покажу свой, от которого ты будешь не в восторге.

Глаза Лютого забегали, а кулак тут же превратился в ладонь.

- Ты мне что, угрожаешь? - спросил он, но все-таки присел обратно и закурил сигарету.

- Предупреждаю,- ответил я.- Повторять не буду. Передо мной не нужно вскакивать и делать какие-то лишние движения. Могу не так их расценить.

- Мне теперь может вообще не вставать? - язвительно поинтересовался Лютый.

Было понятно, что он сдал заднюю и теперь пытается перевернуть ситуацию в другую сторону. Лютый, как и большинство подобных ему, живут по когда-то заученным шаблонам и алгоритмам, сломав которые, они погружаются в ступор. Их жесты и вопросы с соответствующей интонацией, направлены на то, чтобы вселить страх в собеседника. Но в жизни я видел и попадал в ситуации куда более серьезнее, чем он пытался создать сейчас.

- Ты понимаешь, о чем я говорю,- сказал я.

- Тяжело тебе будет в тюрьме,- заявил Лютый.

- А я легких путей не ищу.

На этой ноте наш диалог прервался и каждый занялся своим делом. Всю последующую ночь мы не разговаривали между собой, а Лютый стал намного спокойнее, чем прежде. Возможно его грызло изнутри то, что ему не получилось показать себя перед другими, как он делал это ранее. Его авторитет совсем неожиданно был сбит и стремительно упал вниз. Страх, которым он пытался воспользоваться, в итоге овладел им самим, что стало причиной для того, чтобы отступить. Такие типы всегда строят из себя больше, кем на самом деле являются. "Чем меньше пес, тем больше лает". Такие всегда пытаются создать видимость превосходства, чтобы завуалировать свою слабость.

Через некоторое время мне пришла очередная малява от Соника, которая сопровождалась несколькими грузами. В них были конфеты, чай и кофе. Тут же кипятильник поднял температуру воды в пластмассовом ведерке из-под майонеза до кипения и кофе с конфетами пошло по рукам тех, кто не спал. В завершении этой церемонии я вновь залез на пальму к Коту. Он задумчиво смотрел в окошко, сомкнув руки у себя на коленях, прижав их к груди.

- Ты уже минут пятнадцать смотришь туда, не отрывая взгляда! - заметил я, присев рядом и устремив взгляд в том же направлении.

- Я гуляю,- тихо ответил Денис.

Возникло молчание. Я тоже блуждал взглядом по противоположному зданию "Нового спеца". Через его крышу, на другую сторону, бегала дорога из толстой веревки, которая шла из одной хаты нашего здания.

- "Это какие же нужно иметь легкие, чтобы воланчик пролетел такое расстояние?!"- подумал я.

Даже между корпусов заключенные кричали из окна в окно. Я ловил эти звуки, но лишь отдаленно мог разобрать некоторые слова.

- А на прогулку здесь выводят? - поинтересовался я.

- Выводят с утра,- ответил Кот, не отрывая на меня глаз. - Но мы не ходим.

Спим.

- А если я хочу выйти?

- С утра, после проверки, будут стучать ключом в дверь, спрашивать, можешь сказать, что пойдешь. За тобой потом придут, выведут,- объяснил Денис.

- А на сколько выводят? - поинтересовался я.

- Час.

- Всего-то?

- Ну ты же в тюрьме,- на лице Кота появилась улыбка. - Да и камер много, а дворики мало... Пока все погуляют...

- Понятно...

В этот момент у меня промелькнула мысль, что во дворике, на улице, можно будет продолжить тренировки, так как в камере не было такой возможности. Тут бы просто уместиться, не то, чтобы спортом заняться. Но и на улице заниматься - это нужно, чтобы была хоть какая-то пища, иначе процесс обратится в истощение. С тренировками я решил подвязать, пока меня не переведут с карантина.

- Куда ты все смотришь? - снова поинтересовался я.

- Сядь ближе или с другой стороны,- сказал Кот.

Я сел по другую сторону от него, ближе к решетке и теперь передо мной открылось звездное небо, а в стороне было видно возвышающуюся жилую двенадцатизэтажку, где почти в каждом окошке горел свет. Я даже мог различить силуэты людей, мелькающих за стеклом.

- Теперь видишь? - спросил Кот.
- Вижу...- ответил я, замороженный новым видом.

Голоса в камере, крики на улице, стук стен - все это отошло на задний план, а я погрузился в совсем иную атмосферу, где витала вольная жизнь. Мой взгляд ловил отдельные моменты жизни двенадцатиэтажки и я будто бы участвовал в них. Звезды над домом горели, как-то необычно, ярче что ли?! А может быть только сейчас я смог увидеть их настоящий свет?! Я смотрел на звезды сейчас, но видел свет их прошлого, так как они находятся от нас на расстоянии сотен и тысяч световых лет. То есть свет, излучаемый ими, распространяется со скоростью 300000 километров в секунду и достигает Земли лишь через сотни и тысячи лет. Получается, что свет звезды, который мы видим в данный момент, был излучен ею сотни лет назад. Возможно она угасла десятки лет назад, а мы по-прежнему видим ее свет и будем видеть его еще лет сто, хотя самой звезды уже давно нет.

- Вот она - свобода! - довольно сказал Кот, всматриваясь вдаль и изучая глазами светящуюся двенадцатиэтажку.

- Свобода, на которой нельзя быть свободным...- добавил я.

- Это почему? - удивился он.

- Ну как же,- усмехнулся я.- Каждого из нас загоняют в определенные рамки того же закона. Ты обязан жить в их плоскости, а выйти за них, значит оказаться в тюрьме. Кто-то за нас установил нормы этого закона, так как он посчитал нужным, а мы должны их соблюдать. А я не могу жить в рамках этого закона, так как он не совместим с моими жизненными принципами и убеждениями. Разве это свобода? А мнение... Если ты будешь высказывать свое недовольство властью, или говорить о вещах, которые не принято озвучивать в обществе, то так же можешь оказаться здесь. И это тоже свобода? Ты должен говорить только то, что хотят слышать, но не то, что ты на самом деле думаешь. Ты должен надеть маску лжи и лести, приклеить к ней фальшивую улыбку и покорно кивать всем, с кем ты на самом деле не согласен. Многие проживают даже не свою жизнь, так как проводят ее в роли раба. Они даже не понимают этого. Их мысли ограничены, разум скован в цепи, а собственное мнение перетянута колючей проволокой, как напоминание о последствиях сопротивления. Поэтому даже при нынешнем моем положении, я более свободен, чем большинство там, по другую сторону решетки.

Кот молчал. Я оглянулся на него, а он все так же смотрел в даль, либо размышляя о моих словах, либо витая в своих мыслях.

- Я, как выражал, так и могу выражать свою точку зрения и мнение,- продолжал я.- Мои мысли свободны, а убеждения не ограничены какими-то рамками. Я тут, потому, что я жил на воле так, как мне подсказывало мое сердце и разум. И все это не могут запретить мне никакие статьи закона.

- Может ты и прав...- задумчиво произнес Кот.

Я просидел у окошка всю оставшуюся ночь, наблюдая за бегом "дорог" в корпусе напротив, но еще больше за небом и жизнью за забором. С утра, как и обычно, нас пересчитали, и мы легли спать. Мест, естественно всем не хватило, поэтому мы договорились спать по 6 часов. Радио, в плане счета времени, было нам помощником. Я лег спать первый на нижний ярус одной из шконок, а в час дня меня должен был разбудить "махинатор", чтобы поменяться. В общем-то поспать у меня так и не получилось. Духота отбивала весь сон. Да и свет, который постоянно горел в камере мешал этому. По-видимому, вчера мне удалось уснуть днем, потому что мой организм был истощен этапом, долгим бодрствованием и голодом. Ничто не могло помешать мне погрузиться в сон. Но сегодня, дело обстояло иначе...

Так провалявшись все утро в полудреме, пришло время обеда. Что-то не совсем аппетитное я уже закинул на автомате, даже не поняв точного вкуса. Просто нужно было кушать, чтобы были хоть какие-то силы. Я не стал занимать шконку еще на 30 положенных мне минут и уступил ее "махинатору". Прошло около часа, как меня и Лютого назвали на коридор. Дубак провел нас в другой корпус, где вывел на продол. По левую его сторону располагались боксы, а по правую следственные кабинеты. Боксы представляли из себя помещение метр на метр, если не меньше, с узкой лавочкой, присев на которую колени упирались в дверь. Нахождение в боксе напоминало сцену из фантастических фильмов, где людей помещают в капсулу. Заключенные, страдающие клаустрофобией, здесь определенно сошли бы с ума. Простояв в нем около 20 минут, дверь открыл другой вертухай, который провел меня в параллельный, находящийся через стену коридор, где по правую сторону находились такие же боксы, а по левую оперские кабинеты. В один из них меня и завели. В кабинете сидели двое при погонах, которые курили, пили чай и о чем-то беседовали. Завидев меня, они прервали разговор, отпустили дубака, и встретили меня словами: - Ооо... вот и маньячилу привели! Их слова объяснились уже позже, где в процессе разговора между собой, они то и дело повторяли и удивлялись моим 19 ножевым оккупанту. Казалось бы, в их работе должны встречаться случаи и с более многочисленными ножевыми, но судя по всему, в нашем городе на ножевые скупались. В кабинет меня доставили, чтобы сделать несколько моих снимков. Для чего они нужны, мне никто объяснять не стал. Впрочем, оставлять за собой право некой загадки, интриги, очень походило на оперов. После недолгой фотосессии меня вновь поместили в бокс напротив кабинета. Через минут 30, а то и больше, наконец меня вывели из него и привели туда, где соединялись два параллельных коридора. Там уже стояло около 5 заключенных, которые шепотом переговаривались между собой, но среди них не было Лютого. Как только меня привели, вертухай скомандовал, чтобы мы следовали за ним, а другой дубак, который сопровождал меня от бокса, замыкал нашу шеренгу.

- Ты с какой хаты? - шепотом поинтересовался у меня один из заключенных.

- 193,- ответил я.

- Блин...- с досадой произнес он. - Мне другая сторона БСа нужна.
- А кто с БСа? - подхватил другой арестант, который немного сдал назад и приблизился к нам.
- Я.
- Какая хата?
- 193.
- Отлично! - сказал он. - Возьми пару маляв,- и протянул мне две запаянные в пакет трубочки бумаги.- Как тебе погоняло?

Тот, кто передает почту, либо груза, должен интересоваться погонялом и хатой заключенного, кому они были переданы, чтобы в случае пропажи можно было найти того, с кого будет спрос.

- Меня Радислав зовут,- ответил я, бегло бросив взгляд на мусора сзади и убедившись, что он не смотрит на нас, взял малявы.

Одна малява была адресованна в 150 хату, а другая в 125. Я быстро прижал их резинкой от трусов и обратно опустил футболку.

Меня привели в камеру последнего, так как по дороге мы заходили на разные корпуса и отделения, чтобы передать "коридорным" заключенных, шедших со мной. Преимущественно они были с самого Централа, то бишь с корпуса, где мы и находились. Все вставали лицом к стене, пока каждого из нас заводили в хаты.

Когда я оказался в камере, то в ней бодрствовали два старика и Шток, чья внешность сильно изменилась. Лютого в хате так и не было.

- Ты что, подстригся? - спросил я Макса.
- Да,- ответил он, а после добавил: - Немного...

От его челки, над которой подшучивал Лютый, почти ничего не осталось. Как только слышались удаляющиеся шаги дубака, Шток подошел к умывальнику и, достав мойку, неровно срезал ей остатки челки. Как оказалось, шутку Лютого он воспринял всерьез и пока нас не было решил избавиться от нависших на глаза волос. Шток вообще сильно ушел в себя и замкнулся. Он редко когда разговаривал и, когда это случалось, то никогда не рассказывал о своих внутренних тревогах. Но то, что что-то его сжирало изнутри, было очевидным. Это проявлялось и на его внешнем облике, который с каждым днем становился все мрачнее и мрачнее. Глаза Макса впали в глазницы, а синяя подводка под ними говорила о недосыпании. Я и не помню, чтобы он вообще спал. Каждый раз, когда я просыпался днем, Шток был на ногах, а ночью он не смыкал глаз, сидя за дорогой. Его скулы так же приобрели более явное выражение, которое создавала худоба лица. Шток превращался в живой труп.

Мне не хотелось лезть к нему под шкуру и узнавать в чем причина всего этого, но посоветовать поспать я все же решил.

- Не хочу,- отрезал Макс.

Настаивать я не стал.

- Мне тут две малявы передали на коридоре,- сменил тему я, достав две запаянные трубочки. - Посмотришь?

Шток взял их в руки и внимательно рассмотрел.

- Я плохо разбираюсь в хатах,- сказал он. - Но знаю, что они где-то на нашем корпусе. Тебе лучше поинтересоваться у Лютого, когда тот придет.

Так я и сделал. Когда спустя какое-то время привели Серегу, я ему показал обе малявы, увидев которые он засмеялся.

- Зачем ты их взял? - его улыбка не сходила с лица. - Тебе же их просто сплывили! Эти хаты находятся на другой стороне нашего корпуса. Туда они пойдут только через Централ. Ты представляешь какой это круг?

- Ну ты же сам говорил, что от почты отказываться нельзя?!

- В общем тебе нужно учить карту тюрьмы, чтобы тебя не могли обмануть,- продолжил Лютый. - А пока говори всем, что ты с карантина. Тебе хоть почту давать не будут. А ты узнал погоняло и хату того, кто передал тебе эти малявы?

- Нет,- ответил я и уже заранее начал винить себя в этом.

- Вот и зря! - заметил Серега. - Всегда интересуйся у тех, кто с тобой рядом находится об их погонялах и номерах хат. Даже если вы не обмениваетесь почтой. Это может пригодиться потом.

- Понял,- сказал на это я.

Лютый спрятал малявы и лег спать. Я присел на край шконки, возле спящего "махинатора" и сложив руки на столе, опустил на них голову, как на подушку, чтобы хоть немного подремать. Подремать не получилось. Совсем скоро дверь вновь раскоцалась и меня назвали с вещами на коридор. Я пожал руки тем, кто бодрствовали, не беспокоя спящих, собрал все вещи, которые свободно уместились в одном пакете с ручками и вышел на продол.

- Куда меня? - поинтересовался я.

- Узнаешь,- услышал я облюбленный ответ вертухаев. - Идем за мной...

Глава 8.

Вертухай вывел меня обратно в основной корпус, именуемый Централом. Я снова оказался в том коридоре, куда меня привезли изначально. Здесь находились "отстойники" и "квадрат", а прямо, рядом с выходом, располагался КПП. Возле него стояло двое в кожаных куртках, своим видом чем-то напоминавшие ребят из 90-х. Один из них был мне незнаком, а в другом я узнал ЦПЭшника. Он-то и держал подмышкой какие-то документы, не шелохнувшись, в то время, как другой надел на меня наручники.

- Ну мы поехали,- улыбнулся тот, что держал документы и, пожав руку ДПНКа, первый поспешил на выход.

Это называется спец-этап. ЦПЭшники провели меня в шлюза, где посадили в машину на заднее сиденье. В ней уже сидел Стащенко Валерий Валерьевич, который в своей манере, приветливо улыбнулся мне. Но ничего доброго в этой улыбке не было.

- Однако, душно,- сказал он и усевшись поудобнее, скомандовал: - Ну поехали...

- С ветерком,- добавил другой легавый, сидевший от меня по другую сторону.

Мы вновь проезжали знакомые мне улицы и дома. Я с замиранием смотрел, как в окошке, мимо меня проносится воля. Воля, которая была рядом со мной, но почувствовать которую мне не удавалось из-за наручников и присутствия легавых по бокам. Как ни странно, но они ехали молча и даже не трогали меня. И лишь посмотрев в зеркало заднего вида, я ловил в нем резкий взгляд водителя. Казалось, молчание только нагнетало обстановку. Все мое тело находилось в напряжении, хотя ЦПЭшники вели себя спокойно.

- Куда едем? - спросил я, посмотрев на Стащенко.

- К нам в гости,- ответил он, не отрываясь от окошка. - Давно у нас не был...

Так мы приехали в здание, на котором было написано "Криминальная милиция". Поднявшись на второй этаж, нам открыли дверь с табличкой "Центр противодействия экстремизму и терроризму". В коридоре слышался звук быстрых ударов пальцев об клавиатуру, смех и отдаленные разговоры. Пройдя мимо нескольких кабинетов, мы остановились возле двери с номером 203. Степаненко потянул за ручку двери и жестом пригласил меня вовнутрь. Вдоль правой стены стояли столы с компьютерами и разной канцелярией, сразу слева располагался объемный шкаф, после которого ничего не было. Левый угол был пуст, будто здесь еще недавно что-то стояло, но было убрано. Коренастый чурбан, по прозвищу Бровь, поставил туда стул и усадил меня на него, перецепив наручники за спину. Дверь кабинета закрылась и в нем, помимо меня, осталось трое

легавых, включая Степаненко. Он-то первый и начал разговор, поставив еще один стул передо мной и присев на него.

- Нууу...- протянул он, расплывшись в улыбке.

- Что? - спросил я.

- Как что?! - Валерий Валерьевич сделал удивленное лицо. - Слушаем тебя!

Сказать мне было нечего, и я молчал. Нет, я конечно понимал, каких слов ждут от меня легавые и представлял, что последует за моим молчанием, но в моих руках были судьбы камерадов.

- В общем слушай, как сейчас обстоят дела,- продолжил Сташенко, не услышав от меня ничего. - Ты уже в тюрьме, а значит сидеть тебе, как не крути, придется. Тут даже думать нечего. Но какой будет срок, зависит от тебя. Мы знаем за каждого из вашей группировки и все они, рано или поздно, тоже окажутся в тюрьме. Сейчас я предлагаю тебе получить по минимуму сроку, если ты даешь расклад по остальным. Несколько эпизодов, которые совершили вы, нам известно. Можешь лишь письменно подтвердить их, а мы тебе скажем, как написать, чтобы ты сам прошел свидетелем по ним. А по нынешнему делу, ты получишь минимум сроку. У нас есть подвязки в судах, мы тебе сделаем смягчающие обстоятельства: сделка со следствием, и тогда получишь меньше меньшего. Ну, что скажешь?

Сквозь линзы он прожигал меня взглядом, полным надежды на мое согласие. Я молчал, и Валерий Валерьевич снял очки, протерев их пальцами. Я видел, как он кипел изнутри, но старательно скрывал это.

- Два таджика, возле универмага "Евро",- перечислял Сташенко. - Один выжил, другой скончался в больнице. Цыгане возле кладбища: все с летальным исходом. Таксист, уже не помню кто по национальности, тоже жмур. Избитые антифашисты, после концерта, на остановке. Кстати, там одного ножом исполосовали... Продолжать или сам вспомнишь?

Он снова одел очки и всматриваясь, немного приблизился ко мне.

- По глазам вижу вспомнил... Все эти эпизоды потянут на пожизненное. Ты знаешь об этом? А дружки твои так и будут гулять. Конечно мы сделаем все, чтобы им это не сошло с руки, но потребуется время. А ты будешь гнить в камере. Как тебе перспективы на ближайшее будущее? Ты просто сейчас еще не понимаешь, что мы тебе предлагаем. Главное, чтобы поздно не было...

Меньше минуты длилось молчание, после чего Валерий Валерьевич поднялся со стула и задвинул его за один из столов.

- Ну что же...- философски сказал он. - Дело твое Радислав. Только знаешь что? - его фигура нависла надо мной, а у самого уха чуть слышно прозвучали слова: - Один в поле не воин...

Воину, на самом деле, не важно количество бойцов по его сторону, если его душа закована в латы.

- Начнем,- скомандовал Сташенко, выходя из кабинета.

Один легавый полез в шкаф и достал из него красный трос для буксировки машин. Бровь в это время выбил из-под меня стул и таким образом я оказался на полу. На мою голову надели какой-то мешок из толстой ткани и дальше трос сделал свое дело. Он стянул мои щиколотки так, что ноги скрестились подо мной и мое тело приняло позу "Лотоса". Трос проскользнул под наручниками у меня за спиной, обхватил шею, и снова ушел куда-то в область ног. Мне не видно было кто, но чья-то нога наступила мне между лопаток и этот кто-то начал вытягивать трос. Мою голову тут же притянуло к щиколоткам, а наручники, через кофту, сдавили мои кисти. Это на языке мусоров назывался "конверт". В таком положении я просидел около часа. Все суставы ныли и затекали. Я никогда не думал, что мое тело способно так гнуться. Хоть наручники были надеты, через кофту, спустя время, мне казалось будто они вот-вот отрежут кисти. Я перестал чувствовать пальцы на них и лишь небольшая пульсация крови и покалывание в области мизинца, говорили об их наличии. Первое время я пропускал боль сквозь зубы, но уже через какое-то время, от меня исходил лишь чуть слышный хрип. Дышать было трудно, а голос, казалось, совсем исчерпал себя. Все это время ЦПЭшники о чем-то шутили и смеялись, а я старался, насколько это возможно, расслабить тело и принять боль, как что-то неотъемлемое меня. И надо сказать, что у меня это почти получилось, но примерно через час, легавые, схватив за трос за моей спиной начали подкидывать меня вверх. Каждый мой "взлет" сопровождался прорезающей болью в мышцах. Откуда-то изнутри пробудился голос и мои крики заполнили пространство кабинета, а возможно и коридора.

- Ну что? - услышал я рядом с собой, перед тем, как в очередной раз взлететь вверх. - Передумал?

Я молчал, сквозь слюни выдыхая и забирая в себя новую порцию кислорода. В тот момент я ощущал себя загнанным волком, который выбился из сил погоней охотников. Я отбрасывал лишние и ненужные мысли, которые жаждали остановить эти муки, но внутренний голос раз за разом твердил мне о том, во имя чего это все.

- Ну, как знаешь,- сказал ЦПЭшник, продолжая подкидывать меня вверх.

Терпеть. Нужно было только вытерпеть. Я кричал, но терпел, так как другого не мог себе позволить. Жизнь предателя ничего не стоит и не достойна продолжения. Я крутил эти мысли в голове, и они придавали мне внутренних сил. Все, ради чего мы проделали этот Путь не может вот так взять и оборваться на мне. Мне нужно быть сильнее системных псов, чтобы те, кто остались на воле, могли идти дальше.

- Ну что? - запыхавшись спросил легавый. - Надумал чего?

Он прекрасно знал, что я ничего не скажу, а перерыв этот был сделан для того, чтобы отдохнуть ему. Да! ЦПЭшник устал! Ведь для того, чтобы подкидывать меня, нужно затратить физические силы, которые израсходовали себя. Прокрутив эту мысль в голове, во мне зажегся новый огонь, который полыхнул еще ярче, чем был изначально. Как сказала Маргарет Тэтчер: "Никогда не сдавайся, и ты увидишь, как сдаются другие". Так и есть, мое терпение начало приносить свои плоды. Я чувствовал, как одерживаю победу над теми силами, которые были направлены на мое поражение. Главное правило в жизни - не давать сломить себя ни людям, ни обстоятельствам.

- Иди ты продолжай,- сказал тот, что подкидывал меня, своему коллеге.

В этот момент я услышал звук открывшейся двери, а следом голос Стащенко. Его я не мог спутать ни с каким другим.

- Ну, что тут у вас?

- Молчит пока...

- Ладно, давайте закругляться, а то время уже много. Надо его на СИЗО еще успеть вернуть.

Я почувствовал, как трос расслабился, но мое тело оставалось каким-то скованным. Когда меня полностью развязали и сняли мешок, я увидел улыбающегося Стащенко.

- Ну что, тебе понравилось у нас? - спросил он и не услышав ответа, продолжил: - У тебя будет время подумать, а потом ты снова приедешь сюда. Ты будешь кататься сюда до тех пор, пока мы не добьемся того, чего хотели. Но если мы это достанем из тебя раньше, чем ты напишешь добровольно, то не жди на судах никаких снисхождений. Срок получишь максимальный. Уж поверь!

ЦПЭшник, который развязывал, начал поднимать меня с пола под руки и в этот момент я понял, что не чувствую ног. Когда меня усадили на стул и сняли наручники, я понял, что и мои кисти не могут полноценно функционировать. Я сгибал и разгибал

пальцы рук об колени, так как не мог ими пошевелить самостоятельно. Пока я находился в "конверте", наручники пережали кисти и блокировали приток крови.

- Давайте, берите его и поехали,- командовал Стащенко.

Двое взяли меня под руки и подняли вверх. Кровь немного расходилась по ногам и, касаясь ступнями кроссовок, я ощущал неприятные колющие ощущения. Они были похожи на то, как будто я наступал на множество иголок. Меня усадили в машину, снова одели наручники, и автомобиль тронулся в путь. Мы мчались быстро, нарушая правила дорожного движения, проезжая по тротуарам и едва не задевая прохожих, которые отбегали в сторону. На ЦПЭшников не распространялись никакие правила и законы. Они были вольны в своих действиях, так, как чувствовали свою безнаказанность.

Совсем скоро мы уже заехали в шлюза СИЗО, где меня провели на Централ и передали надзирателям. Те, в свою очередь, поместили меня в "отстойник", где уже находилось около 10 заключенных. Почти все они курили и пили чифир. Тогда-то я и увидел, как кипят воду без электричества, или, как говорят здесь, "на дровах". Алюминиевую кружку подвешивали за продолговатый клочок ткани, а ее дно мазали зубной пастой. Далее под кружкой поджигали лоскуты ткани (в идеале подходила наволочка или простыня) и держали, пока температура воды не дойдет до кипения. Пламя регулировалось за счет отлома пепла. Когда образовывался пепел, который препятствовал пламени, он обламывался резким движением смоченных в воде пальцев.

- Чифир будешь? - предложил мне один из арестантов, протянув в комплекте пакетик с конфетами.

- Нет, благодарю,- отказался я.- Конфеткой угощусь?

- Бери конечно! - весело ответил он и протянул кружку сидящему на лавочке после меня.

Как и полагалось, "мужики" сидели на лавочках, а единственный "обиженный", который на тот момент находился в "отстойнике", сидел на корточках возле дольняка и, опустив голову, что-то рассматривал на полу. Пол, как и в "квадрате", был усыпан бычками и плевками. На стенах были лишь небольшие участки, на которых не было надписей и рисунков. Заключенные любят оставить после себя след. Надписи были от банальных "приветов", до философских мыслей, так как среди арестантов можно встретить не только уличных бедолаг, но и весьма образованных людей. И, наверное, кто-то скажет, что люди с несколькими образованиями, а то и профессора, не станут расписывать стены, как дети, то я могу с уверенностью сказать, что они ошибаются. Тюрьма такое специфическое место, где то, что человек таит внутри, проявляется наружу. Здесь все потаенное, рано или поздно, становится явным. Существует такое мнение, что тюрьма портит людей... А что, если тюрьма лишь раскрывает и выявляет наружу то, что было скрыто в человеке на воле?! В ком-то она открывает таланты, а в ком-то приподнимает занавесу под которой пряталась

гниль.

Я жевал конфету и, сквозь беседы заключенных, думал о той маленькой победе, которую мне удалось одержать. Ведь эта была победа не только над системными псами, но и над самим собой. Эти испытания проверяли меня на прочность.

- Не важно выглядишь,- сказал мне седовласый мужик, сидящий сбоку от меня. - Ты спец-этапом приехал?

- Да,- подтвердил я.

- Из ОРЧ (оперативно-розыскная часть) этап был?

- Типа того,- не желая объяснять, расплывчато ответил я.

- Оно и видно,- с сочувствием сказал мужик. - Мне и самому там приходилось бывать. Знаю, что это такое. Звери там работают. - Потом он перевел взгляд на другого арестанта и протянув к нему руку, сказал: - Качан, хватит конфетки трепать, жопа слипнется, как потом разбалабашиваться будешь? Угости вон лучше мальчишку сладким. Из ОРЧ едет...

Я и вправду очень люблю сладкое. А конфетка в здешних местах доставляла мне большое удовольствие и поднимала настроение. Так мы и сидели: я молча кушал конфеты, а другие травили байки и делились рассказами из жизни. Прошло еще где-то пару часов, как нас начали выводить по трое человек на шмон. Я поспешил в первой тройке, чтобы побыстрее подняться в хату. Как и до этого, процедура обыска повторялась с точностью до мелочей. Я разделся догола, приспустил трусы, присел, встал, натянул трусы обратно, затем около меня со всех сторон провели ракеткой металлоискателя.

- Одевайся,- заключил легавый, словно ставя диагноз и приступил к осмотру моих вещей.

Параллельно шмонали еще двоих. Когда один из них полностью разделся и рядом с ним провели ракеткой, то послышался писк металлоискателя. Мусор провел еще несколько раз ракеткой, но она так и пищала в области таза.

- Чего ты в себя запихал? - спросил легавый. - Телефон что ли?!

- Ничего у меня нет,- явно взволнованно ответил арестант.

- Мне-то ху*и рассказывать? Я здесь не первый год работаю. Не один ты пытаешься в жопе запреты провезти,- мусор повернулся к другому сотруднику и сказал: - Этого давай в боксы, пока не достанет, что везет.

Так в "квадрате" мы оказались только двое. Затем начали заводить и остальных, кто находился в "отстойнике". Темой обсуждения стал тот заключенный, который "запищал" на шмоне. Несколько человек делились своим опытом, о том, как они провозили телефоны в себе. Одни говорили о том, что телефон следует обмотать

копировальной бумагой, якобы она глушит волны на металлоискателе, другие утверждали, что телефон необходимо провозить отдельно от батарейки, а саму батарейку полностью разрядить. Я, тем временем, вообще удивлялся не столько способам обмана металлоискателя, сколько самому способу провоза телефона. Жопу здесь тоже называли специфично: бардачок.

- А мы вот вообще по-другому делали,- рассказывал еще один знаток. - Закидывали в "бардачок" два запрета. Первым телефон, а сразу за ним какие-нибудь наушники. И когда на шмоне "пищали" то впоследствии доставали наушники, при этом сохраняя основной запрет. Как говорится, малыми потерями отделялись.

Разговор на эту тему продолжился почти на час. В ходе него я узнал, что "пятая точка" в тюрьме, оказывается много функциональна. А у некоторых еще и имеет необычайную вместительность. Слышать все это для человека, недавно заехавшего с воли, было дико. Но, как оказалось, это были еще не все тайны, хранившиеся здесь...

День выдался сегодня и вправду тяжелый. Стресс, боль, переживания давали о себе знать, выключая мое сознание. Мне сильно хотелось спать. Я бы мог уснуть даже стоя, но благо, что в "квадрате" были лавочки, причем свободные. Сидеть на них было не удобно, из-за того, что они были узкие и почти примыкали к стенам. Поэтому я присел на корточки, спиной облокотился на лавочку, и разместил на ней локти. Дремота тут же овладела мной...

Мыслями я возвращался туда, где кипела моя жизнь. И пусть она не всегда имела положительный оттенок, а то и вовсе неудачи, но зато она всегда была яркой. Моя жизнь была, как одно сплошное приключение, которое не давало мне скучать. И если сейчас, в 19 лет, по каким-то причинам ей суждено оборваться, то я бы хотел ее проживать вновь и вновь. Да, я многое не успел сделать и воплотить, но зато смог принести пользу для нашего общего дела, для наших целей и желаний. Можно прожить и 50 лет, но какой от этого толк, если твоя жизнь бесполезна?! Жить для себя, это как минимум эгоистично, а для большего нужно самопожертвование. Кто-то назовет это юношеским максимализмом, но разве это не лучше, чем постоянно оправдывать свою трусость и бездействие?! Мне еще не раз скажут: - И чего ты добился? Чего достиг? У тебя нет жены, нет детей, нет будущего... Возможно! Я многое не успел, но только лишь потому, что посвятил себя борьбе. Я жил, ведомый совестью, принципами и идеалами, которые не позволяли мне жить иначе. Но говорить о будущем в данном случае будет поспешно... Будущее, брошенное на произвол судьбы, это прямой путь к рабству и уничтожению нашей Расы. Так что будущее, без борьбы за него, это лишь иллюзии, которые развеются в один миг.

Моя память вырывала разные отрезки времени в хаотичном порядке. Большинство воспоминаний даже не были связаны между собой. Они начинались от Матери и близких, а заканчивались случайными встречами с мало знакомыми мне людьми.

Я видел ту девушку, с которой познакомился несколько лет назад, после одного из рок-концертов. Вечер накинута на город темную мантию, а извилистые переулки скрывали нас от множества посторонних глаз. Двое камерадов ушли вперед, а мы отстали и не спеша плелись позади.

- У меня раньше тоже такие ботинки были,- говорила она, стреляя взглядом по моим "Бульдогам". - Но для меня это не удобная обувь. Слишком тяжелые для моих ног.

Я провел глазами по ее самым обыкновенным женским ножкам, спрятанным под разорванными джинсами и остановился на кедах.

- У меня раньше тоже была такая обувь, как у тебя,- заметил я.- В школе...на физкультуре.

Она засмеялась, и я поддержал ее смех.

- Дурында,- она толкнула меня в плечо и продолжала заливаться хохотом, который отдавался эхом в полупустых переулках. - Они удобные! Смотри, как я в них могу,- ее ноги поднимались кверху изображая удары.

- Да ты опасная мадам! - шутил я.

- Еще какая! Я сейчас тебе устрою,- девушка в шутку начала сыпать по мне удары, от которых я то увертывался, то ловил и блокировал ее конечности.

Ее звали Галя. Она была заводной неформалкой, любительницей рока и тяжелой музыки, а также безудержного веселья. Так наша с ней шуточная борьба вылилась в близость. Мы застыли около деревянного забора, где я сжимал ее в объятиях, соприкоснувшись губами. Но уединение наше длилось недолго. Его нарушил Аркан, выбежавший из-за угла.

- Погнались, тема есть!

Картинки воспоминаний обрывались и продолжались уже в другом месте. На земле, недалеко друг от друга, лежали два басурманина. Один визжал, затыкаемый ударами ботинка Аркана, а возле другого, молчащего, стояли мы с Уксусом, сжимавшие в руках ножи. В один момент я повернул голову в сторону и увидел выбежавшую и застывшую на месте Галю. Она смотрела на блеск ножей, которые создавала луна.

- Уходи! - крикнул ей я.- Я тебя догоню.

Но она даже не пошевелилась, словно неведомая сила, удерживала ее на месте.

- Валим отсюда,- тогда крикнул я и подбежав к Гале, схватил ее за руку, увлекая за собой.

При дальнейших встречах, мы не разговаривали на эту тему, будто на нее было наложено табу. Она не высказывалась по этому поводу, и кто знает, какие впечатления отложились у нее внутри. Эти короткие сны возвращали меня обратно. Я не знаю, как объяснить это, но во время воспоминаний, я будто заново переживаю каждый из этих моментов.

Теперь перед моими глазами вспыхнул огонь. Это был костер, разведенный нами в лесу, среди сосен. На улице было прохладно, а мы как обычно выбрались на Природу. Погода не могла препятствовать этому мероприятию. Вытянутые над костром руки, согревали языки пламени, поднимающиеся кверху. Лес позволял отдохнуть от города и его суеты не только телом, но и душой.

- Вы заметили, что последнее время нам не всегда получается найти на улицах черных? - заметил я.

- Да,- согласился Аркан. - Они попрятались в своих норах и стали реже вылезать из них.

- Боятся,- поддержал Толик, подбирающий нужный аккорд на гитаре.

У Толика не было прозвища. Все к нему обращались по имени. Это был коротко стриженный парень, среднего роста и самой обычной комплекции. На лице Толика часто сияла улыбка, которая выражала его внутреннюю доброту. И если уж брать из всех нас, то он, наверное, был самым спокойным и сдержанным. Речь его, в большинстве случаев, была вежливой и корректной.

- Это с какой-то стороны даже хорошо,- поддержал разговор Укус и его слова словно дублировал пар, выходящий изо рта.

- Это точно! - согласился я.- Но только мы каждый раз недовольны, когда безрезультатно бродим по городу.

- Ха,- усмехнулся Толик. - Это объясняется нашим настроем, с каким мы идем на акции. Ничего страшного...

- Ладно, хоть так,- вставил Аркан. - Вот когда они тут будут толпами ходить, главное этот радикальный настрой передать еще и другим.

- Кто им позволит? - возмутился Укус.

- Как знать,- сказал Толик. - У многих сейчас проблемы с мусорами...

- И что? - не унимался Олег.

- И то...- отрезал Толик.

- Нет, ну а что?! - вмешался я.- Толик правильно говорит. Ко мне мусора по любому поводу приезжают, спрашивают где был, что делал. Да вообще все по лезвию бритвы ходим. Так что кто знает... Позакрывают всех и кто тут тогда, что делать будет?!

- Нормально все будет,- говорил Уксус. - В противном случае приложим все усилия, чтобы было нормально. Не кинем же!

- Да... да... да,- слышались поддерживающие голоса.

Кто тогда знал, что наши разговоры в ближайшем будущем станут явью. Наверное, многие из нас пожелали бы себе другой участи, нежели находиться в заключении. Кто-то грезил пасть в серьезной схватке, возможно кто-то верил и в то, что можно вести борьбу оставаясь не тронутым, а кто-то, кто предчувствовал дыхание системных псов у себя за спиной, мечтал погибнуть при задержании, забирая с собой жизни некоторых из них. Но почему так? Почему не арест? Ведь он сохраняет жизнь... Все просто. Одно дело получить несколько лет, а другое получить срок, длинную в жизнь или в большую часть от нее. Ведь именно такие приговоры мы слышим и видим в новостях. Именно на националистах поставлен суровый акцент карательной системы. А теперь, возвращаясь к поставленным вопросам, вытекает еще один вопрос, объединяющий предыдущие: что лучше, умереть свободным или жить без нее?! Каждый сам должен ответить на него...

Меня разбудил один из заключенных, который потряс меня за плечо.

- Ты Белов? - спросил он.

- Да,- еще не понимая в чем дело, ответил я.

- Иди, за тобой пришли...

Повернув голову по направлению к двери, в проеме я увидел вертухая, держащего небольшой лист.

- Белов! - повторил он.

- Здесь я, здесь!

- Ну а ху*и ты сидишь? Я сейчас уйду и будешь тут всю ночь до утра сидеть,- ругался он.

Я поднялся, взял пакет с вещами в руку и поковылял на выход. Именно поковылял, потому, что ноги затекли так, что мало меня слушались. Раньше мне не приходилось присаживаться на корточки на такое количество времени. Очевидно, к такому положению, требовалась "особая" тренировка.

Дубак, все так же, провел меня через Централ в другой корпус, но на этот раз на этаж ниже, чем прежде.

- 164 открой,- крикнул он другому вертухаю.

Тогда я понял, что в прежнюю хату мне уже не вернуться. Камера открылась и в ней я увидел троих человек. По размерам и расположению она была идентична предыдущей. Вдоль стен две двухъярусные шконки, между ними стол (общак) и в одном из углов умывальник, под которым расположен "дольняк". Дверь за мной закрылась, и арестанты приняли обратно свои места. Двое сидели на "дорогах", а один внизу, за общаком, точкавал почву.

- Привет! - сказал тот, что снизу. - Как звать? Из какой хаты?

- Здорово! - ответил я и подошел к общаку, пожимая протянутые для этого руки. - Меня Радислав зовут, я из 193 хаты.

Мы познакомились и заключенные тут же организовали кипятюк, в котором растворили кофе. Как мне объяснили потом, это был арестантский обычай, заваривать чифир или кофе, когда в хату поднимается новенький. Уже попивая кофе, я узнал каждого из них немного лучше. Того, что сидел за точковкой, звали Пашей, по прозвищу "Палыч". Человек он был взрослый, на вид около 45 лет. Сидел он уже не первый раз, и так как его первая судимость была погашена по срокам давности, то теперь он числился, как первоход. Когда-то он отсидел за грабеж, а теперь попал в эти стены по подозрению в мошенничестве в особо крупных размерах. Палыч вину перед нами не отрицал и, как рассказывал сам, на подобные действия его сподвигли особо хитрые банкиры. Дело в том, что у Палыча была своя фирма, а его жена работала в одном из банков города. И вот в один момент, как раз через нее и обратились к нему начальники этого банка с выгодным предложением, как показалось на первый взгляд. Предложение заключалось в том, чтобы неофициально проводить через его фирму, так называемые "черные деньги", с процентом для Палыча. Такое положение дел устроило Пашу, и он согласился. С первого "прогона" денег через фирму, Палыч получил свои проценты, но последующая афера оказалась не прибыльной. Ему сказали, что получились непредвиденные обстоятельства и свой процент он получит немного позже. Так вышло и в другой раз, и в следующий... Палыч понял, что его попросту пытаются кинуть и тогда решил сам кинуть банкиров. Следующие деньги он провел так, что они оказались на надежных счетах за границей. Палыч объяснил несостоявшимся кидалам, что он лишь забирает то, что по их неофициальному договору принадлежит ему, но банкиров не устроил такой разворот событий и они придали делу официальный характер. Таким образом, деньги, которые еще недавно были "черной валютой", вдруг стали официальными государственными деньгами. В итоге на Палыча завели дело и посадили в СИЗО. Но он даже не печалился, зная какая сумма ждет его на свободе.

Другого, который сидел на "дороге", звали Николай, по прозвищу "Рыбак". Ему было лет 30-35. Нет, рыбак, с его же слов, был из него никудышный. Да и особого рвения к ловле рыбы он не проявлял. Просто облюбленной фразой Коляна, была: ловись рыбка большая и маленькая! Так он говорил постоянно, когда шел на очередное дело. По

своему "ремеслу" Рыбак был "домушник", а по совместительству и обладал навыками взлома замков и сейфов. Вот и в последний раз, когда он пошел грабить присмотренный частный дом, он улыбнулся и сказал своему поделнику: - Ловись рыбка большая и маленькая! А рыбка оказалась настолько большой, что была не по зубам Колян. Не по зубам настолько, что теперь он улыбался осколками и пролетами между ними. За дверью Рыбака уже поджидали оперативники, которые разрабатывали его какое-то время. Как теперь подозревал сам Колян, его поделник, по каким-то причинам, стал сотрудничать с мусорами и сдал его.

Третьим из сокамерников был парень лет 20 с небольшим, которого звали Дмитрий, по погонялу "Сорока". Его в эти стены привело убийство подростка, у которого он решил забрать деньги и другие ценные вещи. Потерпевший дал отпор и Сороке, и его поделнику, за что был жестоко избит и скончался в больнице. Вместе с деньгами, у парня забрали и его жизнь. Сорока был испуган заключением в этих стенах и был мало разговорчив. Но из того, что он поведал сам, их потерпевший был негодяем, который не отдавал деньги, когда-то взятые у Димана в долг. Сорока хотел забрать их таким путем, но не рассчитал силы. Все это могло быть правдой, а могло быть и наоборот. Возможно Сорока все это преподносил в таком свете для того, чтобы скрыть свою настоящую цель - жажду наживы. Возможно, что и потерпевшего он совершенно не знал, а родители погибшего лили слезы, той роковой случайности, в которую попал их сын. Но правды здесь узнать было нельзя... Кто знает, как обстояли дела на самом деле?! В тюрьме не встретишь плохого, здесь все на словах хорошие и невинные. И только можно догадываться, что на самом деле скрывается у каждого внутри...

Сидя на шконке, облокотившись спиной на стену, я слушал разговоры сокамерников, а у самого перед глазами вспыхивали моменты прошедшего дня, который я провел в кабинете ЦПЭ. Я не рассказывал своим новым сокамерникам, где я был, что со мной было и откуда меня привезли. Это было ни к чему... По большому счету, тут нет никому разницы до судеб других. Лишь не многие, видевшие самые темные и мрачные оттенки следствия, могут посочувствовать. Но мне их жалость была не нужна. Это мой путь и мой выбор, который я сделал добровольно. Я заранее знал, на что иду. Так к чему теперь жаловаться на обстоятельства?! Я беру на себя ответственность за свои решения и действия. Поэтому жизнь не жалеет меня, а я никогда не жалел ее...

Размышляя над всем этим, мои веки плавно слипались и, сам не заметив как, я уснул, растворившись в своих мыслях.

Глава 9.

Новый день встретил меня скрежетом стальных засовов на дверях. Я открыл глаза и увидел сокамерников, которые уже все убрали и теперь ждали проверки. Проверка прошла, как и обычно: с поверхностным шмоном и вопросами о жалобах и заявлениях. Как только мы вернулись в хату, Рыбак и Сорока сразу же плюхнулись спать, а Палыч предложил попить чаю. Я с удовольствием поддержал его предложение и уже минут через 10-15 мы хлебали чай.

- Ты значит в 193 был? - переспросил Палыч.

- Да, - ответил я.

- Там ведь Лютый сидит?

- Да, Серега Лютый. А почему спрашиваешь?

- Интересуюсь,- поправил меня Палыч. - Да просто я там тоже был. Оттуда меня сюда перекинули. Лютый, наверное, много вопросов задавал?

- Не особо...- ответил я, вспоминая минувшие дни.

- Странно... Когда я там был, он ко всем под шкуру лез. Мы даже куснулись с ним из-за этого. На следующий же день меня сразу перекинули сюда.

- Я тоже с ним куснулся позавчера, но совсем по другому поводу,- ответил я и пересказал, что тогда произошло.

- Ну вот поэтому он тебя и перекинул,- сказал Палыч, допив чай и закуривая сигарету.

- Что значит перекинул? - удивился я.

- То и значит...- Палыч понизил голос и почти шепотом произнес: - Он контрактник. Только между нами это... Напрямую ему не предъявишь, так как объяснить за это не сможешь, а неофициально всем понятно, кто он есть.

- А, что нужно, чтобы предъявить?

- Доказательства, дружище, доказательства... Каждое слово нужно чем-то подкреплять, иначе оно будет пустым звуком. И даже, казалось бы, самое очевидное, нужно уметь объяснить и доказать. А, если ты назовешь арестанта кем-то и не сможешь это объяснить, то с тебя "спросят", и объявят интриганом.

В тюремной жизни каждую интригу или внесенную смуту сразу же пресекают, так как это разобщает арестантов и настраивает их друг против друга, что на руку мусорам. Я сразу же подумал об нашем движе и необходимости подобных действий среди правых. Наверное, это пошло бы на пользу. Ну, а что касается "спроса", то это понятие варьируется в зависимости от обстоятельств и масти заключенного. Допустим "спросить в пределах арестантского", означает объяснить неправоту, с допущением ударов рукой. Последствий за этим никаких не идет, так как подобные действия указывают заключенному на его ошибки, которые впоследствии не следует повторять. При этом его

тюремное положение (статус) не меняется. А, что касается "спросить, как с гада", то тут все более серьезно. В таком случае заключенного бьют и руками, и ногами, и различными предметами. Бьют жестоко, как правило с переломами и другими вытекающими последствиями. Обычно перед спросом, заключенного объявляют гадом, либо, если за ним прежде уже имелись "гадские поступки", то бьют, не объясняя причин. В случае с "обиженными", их руками вообще не бьют, нанося удары предметами.

В принципе, поведенное мне Палычем, не совсем удивило. Как я уже говорил ранее, я допускал такую возможность, да и из всех присутствующих в той хате, Лютый всех больше подходил на роль контрактника.

- А ты тут давно? - поинтересовался я у Палыча.

- Не особо,- ответил он. - Где-то с неделю. Нас сюда в один день с Рыбаком перекинули. А Сорока поднялся сюда пару дней назад.

- И вы тут изначально вдвоем были?

- Нет конечно,- улыбнулся Палыч. - Человек шесть было. Потом всех перекинули, остались только мы вдвоем.

- В той хате тоже много народу. Спали по часам. Мест не хватает...

- Ну ты бы особо не радовался. Сейчас и тут нас уплотнят.

В этот момент в дверь несколько раз ударили ключом и звонкий, женский голос спросил: - На прогулку идем?

- Идем,- крикнул я и дубачка удалилась с тем же вопросом по другим камерам.

- Пожалуй тоже прогуляюсь,- сказал Палыч.

Минут через тридцать нас сопроводили в один из маленьких двориков, примерно 4 на 2 метра, посередине которого была вцементирована лавочка. Стены были выполнены из рельефного покрытия, именуемого "шубой", а сверху потолком служила крупная решетка из сваренных арматур, поверх которой была закреплена более мелкая сетка-рабица. Дворики, в которые попали мы, имели здесь название "ромашка", так как были расположены по кругу. В центре них возвышался наблюдательный пост охраны, за которым то стояла, то ходила по кругу, молодая девушка в синем камуфляже, своим пронзительным взглядом, прожигая нас сверху. Я немного позанимался, с наслаждением вдыхая свежий, влажный воздух, но стоило мне повиснуть на решетке, чтобы поподтягиваться, как тут же услышал недовольство надзирательницы.

- Вам жалко? - спросил я.

- Нет, но так делать не положено,- ответила она.

- Ну я же из спортивных соображений это делаю, а не с целью убежать. Тем более вы наблюдаете за мной...

Девушка сначала всячески противилась, но потом мне все же удалось ее уговорить, и я сделал несколько подходов, подтягиваясь на арматурах. Подтянувшись последний раз, я ощутил жжение на руках и, повернув ладони, увидел, что в некоторых местах кожа рук была содрана.

- "Ничего,- подумал я.- Зато в следующий раз буду умнее и возьму с собой какие-нибудь тряпки."

В соседних двориках тоже гуляли заключенные, кто по одному, кто по двое, но были молчаливы. Да и дубачка, прерывала каждое начало разговора, который затевал Палыч.

- Не разговаривать! - говорила она. Но как только отвлекалась на нас, слышались голоса с другой стороны. Девушка спешила туда, и Палыч вновь заводил разговор с соседями.

Так закончился положенный час прогулки, который, как мне показалось длился не больше 40 минут, а то и вовсе 30, и нас увели в камеру. Но я был рад и этим минутам, которые позволили мне вдохнуть свежего воздуха и ненадолго сменить обстановку. Я даже видал небо, хоть оно и было в сеточку. Хмурые облака куда-то спешили, уводя за собой наши взгляды. Птицы и те, появлялись, но тут же улетали прочь. Теперь они - свободные смотрели на нас, запертых в некой клетке и мечтающих о воли. Возможно им была ненавистна сама мысль о заключении, ведь они рождены, чтобы быть свободными и парить в облаках. А может и сама тюрьма имела такую темную и отравленную ауру, которая распространялась на всей ее территории и отгоняла птиц. Птицы чувствуют все мрачное и плохое, поэтому скорее спешат покинуть такие места.

В камере уже играло радио, а Рыбак и Сорока все так же спали, не меняя своих положений. Палыч тут же закурил, а я уселся на шконку и начал думать о том письме, которое послал с ИВС Матери. Получила ли она его? Написала ли ответ?

- "Конечно написала,- тешил я себя надеждами. - Просто оно блуждает где-то в этих стенах и не может найти меня. Но его вот-вот принесут."

Мне так хотелось получить это письмо и прочитать в нем родные строки, как ребенок ждет праздника, чтобы получить подарок.

- А здесь есть где-нибудь телефоны вообще? - поинтересовался я у Палыча, который приоткрыл один глаз и посмотрел на меня.

- Вроде как на Центrale есть,- ответил он. - Кто знает, может и тут, в маломестках, где есть. Только об этом, как правило, не распространяются.

Об имевшихся в камере телефонах и вправду никто не говорил. Заговорить о запрете с кем-то из другой камеры, значит навести мусоров в свою. Никогда не знаешь, кем на самом деле является твой собеседник. Ни в «отстойниках», ни в "квадратах" я не слышал, чтобы за телефон вообще заходила речь. Разве, что тот случай, когда арестант "запищал" на шмоне. И то, тогда заключенные вспоминали свои бывшие "подвиги" проноса телефона, либо вообще их варианты.

Я и не намеревался спать. И пока прибывал в своих мыслях, на проходе слышался звук ехавшей тележки с баландой. Как ни странно, но я уже мог отличать звуки и понимать их происхождение.

- Ты есть будешь? - поинтересовался я у Палыча, который еще не успел уснуть.
- Сейчас посмотрим, что дадут,- ответил он, приподнявшись со шконки.

Когда открылась "кормушка", я подошел к ней и начал подавать баландеру тарелки. Палыч, тем временем, разбудил Рыбака и Сороку, которые отказались от завтрака и тут же, повернувшись в другую сторону, засопели.

- Что там? - спросил он.
- Капуста,- ответил я, ставя первую тарелку на стол.
- Тогда больше не надо,- сказал Палыч, подавая кружки. - Я только чаю попью.
- Поздно,- промолвил я, увидав, что баландер уже вытряхнул половник капусты во вторую тарелку и тут же обратился к нему: - Больше не надо. Налей чаю.

В следующий момент я уже через "не хочу" проталкивал в себя не первой свежести капусту, а Палыч смаковал чуть сладкий чай. Вторая порция капусты была тут же выкинута в дольняк, за ненадобностью.

- Долго, интересно, нас тут продержат? - завел я разговор в новом русле.
- Кто знает,- ответил Палыч. - А ты куда спешишь?
- Я не спешу. Просто хочу в большую хату куда-нибудь на Централ...
- Откуда знать, что ты в людскую хату попадешь?!- возразил он. - Пока тут сидишь, этим и нужно довольствоваться. А то перекинут на Централ в красную хату, вот тогда вспомнишь эту маломестку.
- Я не пойду в красную,- заявил я.
- А что ты сделаешь, если тебя поведут туда? Тем более с твоей статьей это вполне реально.
- Возьму и откажусь.
- Ты думаешь этого будет достаточно? - усмехнулся Палыч. - Просто взять и отказаться?
- Если будет недостаточно, то пусть тогда пробуют меня туда силой закинуть.

- Ну-ну,- все улыбался собеседник. - Конечно твоя уверенность в себе — это хорошо, но всегда бери в расчет и худшие развороты событий.

- Я всегда беру их во внимание...

Первое, что я подумал, это было то, что многие в тюрьме пытаются пошатнуть уверенность и твердь друг в друге. Не знаю осознанно это делается или нет, но заключенные зачастую пытаются убедить других, что будет все наоборот. Конечно, некоторые уже сталкивались с ситуациями о которых идет речь и прочувствовали их на себе, но они это в первую очередь они сами, со всем тем, что в них есть. Но никто из них не может знать, как, допустим в той или иной ситуации, поведет себя другой человек. Они это не я! Вот, что нужно понимать в первую очередь. Это стоит всегда повторять себе, когда кто-то пытается убить в нас уверенность. Быть может в человеке, который пытается посеять сомнение, намного меньше духу, чем в нас самих. Собеседник всегда будет видеть ситуацию, отталкиваясь от своего внутреннего склада. Но внутренний стержень каждого заточен и закален по-своему. Слова такого человека безусловно стоит взять во внимание, особенно, если ему предстояло пережить нечто ужасное, но ни в коем случае нельзя их брать за основу и должное. Нужно представлять самый худший вариант развития событий, но никогда не сомневаться в себе! Неуверенность - это первый шаг на пути к фиаско.

- А здесь можно просидеть и все следствие,- вдруг добавил Палыч.

- Буду надеяться, что такого не будет,- сказал я.

- Как говорится: надежда умирает последней,- улыбнулся он и, повернувшись лицом к стенке, заснул.

До обеда я просидел, слушая в одиночестве радио, а после мне удалось немного вздремнуть. Проснулся я раньше всех, а вслед за мной, со шконки спрыгнул Рыбак.

- Скоро, наверное, проверка будет,- сказал он, взглянув в окно.

- Наверное,- ответил я.- Ты по улице определил?

- Да. Уже темновато...

Мы беседовали с ним где-то пол часа. Рыбак был веселый парень или, как еще таких называют "оторва". Он постоянно шутил и видел в любой мрачной ситуации светлые стороны. Меня и самого бодрил его позитив. Я тоже был из той категории людей, которые не отчаиваются. Но в последнее время со мной столько всего произошло, что мой оптимистический настрой стал куда-то пропадать. Благо, что в камере находился такой человек, как Рыбак. Его заряд энергии и шуток передавался мне, поднимая настроение. Я уже и забыл, когда последний раз так смеялся. Беседу нашу прервал звук раскоцывающихся дверей на всем отделении. Мы сразу же разбудили двух оставшихся сокамерников и подготовились к проверке. Проверка прошла быстро, и мы поспешили

ставить "дороги". Наша хата строилась с двумя соседними: 165 и 163, с которыми у нас были протянуты контрольки, а также с верхней 190-ой. Камера 137, находящаяся под нами была "красной", поэтому "дороги" с ней не ставили. Из-за этого, с нижним 14 отделением, строились наши соседи. Я залез на одну из верхних пальм, а Рыбак на другую с "удочкой" в руках. Долго не думая, я пробил в потолок дробь для построения: тук-тук...тук...тук-тук...тук. В ответ до нас донесся один удар, который означал "расход".

- У них, наверное, еще проверка не прошла,- заметил Рыбак. - На каждом отделении она немного в разное время.

Прошло каких-то минут 5-10, как в потолок нам пробрили "построение". Рыбак сразу приготовился у окошка, держа наготове "удочку" и приговаривал: - Ловись рыбка большая и маленькая... Перед окошком повисла "дорога", конец которой был привязан к завязанному пакету. Рыбак тут же подцепил его крючком "удочки" и затянул в камеру. Как только он привязал конец "дороги" к решетке, защищающей окно, я пробил один раз в потолок. Это давало понять соседям сверху, что "дорога" у нас. Потом я наблюдал в окошко, как множество ниток, а вслед за ними "дорог", протягивались из камеры в камеру. Это была целая паутина, которая оживляла тюрьму. Почти к середине ночи, я поймал маляву от Соника, а вместе с ней груза, в которых были: чай, немного кофе, конфетки, кипятильник и канцелярия. Так же в своем письме он сообщил мне, что все с воли передают мне привет, а также о том, что в ближайшее время мне наймут адвоката. Такие новости обрадовали меня. В душе поселилась надежда о том, что меня не бросили и я могу рассчитывать на поддержку со свободы. Я написал ответную маляву Соника, в которой поблагодарил камерада и затем заварил кофе. Кофе придавало дополнительную бодрость, а новый поток моих позитивных мыслей, придавал сил.

Ночью к нам подселили еще двоих заключенных, а под утро еще одного. Камера вновь начала напоминать консервы. Спать теперь приходилось, как и в прежней хате, в два этапа: одни спали до обеда, другие после. Я не пошел на прогулку и предпочел поспать до обеда. И это было удачным решением, так как около часу дня, меня вновь вывезли спец-этапом в ЦПЭ. Процедура повторилась, как и в прошлый раз. "Конверт", побои, угрозы, моральное давление... Словом все то, с чем привыкли работать силовые структуры. Только побои в этот раз разнообразили. Били еще и пластмассовыми бутылками, наполненными водой, так как они не оставляют следов на теле.

- Ну что, нравится? - спрашивал меня Сташенко. - Такая процедура будет повторяться каждый раз... А ты думай...думай...

А я и думал... Думал насколько меня хватит?! Смогу ли я все это выдержать?! И каждый раз перед моими глазами всплывали лица камерадов, с которыми я шел плечом к плечу. У кого-то из них уже были дети, жены, семьи. В ком-то я видел безудержный порыв и стремление идти вперед и победить. И сейчас во мне, в моем терпении, были их судьбы.

Я опасался только одного, что боль однажды станет такой невыносимой, что развяжет мой язык. Но я, раз за разом, убеждал себя в обратном.

- "Такое не может длиться постоянно,- говорил я себе. - Пройдет какой-то период времени и все закончится... Обязательно закончится!"

Когда меня привезли в СИЗО, то не спешили передавать надзирателям. Все дело в том, что меня бы не приняли. ДПНК, а ровно и другие лица администрации, несут ответственность за состояние заключенного. И если заключенный уезжает на этап в нормальном состоянии, а приезжает покалеченный, СИЗО вправе не принимать его. Мое внешнее состояние, я думаю соответствовало нормам приема, но вот на ногах стоять я не мог. В этот раз в "конверте" мне пришлось просидеть дольше, чем тогда и после освобождения от троса, я не чувствовал ног. Пока меня везли до СИЗО, конечности понемногу приходили в себя, но долго простоять на ногах не получалось. Почти через каждые 10-15 минут меня высаживали из машины и смотрели на подвижность ног. Так мы простояли на территории тюрьмы около часа и только после этого меня передали надзирателям. Позже, мое подавленное состояние не могли не заметить сокамерники. Я вкратце рассказал им причины такого самочувствия, после чего лег спать.

Мне снился ясный, солнечный день, с присущей ему теплотой. Стадион "Динамо" был заполнен неформальной молодежью. Из объемных колонок доносилась рок-музыка, а на сцене по очереди выступали разнообразные рок-группы. Это был фестиваль, под названием "Альтернатива есть". Мы, небольшим мобом, тоже решили посетить это мероприятие, послушать музыку и окунуться в праздничную атмосферу. И, естественно, как любой другой концерт, не могли обойтись без слэма. Стоило музыке набрать более быстрый темп, как уже рядом со сценой, воронка из людей затягивала в свой агрессивный танец все больше народу. В этот вихрь влетели и мы, выплескивая весь свой позитивный настрой. Я, Аркан, Юнгер и Крот всегда были любителями слэма и не упускали ни одной возможности начать его. Оставшиеся: Уксус, Моряк и несколько девушек, которые тогда тоже присутствовали с нами, предпочли поберечь силы для более серьезных событий, например, для акций прямого действия, без которых мы не могли скрасить вечер. Крот, был высокий парень в очках, собственно, именно из-за плохого зрения он и получил такое прозвище. Сняв очки и, передав их своей девушке, он ринулся вместе с нами в самое пекло слэма. В слэм бросалась и какая-то безумная, подвыпившая "дама", которая постоянно жаловалась на то, что по ней задевают и толкают. Кто ей только не пытался объяснить суть танца, девушка гнула свое и снова бросалась в воронку людей. По итогу, во время слэма, она наткнулась на локоть Аркана и разбила себе нос. Не мирясь со случившимся, она в сопровождении своего парня, подошла к нам, когда мы стояли уже вдалеке от сцены и устроила еще один концерт...стервозный. Нецензурная брань сыпалась из ее уст в адрес Аркана, который посоветовал ей "захлопнуть будку". Конечно, успокаиваться она и не намеривалась. Ее парень тут же вмешался в перепалку и показав

удостоверение опер.уполномоченного, схватил Аркана за руку и хотел отвести в милицейский участок. Такой поворот событий был, на самом деле, неожиданным для нас, как в последствии и для опера. Нас никогда не останавливало положение оппонента или наличие у него погон. Так и в этот раз, долго не думая, опер получил многочисленные удары руками и ногами, потеряв сознание. А мы, под визг его пьяной подружки, поспешили ретироваться с концерта. Было ожидаемо, что после того, как опер поднимется на ноги, нас будут искать и оставаться в этом районе не имело смысла. Но Крот почему-то решил иначе и, вместе со своей девушкой, остался возле стадиона, где у него были запланированы еще какие-то дела. Как мы уже узнали позже, там его и поймал тот опер вместе с несколькими, дежурившими ОМОНовцами. Кроту наколотили не хилые гематомы, а после, пытаясь выведать личности остальных, сломали два пальца на руке. Своего они не добились, но Крот не смог принять участия в нескольких последующих акциях.

Вообще с Кротом у меня ассоциируются нападения на системных псов. Может быть поэтому, мой сон тут же сменился следующим, не менее эпичным в своем роде приключении. А может быть трудный минувший день, требовал возмездия и наказания для легавых...

На улице было морозно. На город опустился вечер и фонари зажгли свои огни. Не спеша кружились снежинки, словно в вальсе, засыпая дороги. Они блестели еще ярче, пролетая мимо фонарей и ложась на одежду прохожих. Этот свет будто на какой-то миг зажигал их еще сильнее. Среди обывателей, из-за здания "Макдональдса", вывернула шумная компания человек из 20, в которой находился и я. Наш моб сразу отличался от всех: дутыми куртками - бомберами, джинсами или камуфляжными штанами со свисающими на них подтяжками, а также ботинками со стальными вставками, которые перемальвали снег. У некоторых из нас имелись черно-белые шарфы с кельтами, в том числе и у меня. Разогретые, на дне рождения Юнгера, алкоголем мы шизили разные мотивы, преимущественно националистического толка. Прохожие оглядывались на нас и с опаской отходили в сторону, хотя никакой опасности мы для них не представляли. Мы составляли угрозу для оккупантов, но никак не для обывателей...

Впереди нас виднелся тоннель, у которого было несколько ответвлений, в том числе и в метро. Тоннель был длинный и с каждой стороны его стен шла торговля разного рода товарами. И хоть время было уже позднее, часть продовольственных точек еще оставалась открытой. Спустившись в тоннель, наверное, каждый из нас предчувствовал инородную жертву, поэтому все сразу начали сверлить глазами прохожих и магазинные отделы, при этом не переставая заряжать шизы. Наши голоса раздавались эхом и гулом, который прорезал весь тоннель. Обыватели спешили свернуть в какое-нибудь из ответвлений тоннеля, чтобы избежать встречи с нами.

- Освенцим - клёвый лагерь! - начал заряжать Аркан, и мы все дружно поддержали его: - Освенцим клёвый лагерь! Всей семьей поедem отжигать! Хей! Мы будем

жечь евреев! Мы будем жець евреев! Мы будем жець евреев! Пря-мо в печ-ке! Ла-ла-ла-ла-ла...ла-ла-ла-ла-ла-ла...

Наш моб разделился почти на две равные части, которые шли по обеим сторонам тоннеля. Некоторые из камерадов толкали друг друга, разгоняя адреналин по телу. Вдруг кто-то коснулся рукава моего штурмовика и, обернувшись в сторону, я увидел бабушку, которая спросила: - Сынок, что это за демонстрация?

- Это акция "Белый тоннель" бабуль!- весело ответил я и последовал дальше.

Позади себя я слышал голос кого-то из соратников, который крикнул: - Россия для русских, бабуль! А тем временем в тоннеле становилось все меньше народу. Прохожие реже встречались нам на пути. А где-то вдалеке я увидел убегающих чурок, решивших не испытывать судьбу. По другую сторону от меня слышался визг и какая-то суматоха. Это камерады били оккупанта, торговавшего разнообразными журналами. В следующую минуту журналы были разбросаны по всему полу, вокруг прилавка, а инородец, закрывающий голову руками, валялся рядом. По нему прыгал ногами, кто-то из соратников, а мы, завидев недалеко еще одну обезьяну, поспешили напомнить в чьей стране он находится.

- Рэбятя, что я вам сдэдал? - с ужасом в глазах кричал обрек, прижимаясь к стене.

- Россия для русских, тварь! - крикнул я, вскинув руку и запрыгнув на прилавок.

Вместе со мной запрыгнул и Крот, который тоже стал пинать ногами оккупанта, одной рукой держась за стену впереди, а другой за мое плечо. Чурбан торговал кроссовками, которые тут же разлетелись по сторонам, а сам он, впоследствии, был вытащен за куртку за пределы прилавка. Там его ждали еще несколько камерадов. Один из них взял палку с крючком, которой "не успешный продавец" снимал верхний товар, и начал лупить ей так, что она два раза сломалась в руках камерада. Визг стоял повсюду... Где-то по пути, соратники выловили еще пару горбоносых типажей, которых ждала та же участь, что и предыдущих. Тоннель напоминал, что-то нечто одного сплошного побоища. Отходя от черного продавца, я наблюдал такую картину, как один из камерадов, схватив кроссовину и стуча ей по голове инородца, раз за разом повторял фразу, изображая акцент оккупанта: - Купи кроссовка, купи кроссовка! Тут же смех наполнил пространство вокруг. Звуки смешивались в одну неразбериху. Мы с Кротом пошли дальше, впереди всех, вскидывая правые руки и скандируя: - Мы построим белый рай! Зиг-хайль! Зиг-хайль!

Нас поддерживали и те, кто успевал к нам присоединиться, в том числе и сам именинник Юнгер. Но многие уже разбрелись по тоннелю в разные стороны, продолжая разить белым кулаком национализма всю нечисть, встречающуюся у себя на пути. Пройдя еще немного, нам повстречался легавый при форме, который схватил за руку Крота и

выражая свое недовольство, решил арестовать нас. Задумка его не увенчалась успехом. Всего, на тот момент, нас было пятеро. Все, как один переглянулись, находя одобрение в глазах друг друга, после чего Крот зарядил кулаком в голову мусора, с которого тут же слетела шапка с какардой. Мы все подключились к прессингу системного пса и, повалив его на пол, поспешили ретироваться. Побежав в обратную сторону, мы увидели, что оттуда бежит наряд мусоров. Но стоило Кроту выбежать первым, как его тут же свалил удар приклада.

- Стоять! - слышались отовсюду крики.

Но будто они способны были на нас повлиять. Крота уже во всю "вязали", а мы с Юнгером, не видя смысла останавливаться, бежали дальше. Силы были, конечно, уже не те, поэтому я слышал, как с каждым разом ко мне приближался легавый. Я знал, что не смогу убежать, но был не намерен сдаваться. Примерно через 100 метров, мусорские берцы наступили мне на подошву одного из ботинок, который разорвался на пятке. Следом последовал удар в спину, сваливший меня в снег, а дальше берцы наступившие на шею. Наручники защелкнулись на запястьях и меня отвели в машину. Там уже сидел с разбитым лицом Крот и через несколько минут привели Юнгера. А ведь так здорово начинался вечер...

Тогда все закончилось благополучно. Мне не было 18 лет, поэтому долго в отделе держать меня не могли. Легавые могли бы вызвать мою Маму, но заморачиваться с этим, у них, по-видимому, не было никакого желания. Да и предъявлять какие-то обвинения они не стали. Почему? Это так и осталось загадкой. Нас троих продержали до ночи, после чего отпустили, объяснив причину задержания не трезвым состоянием. И это был далеко не первый случай, когда ситуации, в которые я попадал, разрешались положительно, несмотря на их серьезность. Что это было: рок судьбы или воля Богов, я не знаю, но удача всегда сопутствовала мне.

Следующий сон сменился кабинетом ЦПЭ, где я был сегодня. Все те же истязания прокручивал мой мозг, пока кто-то не начал трясти меня за плечо. Я как-то быстро поднялся, но Палыч успокоил меня, сказав, что я начал кричать во сне. Кажется, было раннее утро, так как за окошком начинало рассветать. Я не стал больше ложиться спать, а заварил себе горячего чая, который выпил вприкуску с куском ржаного хлеба. Хлеб всегда оставался в камерах, так как его выдавали сырым и не пропеченным. Такого не съешь много, да и той пайки, что приходилась на заключенного, хватало в избытке (хоть сама по себе она была небольшая), чтобы он оставался. С сырого хлеба становилось дурно на животе, а запах дрожжей препятствовал какому-либо аппетиту. Съев его с чаем, я не особо ощутил привкус, но уже через некоторое время почувствовал дискомфорт. Прошла утренняя проверка и часть сокамерников легли спать на шконках, а другая часть, присев с краю, дремали сидя. Днем, после обеда, вызвали на коридор, и надзиратель провел меня в тот же продол, где находились следственные кабинеты и бокса. Неужели опять к операм?

Но нет, мы прошли дальше в дверь и вышли в небольшой зал, где на лавочках сидели вольные люди.

- Проходи,- сказал дубак, показывая на еще одну дверь. - 5 кабинка,- добавил он, когда я переступил порог.

Когда за мной послышался щелчок замка, я очутился в узком помещении, с левой стороны которого находились кабинки с прозрачными дверьми, выполненными из органического стекла и помеченными на них цифрами. Мои глаза тут же нашли дверь с номером 5 и я последовал к ней. Проходя мимо других, я видел в двух кабинках заключенных, которые сидели за столом с вольными людьми. Кабинка представляла из себя совсем маленькое помещение, в котором находился только небольшой стальной столик, приваренный к перегородке и возле него два стула, прикрученные к полу. Сверху, своим не дремлющим оком, на меня взирала камера, на гибкой ножке, упирающейся над входом. Кабинка была тесной и я, присев за дальний стул, повернулся лицом к двери. На пороге я услышал женский голос: - Кто к Белову, проходим в пятую. Основная дверь хлопнула и по узкому коридору послышались звуки каблучков. Ко мне в кабинку зашел плотного телосложения мужчина, лет 40-45, с небольшой кожаной папкой, который протянул мне руку и спокойным голосом представился: - Симонов Юрий Анатольевич, ваш новый адвокат.

Как оказалось, с его слов, помимо адвокатской деятельности он работал в "Комитете против пыток". Когда-то он представлял интересы моей подруги Бэни и выиграл ее дело в Страсбургском суде против легавых, которые применяли к ней пытки. Таким образом мне сразу стало понятно, кто его нанял.

- Я ознакомился с вашим обвинением, теперь мне бы хотелось услышать, как все было на самом деле,- сказал адвокат. - Мне вы можете полностью доверять,- после небольшой паузы, добавил он, как бы невзначай.

Юрий Анатольевич был из тех людей, который своей манерой общения мог располагать к себе собеседника. Но верить я никому не мог. Я даже не исключал такую возможность, что это какой-то розыгрыш легавых, один из которых прикинулся адвокатом, сообщил некоторые сведения об моей самой близкой подруге для правдивости и таким образом пытался выведать из меня информацию. Это называется втереться в доверие, как делают "контрактники" под маской порядочных, сочувствующих заключенных. Я не стал подавать вида, что в чем-то подозреваю этого человека и, если он один из системных псов, то сыграю с ними в их же игру. Да и если он действительно адвокат, то по сути ничего страшного не произойдет, если услышит версию, выстраивая которую он должен будет защищать меня. Так думал я...

Мой рассказ был коротким, без каких-либо деталей. Все необходимое для него, адвокат узнал, задав мне дополнительные вопросы. Закончив с моей версией дела, я

поведал ему еще и о том, что меня пытаются, пытаюсь добиться показаний. Юрий Анатольевич заверил, что сделает все возможное, чтобы прекратить это и сегодня же отправит первые жалобы на неправомерный арест, а также физическое и психологическое давление со стороны сотрудников ЦПЭ. Он нажал кнопку, которая давала сигнал надзирателю, и пока ждал его, спросил: - Родным что-то передать?

- Да,- ответил я.- Передайте благодарность, и чтобы Мама не расстраивалась сильно. Не говорите ей про пытки. Скажите все хорошо у меня.

- Хорошо, Радислав, я передам,- сказал он, когда дубак уже открыл основную дверь. - Всего доброго!

Через какое-то время меня привели в камеру, где мои сокамерники все так же спали, и лишь дремавшие подняли головы, после чего вновь погрузились в сон. Остаток дня продлился, будто вечность. Томительные минуты еле шли, с трудом заполняя часы. Тюрьма словно была мертвой и только звон ключей и замков, говорили о жизни в ней. Время от времени, надзиратели кого-то выводили на коридор, а потом возвращали обратно. Как будто брали с полки вещи, но поняв, что они не лучшего качества и пошива, возвращали обратно. Брак - именно так представляется заключенный. Его пошив проверяют следователи и прокуроры, а зачастую и сами шьют дефекты, после чего делают заключение и передают судьям. Судьи здесь выступают в роли ОТК (Отдел технического контроля) и ставят свой штамп со сроком. Срок этот варьируется в разных пределах, в зависимости от "непригодности".

Вечер и ночь пролетели относительно быстро. Общение весело коротает время. Я старался отвлечься от всех гнетущих мыслей, разговаривая с сокамерниками, но мозг не выдерживал натиска прорывающихся дум, и постоянно возвращался к наиболее болезненному. Тоска... Как глубоко я начинал понимать и чувствовать ее. В этих четырех стенах, без права выхода из них, тоска ощущается еще сильнее. Она сопровождает повсюду ни на миг не покидая тебя. От нее нельзя куда-то деться или уйти. В заключении тоска становится частью тебя. Ты засыпаешь с ней на веках и просыпаешься, видя ее во всем. Здесь тоска не сравнима с той, что мы порой испытываем на воле. Я бы назвал ее "обреченной", так как она неизбежна и предопределена условиями и нахождением здесь. Заключенный лишается родных и близких, друзей и подруг, неба, земли, деревьев, рек и озер... Лишается всего, что привык видеть; всего, что является его неотъемлемой частью жизни.

Новый день не принес ничего хорошего. Я не спал почти сутки и меня вновь спец-этапом увезли в ЦПЭ. Наверное, не передать того чувства, которое приводит в постоянное напряжение весь организм, при виде этих системных псов. Я уже наперед знаю, что меня ожидает и пока еду, обдумываю, как все будет происходить в этот раз. А в этот раз все обстояло несколько иначе. "Конверт" видать вышел из моды, а может легавые внесли разнообразие, чтобы мои мышцы и суставы не привыкали. Хотя, наверное, здесь не уместно слово "привыкать", так как привыкнуть к такого рода истязаниям, на мой взгляд,

невозможно. Они каждый раз будут причинять новую боль. "Конверт" сменил противогаз. Это я понял сразу, так как войдя в кабинет, мой взгляд тут же поймал его, лежащим на столе. Рядом с противогазом стоял Коля "Бровь", насвистывая незнакомый мне мотив. Меня усадили на стул. Руки так и остались в наручниках позади, их лишь дополнительно пристегнули еще и к каркасу сиденья. Мои ноги привязали веревкой к каждой из ножек стула, но для чего это делалось я пока не понимал.

- Ничем с нами поделиться не хочешь? - только и спросил Стащенко.

- Я вам все уже сказал,- ответил я, после чего мне на голову натянули противогаз.

Бровь обошел меня спереди и прикрутил к шлангу противогаза зеленый баллончик - фильтр. На дне фильтра имелось отверстие, через которое поступал кислород. Его-то и стал закрывать ладонью Стащенко, что шланг сплющивался под моими вдохами. Острая нехватка воздуха привела меня в паническое состояние, под действием которого я начал брыкаться во все стороны, пытаюсь оторвать конечности, чтобы сорвать с головы противогаз, но все было тщетно. Теперь я понял, для чего были привязаны и ноги. Стекла противогаза примкнули к моим глазам, да и вся его резина плотно прижалась к лицу. Я пытался сделать хоть что-нибудь, но не мог. Бровь держал меня за плечи, прижимая к стулу. В следующий момент Стащенко убрал ладонь, и я жадно начал вдыхать в себя кислород. Через несколько таких перекрытий воздуха в голове я начал слышать какой-то шум. А потом не совсем ясно воспринимал реальность. Во мне, как будто барахлила лампочка, которая трещала по всему организму, приводя тело в мелкую дрожь. Затуманенный рассудок кричал о том, что даст нужные псам показания, но, когда снимался противогаз и отстегивалась одна рука, я приходил в себя и снова отказывался писать. Так я мог выкроить немного времени и отсрочить новое перекрытие воздуха. Правда не на долго... После нескольких таких прерываний процедуры, ЦПЭшники внесли в нее новшества. В этот раз кислород мне не стали перекрывать, а вместо этого сняли фильтр и поднесли к шлангу горящий листок, который тут же потушили. По их задумке я должен был вдыхать едкий дым, но я предпочел не дышать какое-то время. Тогда Стащенко пережал шланг и когда я вновь начал задыхаться, разжал его и поднес тлеющую бумажку. Мое горло словно прорезали чем-то острым, а потом еще и обожгли. Из глаз хлынули слезы, потекли сопля и слюни. Я очень сильно начал кашлять, но не мог откашляться. Сильно настолько, что казалось в один момент из меня вылетит кадык. Бровь скинул с меня противогаз, выругавшись матом, потому, что все внутри него было в соплях и слюнях. Он откинул его в сторону и, обхватив шею рукой, согнутой в локте, начал орать, что-то о показаниях. Я мало тогда что понимал и не совсем воспринимал речь. Из всех сил я старался откашляться, но не получалось.

- Отпусти его пока,- сказал своему коллеге Валерий Валерьевич и, прикурив сигарету, откинулся на стуле напротив меня.

Бровь отпустил мою шею и я, немного наклонившись вперед, непрерывно кашлял. Мою глотку, словно раздирали изнутри невидимые звери. И даже, когда мне стало немного лучше я все равно продолжал притворяться, пока Сташенко не понял это и не прервал меня. Тогда он начал вести со мной разговоры о том, что меня может ожидать, если я и дальше буду противиться их воли. В этом списке он, что только не перечислил... И о том, что мне в жопу засунут дубинку, а потом будут снимать на камеру; и то, что я могу стать калекой; и даже мою смерть, объясняемую попыткой побега. В головах этих безумцев таились такие садистские мысли, что я подумал о том, что смерть будет самое легкое из всего списка. Я тянул, как только мог разговор, задавая вопросы и давая очень длинные ответы, между которыми продолжительно кашлял. Я знал, что меня должны вернуть в СИЗО вечером, а значит время играло в мою пользу. Поэтому я растягивал его, как только мог. Я даже попросил вывести меня в туалет, в чем мне было не отказано. Наверное, легавые беспокоились о чистоте своего кабинета. Но перед тем, как вести меня обратно, они все же успели еще раз накормить меня едким дымом. После этого этапа я еще долго отходил сидя в "квадрате", а затем и в камере. У меня раскалывалась голова и мне ужасно хотелось спать, но я просыпался из-за кашля. Мои легкие уже болели от него, а может быть на них так действовал дым. Уснуть получилось, наверное, только к середине ночи. Проснувшись с утра, я понял, что совершенно не выспался, а также сильно охрип. На моих запястьях образовались кровоподтеки, которые я не заметил вчера. Очевидно они появились в результате моих конвульсий на стуле, а сегодня болели при шевелениях кистей. Прилечь обратно на шконку я уже не мог, так как пришла очередь спать на ней другому. Я лишь присел на ее край и, сложив руки на столе, попытался уснуть. До обеда я не мог устроиться так, чтобы было более-менее удобно. Постоянно затекала какая-нибудь конечность. А после обеда меня и Рыбака назвали с вещами на коридор. Куда нас собираются вести мы не знали, да и дубак об этом не говорил. Но на всякий случай мы попрощались со всеми в камере и вышли за ее пределы. Рыбак всю дорогу шутил, пока нас водили по коридорам. В итоге нас закрыли в противоположных боксах на верхнем отделении Централа. Здесь же в ряд шли хаты. Какие из них "красные" я не знал, но Рыбак, кажется был осведомлен за них, так как его первого вывели из бокса и повели в рядом расположенную камеру. Я наблюдал за этим процессом через небольшое отверстие в двери, которое когда-то было высверлено под замок. Рыбака подвели к камере и, как только открыли первую дверь, он тут же отошел в сторону и сказал: - Старшой, хорош, ты чего? Она красная! Я туда не пойду!

В большинстве "красных" хат заключенные днем бодрствуют и на шконке можно увидеть только "глав-шпана", позволяющего себе все, что не могут позволить себе другие. Заключенные строятся в две шеренги и дежурный по камере сразу зачитывает

доклад, где называет количество содержащихся в камере и говорит о происшествиях, случившихся за это время, если такие имелись. Возможно именно поэтому, Рыбак догадался об "окрасе" хаты. До меня тоже донесся чей-то голос из той камеры, четко чеканивший слова. Надзиратель, открывая "тормоза", говорил Рыбаку о том, что он лишь выполняет приказ, который ему дали сверху. Что от него ничего не зависит и это не является его инициативой. Видя, что заключенный не трогается с места, вертухай начал убеждать его, что это нормальная камера, чистая и опрятная, да и вообще в дальнейшем, если его что-то не устроит, он сможет сказать обо всем начальнику и тот переведет его в другую хату. Легавые на какие только уловки не идут, лишь бы выполнить приказ. Но Рыбак на них не поддался и когда надзиратель начал его силой толкать в сторону камеры, тот вскрыл себе вены мойкой. Мойка - это одно тонкое лезвие от бритвы, которое достаточно легко спрятать, чтобы его не нашли. Кровь брызнула на пол и дубак тут же крикнул дежурившему коридорному, чтобы тот скорее привел медиков, а сам в это время заломал руку Рыбаку и выбросил на пол мойку. Я, в это время, бил по двери бокса рукой пытаюсь как-то повлиять на ситуацию, но из этого мало что вышло. Фельдшер появился быстро, так как их кабинет находится на каждом отделении корпуса, и в сопровождении еще одного дубака увел пострадавшего. Через минут 10-15 Рыбака провели обратно в бокс с перевязанной рукой.

- Как ты? - крикнул ему я.

- В порядке! - послышался его голос. - Но эти гандо*ы пытаются меня в красную хату закинуть.

- Я видал!

- Там такие пионеры, что им только галстуки осталось повесить, да барабаны в руки взять...

В этот момент на коридоре снова слышались шаги и, взглянув в отверстие, я увидел, как идет все тот же вертухай. Он подошел к боксу, где находился Рыбак и что-то не громко начал говорить. В ответ я услышал, как донеслось из бокса: - Я сказал не пойду! Веди меня в людскую хату.

Вертухай отошел от бокса и, открыв двери "красной" хаты, вошел вовнутрь. Там он находился какие-то пять минут, после чего вышел вместе с парнем крепкого телосложения. Это был тот самый "глав-шпан", который решил взять ситуацию в свои руки. Дубак открыл дверь бокса, и здоровяк сказал: - Ну и чего ты нах*й?! После чего начал прям в боксе забивать Рыбака. Удары были тяжелые, это было слышно по звукам... Рыбак орал, а я бил в дверь руками и ногами, пытаюсь отвлечь внимание на себя.

- Вы чего там, оху*ли? - хрипел я, так как голос был посажен кашлем.

Все это длилось не больше пары минут, после чего, здоровяк утащил за шкуру полуобмякшего Рыбака в хату. Двери за ними закрылись и к моему боксу подошел

тот самый дубак:

- А ты ху*и орешь? Тоже туда захотел? Сейчас устрою!

- Давай попробуй! - ответил я, достав из пакета шариковую ручку и сжав ее в кулаке. - Я тут все кровью залью! Чухаться потом заеб*тесь!

Дубак еще немного поворчал и как только пришли заключенные из хозяйственного отряда СИЗО, отбывающие здесь срок, он удалился. Заключенные оттирали кровь, которую оставил Рыбак, а я все так же стоял в боксе, не выпуская ручку из кулака. Беспредел, который здесь творился не оставлял мне выбора. Я готов был пырять ручкой в область лица любого, кто представлял бы для меня опасность в той хате. Окажись я в такой камере, ЦПЭ не упустили бы возможности воздействовать на меня через "красных". Уж в этом можно было не сомневаться...

В боксе я простоял до вечера, лишь ненадолго упираясь на стенки. Ноги гудели, будто я намотал километры. Когда уже другой вертухай открыл бокс, то наш путь был направлен в противоположную сторону. Мы остановились возле одной из дверей, которую поспешно начал открывать дубак. Я автоматически сжал в кармане ручку, готовясь к самому худшему. За время нахождения в заключении, мое состояние было доведено до такого пика, что я, как загнанный зверь, готов был бросаться на любую опасность и рвать ее зубами. Когда дверь и "тормоза" открылись я перешагнул порог камеры, как шагают куда-то в неизведанное...

Глава 10.

В камере меня обступили со всех сторон заключенные, внимательно изучая мой внешний вид. Я прошел мимо них до середины камеры и, поставив пакет перед собой на пол, тоже обвел всех взглядом.

- Хата людская? - громко поинтересовался я.

- Людская! - ответили сразу несколько голосов.

Я разжал шариковую ручку, которую сжимал кулаком в кармане, но расслабляться не собирался. Среди многочисленных лиц я видел немало инородцев и слышал их речь, на которой они общались между собой.

Камера представляла из себя довольно большое помещение, по сравнению с предыдущими. Сразу справа был расположен "дольняк", завешанный простынями, которые создавали дополнительные удобства, а слева к стене были прикреплены крючки, на которых висели куртки и кофты. Здесь было, что-то наподобие небольшого гардероба. Дальше в два ряда, вдоль стен, шли двухъярусные шконки, из которых несколько последних были завешаны одеялами, простынями и полотенцами. По середине камеры, ближе к левому ряду шконок, был зацементирован длинный стол с лавочками с двух сторон. Меня сразу пригласили пройти в один из дальних углов, где сидела "братва", для общения. Я положил свой пакет на лавочку, возле стола и, не вынимая шариковую ручку из кармана, прошел туда.

В каждой, так называемой "черной" (людской) хате, есть человек, который несет ответственность (грузится) за нее, содержит "общак", доводит до вновь прибывших разные моменты и элементы уголовного мира, а также вносит ясность "по общим вопросам" и решает споры и разногласия между арестантами. Про него так и говорят - человек по "общим" вопросам, или как принято называть "смотряга". Рядом с ним всегда есть несколько человек, которые помогают ему и берут на себя часть ответственности. Их называют "братским кругом" или попросту - братвой. Именно эта категория заключенных имеет особый статус в камере. Они пользуются разными благами и на них всегда ставится больший приоритет, чем на остальных "мужиках".

Эта компания меня и ждала в углу. На ближней к отсекателю (решетке, разделяющей камеру от окон) шконке пил кофе и дымил сигаретой парень лет 30, блондин со спортивной развитой мускулатурой. Рядом с ним, как противоположность, восседал жирный узбек в очках, у которого неестественно было надуто под нижней губой, будто он засунул туда леденец. На шконке напротив сидел мужик лет 40, тоже крупных габаритов, лысым черепом и щетиной на лице. На нем была одета майка-матроска в сине-белую полоску, а на правом плече виднелась какая-то давняя татуировка, которая исказилась со временем. Брови мужика были хмурые, с застывшими на лбу морщинами. Он тоже курил

сигарету и выдыхал дым из раздутых ноздрей. Он мне сразу напомнил быка с картинки, который злится и выдыхает пар из носа.

- Присаживайся,- сказал мне блондин, который показал на противоположную шконку.

Я уселся рядом с "быком", который искоса смотрел на меня, продолжая выпускать дым из ноздрей. Первая моя мысль была посвящена тому, кого из них пырять ручкой в случае конфликта. Естественно, мишень была уже predetermined еще тогда, как я зашел в угол. Это был узбек, ненависть и отвращение к которому, мне диктовали мои расистские чувства. Но "бык" сидел ближе ко мне, поэтому в случае конфликта, ручку пришлось бы засадить в него, а дальше будь, что будет...

Блондин, которого, как оказалось, зовут Александром, по погонялу "Студень", был "смотрягой". Он мне представил и остальных. Узбек имел кличку "Джон", которая была схожа по звучанию с его не произносимым именем, а бык звался "Батя", очевидно потому, что был старше всех среди "братского круга". Но "круг", как оказалось, не заканчивался на этих трех и Студень, махнув рукой в параллельный проходняк, указал еще на двоих, один из которых был хач и разговаривал по телефону на своем языке. Эту обросшую обезьяну Студень назвал "Магой", а молодого парня, крутившего на пальцах четки - "Север". Хата была оживлена, повсюду слышны разговоры, а из крана не переставала литься вода, создавая дополнительный шум. Это нужно было для того, чтобы дубак не мог услышать телефонные разговоры. Среди этого шума, Север не слышал, о чем говорил Студень, но видя, что на него показали рукой, подошел к нам и, облокотившись руками на обе шконки, встал между ними. Обозначив себя, братва перешла к вопросам ко мне. Кто такой? Из какой хаты? Статья? Чем по воле занимался? Кто поделники? И еще множество вопросов пока не остановились на моей "делюге". Узбек явно негодовал, и, выплюнув в самодельную пепелку из-за губы зеленое месиво, именуемое "насвай", начал вставлять свои реплики и время от времени хрустел костяшками на кулаках. Всем своим видом он пытался вселить в меня страх, что было напрасно. Сколько таких я встречал по воле, после чего они визжали и умоляли не убивать. Сколько страху видел я в их глазах... Сколько ужаса вселял я в их сердца... А теперь, будучи в более выгодном положении этот унтерменш пытается им воспользоваться. Быть может это и получилось бы, если бы я не знал внутреннюю сущность этих существ. Они лишь пытаются показаться мужественными, сильными, бесстрашными... Но одно дело казаться, а другое дело быть таким.

- Он Скин-хед, беспредельщик! - рвал глотку Джон, что его очки запотели.

Тогда я вспомнил советы Соленого и Соника, которые призывали быть разумнее. Скин-хеды в тюрьме и вправду считаются беспредельщиками, за что идет "спрос", но стоило мне поинтересоваться у того же узбека, кто такой скин-хед, как тот запутался в объяснении. Я объяснил за себя, свои взгляды, не разворачивая их в полной

мере, так как это могло сыграть на руку легавым на следствии, а также поверхностно обрисовал то, в чем меня обвиняют. Естественно, было бы глупо отказываться от вменяемого мне перед мусорами и сознаться перед заключенными, которых я не знал. Студень понял, о чем я говорил и понимал, что за детали дела я разговаривать не буду, но Джон не унимался и всячески продолжал расспросы. Когда ситуация накалилась, Студень попросил узбека покинуть проходняк и успокоиться, чтобы мы могли договорить. Покидая нас, инородец грозно кинул мне напоследок, что не даст мне жизни в этих стенах. Тут же слух за меня распространился со скоростью ветра, вплоть до соседней камеры, с которой была проделана "кабура". Разговор продолжился в более спокойной атмосфере, но братва то и дело продолжала задавать провокационные вопросы. Они пытались зайти с разных сторон, но слышали один и тот же ответ:

- То, чем я делал и занимался по воле, диктовали мне мои законы Чести. В моих действиях нет беспредела и они имеют вполне существенное объяснение. В подробности я вдаваться сейчас не буду, но скажу, что так бы поступил любой мужчина, когда его семье, дому, земле, народу угрожает опасность.

Один за другим следовали все новые и новые вопросы, которые сменяли друг друга. Мне казалось, что им не будет ни конца, ни края. Но утомлен разговором, как оказалось, был не я один. У этой беседы не было видно завершения, так как мы вновь возвращались к одной и той же теме и тогда все начиналось заново. Возможно это было для того, чтобы подловить меня на чем-то, либо найти противоречия при повторе моих ответов. Но я четко выстроил свою позицию, которая была у меня внутри. От нее я отступить и не намеревался. Тогда Студень перевел разговор в другое русло и начал рассказывать мне за "общее" и местные порядки в целом. Или, как тут выражаются, "доводить".

По местным понятиям, каждый порядочный арестант с передачи уделяет на "общее". Сколько уделить - это дело каждого, и никто не может обозначить какие-то критерии. В основном на "общий" мешок уделяются сигареты, чай, конфеты или, как говорят здесь, "насущенное". Помимо этого, на мешок могут пойти продукты длительного хранения, рыбно-мыльное, а также некоторые новые вещи, например, трусы, носки. В каждой "черной" хате есть такой мешок. С "общего", как правило, греются карцера, больнички, транзиты. Но помимо "общего" мешка, есть еще и "нуждавой". С него уже греется непосредственно хата. Каждый из "мужиков" может подойти и попросить у братвы то, в чем нуждается. Эти и многие другие моменты тюремной жизни рассказывал мне Студень. Когда речь дошла до ролей в хате, то и тут я узнал новое. Раньше я слышал про "шнырей", которые выполняют приказы, как правило блатных, но тут появились новые элементы тюремного мира, именуемые "фазидами". Вообще слово "фаза" означает электрическая розетка, а фазист - это человек, который "закреплен" за ней и занимается

тем, что кипятит воду, когда ему скажут. Естественно, где есть "кипятни воды", там же и следует "завари чайку", "сделай бутерброд" и "принеси все сюда". Поэтому особой разницы между шнырем и фазистом я не видел. Разве, что фазист кипятит воду всем "мужикам", кто его об этом попросит и не выполняет ряд действий, которые дополнительно возлагаются на плечи шныря. Но это все равно, что один и тот же робот, только без нескольких функций. Фазистом в этой хате был средних лет, седовласый мужичок по имени Вова. У Вовы не было тех, кто смог бы ему сделать передачку, но курить уж больно хотелось. А за то, что он стоял (был при деле) на фазе, ему давали сигареты с "нуждавого" мешка. Иногда, за его "сервис", братва угощала Вову куском колбаски или чем-то вкусным.

Уборка в камере делалась "шерстяными" или, как еще говорят, у кого по жизни не ровно или не совсем ровно. Туалет мыли два "обиженных", которые помимо этого еще и стирали братве вещи. Так же, как и в предыдущих хатах здесь проходили "дороги", которые соединялись с Большим(БС) и Новым(НС) спецом. А одна "дорога" уходила в камеру вниз по диагонали, так как она была отрезана от всех остальных "людских" хат, "красными" со всех сторон. Все остальные камеры на Централке, которые не имели красного оттенка, были соединены "кабурами". Кабура - это пробитое отверстие в стене, через которое общаются хаты, передают почту, груза и запреты. Около этих кабур, так же сидели заключенные, на которых была возложена соответствующая ответственность. Такие места, как и шконки блатных, завешивались одеялами, простынями и полотенцами, чтобы дубаки не смогли просматривать в "волчок", что и куда передается. Почти все в хате были при деле. Камера была похожа на один сплошной механизм. Кто-то стоял на "дороге", кто-то был у кабуры, одни распускали вязанные вещи, а другие плели "коней", которым в будущем суждено стать "дорогами".

Завершив разговор, Студень поинтересовался, надо ли мне куда звонить? Я давно мечтал добраться до телефона и сейчас, конечно, не мог упустить такой возможности. Через несколько минут я уже набирал номер Матери. Услышав мой голос, она заревела и ее слезы сильно сдавили мое сердце. Дышать стало трудно, будто мои легкие пережало какой-то невидимой нитью или сдавило чем-то тяжелым. Мы молчали. Она рыдала, а я слушал ее слезы и пытался успокоить.

- Все хорошо! Не переживай! - говорил я, но мои слова будто проваливались где-то в механизмах трубки.

- Подожди, я сейчас успокоюсь,- наконец выдавила она сквозь слезы. Послышались несколько глубоких вздохов и выдохов, после чего она произнесла: - Ты мне только скажи... Тебя там не избивают?

- Нет, что ты?! Говорю же - все в порядке,- заверял я, но в ответ вновь услышал рыдания.

В камере меня поторапливали, так как нужно было звонить еще и другим. Разговора по-видимому у нас тоже не получилось бы, так как оба были на эмоциях, которые не могли преодолеть слова.

- Ты не сердись на меня, что так получилось,- сказал я.- Наверное по-другому и не могло получиться. Я люблю тебя...

- И я тебя... очень-очень! - услышал я в ответ сквозь рыдания.

Не в силах больше слушать слезы, которые, как гвозди забивались мне в грудь, я сказал о том, что еще позвоню, после чего скинул трубку.

Из угла я вышел весь в своих мыслях, которые были направлены к Матери. Меня сверлили взглядами звери, переговариваясь между собой на чуждом мне языке. Другие просто смотрели, как обычно бывает, при появлении новенького.

- Падай здесь! - сказал мне высокий парень, примерно моего возраста. - Я все-равно на "дорогу" пошел.

Так мне предоставилась возможность отдохнуть.

Уснуть я так и не смог. Мысли прорезали мозг настолько, что усталость не смогла их побороть. Теперь к давлению со стороны легавых, прибавилось еще и напряженные отношения внутри хаты. Здесь было много зверей, которые только и ждали того момента, чтобы меня сожрать. Я чувствовал их постоянные взгляды на себе, а их незнакомая речь, казалось, что была адресована в мой адрес.

- "Но ведь я охотник на них!"- эта мысль постоянно появлялась, как только я задумывался об оккупантах из камеры.

Они моя дичь! Просто обстоятельства сейчас сложились так, что охотник оказался в логове зверей. Помимо них в камере сидели в основном те, у кого были тяжкие и особо тяжкие статьи. Большую часть представляли убийцы и наркоманы, у которых изъяли большое количество наркотических веществ. Хата имела статус: строго следственная. И таких камер для первоходов было несколько. Каждая из них находилась на разных отделениях Централы. В первую же ночь, после того, как за меня прошла "курсовая", из другой строго следственной хаты, мне пришла малява от Юнгера. Мы сразу договорились с ним связываться только по необходимости и ни в коем случае не писать о деталях нашего дела, так как малявы могли читаться, пока проходили по "дорогам", через другие хаты. Вскоре объявился и Сокол, "курсовая" за которого известила меня о том, что он находится в той самой 164 хате на Большом спецу. На тот момент несколько заключенных, узнав, что меня перевели из нее, поведали мне о том, что "Палыч", который известил меня о контрактнике из предыдущей хаты, сам является контрактником. Об этом я поспешил сообщить Соколу, а также о нашей договоренности с Юнгером. Верить здесь

нельзя было никому. Агентурная сеть работала так, что многие выдавали себя "порядочными" заключенными, хотя сами работали на мусоров. Каждый день из камеры на коридор выходило столько народу, что было практически невозможно узнать, кто из них посещал адвоката или следователя, а кто был у оперативников в кабинете и сливал информацию.

В новой камере я сразу же познакомился с двумя заключенными, с которыми всех больше поддерживал общение. Один из них был тот высокий парень, что уступил мне шконку. Его звали Егор по прозвищу "Дылда". Такое прозвище он получил здесь из-за своего роста, который достигал 2х метров. Дылда сидел по 2 части 105 статьи, за ликвидацию двух оккупантов. В нем я сразу узнал "родственную" душу, хотя на правую тему он общался не охотно и уклончиво. Возможно все дело было в следствии и посторонних ушах, по которым он тут же водил взглядом, крутя головой во все стороны, стоило только начаться "наболевшей" для него теме. Второй - Макс "Молодой". Это был парень лет 30, с небольшой бородкой, которая делала его явно старше своих лет. Сидел Макс по 4 части 111 статьи, которая подразумевала под собой умышленное причинение тяжкого всегда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. Как и многие, он отрицал свою причастность и твердил о том, что его спутали, и что он лишь подходит по описанию преступника, но вот начнутся суды и его обязательно оправдают. Было ли так на самом деле или он просто хотел в это верить, было не известно. Быть может он просто скрывал содеянное, поэтому придумал такую версию. Дылда с Молодым общались и до меня, а с моим приходом мы трое начали "семейничать". Семейничество в тюрьме носит довольно широкое распространение. Само по себе оно подразумевает под собой некое сплочение нескольких заключенных, которые делят между собой пищу. В тюрьме встречаются конечно и одиночки, но это явление редкое, а зачастую все живут небольшими группами, то есть семейничают.

В наших правых разговорах с Дылдой Молодой всегда поддерживал националистов и высказывался самым грубым образом об инородцах. Порой мне даже казалось, что Молодой сам проникнулся идеями и был готов на радикальные действия. Так же в процессе нашего общения, я узнал, что Макс по делу проходит один, а у Дылды имеются еще два подельника, как и у меня. Срок Егору светил не маленький, но на эту тему он не любил разговаривать. В один из таких разговоров Дылда общался вполне серьезно, но в один момент глупо заулыбался, после чего скрючил руки в неестественной форме и упал на пол. Его колотили судороги, а изо рта пошла пена. Для меня такое видеть было впервой, а вот Молодой уже сталкивался с подобным, поэтому быстро схватил деревянную ложку и, сжимая Егору скулы, пытался засунуть ее в рот. Но Дылда не разжимал зубов, поэтому в процесс пришлось вмешаться мне. Мне немного удалось разжать его челюсти и Молодой просунул в них ложку, которой начал подцеплять и прижимать язык Егора.

- Это эпилепсия,- сказал Макс.- Тут главное не дать завалиться языку в горло, а то задохнется.

Когда Дылду немного отпустило и его судороги начали прекращаться, я поднял голову вверх, чтобы подняться и только в этот момент заметил, что вокруг нас собралась почти вся хата. Множество взглядов с интересом смотрели за происходящим, но после того, как кто-то крикнул, чтобы все расходились, толпа повиновалась озвученным призывам. Мы с Молодым подняли Дылду и усадили на шконку. Когда тот начал приходить в себя и смотреть по сторонам, на его глазах проявились слезы, которые сопровождалось плачем.

- Все хорошо,- говорил ему Молодой постукивая по плечу. - Все хорошо...

Я сидел молча и держал в руках деревянную ложку, которая была изгрызена и в некоторых местах, как слепки, виднелись четкие следы от человеческих зубов. Это были зубы Егора...

В эти два выходных, на которые выпал мой приход в эту камеру, меня никуда не дергали и не вызывали. Но стоило наступить понедельнику, как в открытую дверь я вновь услышал: - Белов, на выход!

Это был очередной спец-этап в ЦПЭ. Туда, где моя Честь и Совесть бились с силами Z.O.G.a. Туда, где мои силы иссякали, а психика рушилась под давлением системных псов. Во мне как будто была некая трещина, которая с каждым разом разрасталась и превращалась в пропасть. Пропасть, в которой могли утонуть мои идеалы. Я не мог ей позволить становиться все больше и больше, поэтому из последних сил сжимал свою волю в кулак.

В этот раз легавые не были изобретательными, поэтому сначала я подвергся избиению, которое было самым легким из воздействий на меня, затем просидел несколько часов в "конверте" и после этого висел в каком-то зале (как я понял в спортивном) на наручниках. Наверное, можно найти такое выражение безрассудным, но избиения для меня казались уже чем-то простым и во время них, мысленно, я готовил себя к предстоящим испытаниям. Висеть на наручниках, замкнутых на моих кистях, было не меньшим адом, чем находиться в "конверте". Я орал, рвал глотку, находился в какой-то степени в безумии, но это все лишь доставляло легавым удовольствие. Они любят насилие. Этим тварям нужно видеть боль, и для этого они будут делать все, чтобы удовлетворить свое желание. Насытившись моей болью, меня вновь вернули на СИЗО. Как оказалось, Дылда тоже был подвержен пыткам, но узнав об эпилепсии, легавые прекратили их.

- У меня случился приступ прямо у них в кабинете,- с весельем вспоминал Егор.
- Вот они тогда перепугались...

Сейчас, когда его этап пыток был давно закончен, вся эта история вызывала у него улыбку, я же, находившийся под постоянным их воздействием, сидел с серьезным лицом и лишь изредка улыбался. Но в этой улыбке не было радости... Пока я был на этапе, Молодой получил передачку и к моему приезду они с Дылдой приготовили ужин. Блюдо показалось мне потрясающим и довольно вкусным. Да и не мудрено было прокрасться такому аппетиту среди местной повседневной баланды. Представляло оно из себя запаренные кипятком макароны быстрого приготовления, в которые было налито больше положенного воды, чтобы в нее еще добавить картошку быстрого приготовления. Картошка разбухала и заполняла собой всю оставшуюся воду. Таким образом получались макароны в картошке. А в здешних местах это блюдо носило название "качели". В "качели" так же была добавлена колбаса, мелко нарезанная заточкой, и растительное масло. Заточка была сделана из куска железа, которое было отломано от обшивки стола и заточено об бетон и плитку так, что по остроте не уступала ножу. Я с неподдельным аппетитом съел этот ужин, за разговором о минувшем этапе, после чего поспешил прилечь отдохнуть, так как силы мои закончились еще в здании ЦПЭ.

Ночью я то и дело просыпался от того, что тело чесалось в разных местах. И хоть в выходные я успел перестирать свои вещи, зуд по началу не вызвал у меня должного внимания, несмотря на то, что создавал весомый дискомфорт. И только когда я проснулся с утра, то заметил на теле распухшие шишки, какие бывают, когда обжигаешься крапивой, только эти имели определенный порядок и были выстроены в линию, как дорожки. Именно они и вызывали зуд. Сначала я забеспокоился, подумав, что подхватил какую-то кожную болезнь, но заключенные быстро развеяли мои опасения, объяснив это укусами клопов. Клопы были здесь повсюду. Они жили в тени, прячась в щелях железных шкафов, а также матрацах и подушках. От них было никуда не деться... Так же, как и от тараканов. И если последних можно было травить и жечь зажатой бумагой, таким образом избавляясь от них хоть на какое-то время, то до клопов было добраться тяжелее.

Днем меня вновь "подтянули" на разговор, где уже участвовал второй оккупант, именованный Магой. Понтов в нем было, конечно, больше чем он сам весил. Четки, зажатая в зубах сигарета, высокомерный взгляд из-под одной сплошной брови - всем этим видом он, очевидно, пытался произвести на меня впечатление блатного. Но есть ли мне разница, как он будет выглядеть и кем себя мнить, когда в моих глазах он жертва?! Наш разговор не принес каких-то новых плодов, за которые могли бы уцепиться неприятели. Но на протяжении нашего общения в кармане я постоянно держал наготове шариковую ручку. Кто знает, каких сюрпризов можно ждать от каждого последующего разговора?! В этот же день я решил себе сделать заточку, которая была бы более эффективнее шариковой ручки. С технологией изготовления мне помог некий Георгий или, как попросту его звали в камере, Жора. Он был рослый парень, брюнет, на вид около 30 лет. По воле Жора любил охоту, а также интересовался холодным оружием, откуда и были его познания в изготовлении заточки. Пока мы ее делали, Жора делился со мной

любимыми моментами из жизни. Из разговора я узнал, что у него есть жена, которую он всячески боготворит. Именно с ней и было связано его заключение. Жора зарезал мужика, с которым ему изменяла жена, но она и по сей день оставалась для него неприкосновенной. Более того, он сам находил разные оправдания для ее поступка...

- Ну бывает у нее такое,- молвил он немного улыбаясь. - Вскружил ей голову этот г*ндон. Он ведь при деньгах был, весь такой из себя... Не то, что я. Постоянно ей дорогие подарки дарил, а она мне говорила, что на работе подарили. Огорчать меня не хотела. Она ведь у меня умница, в банке работает и всегда преуспевает.

- Жор, но она же тебе изменила! - был в недоумении я.

- Ну я же говорю, это все этот тип,- продолжал оправдывать он. - Затуманил ей разум всякими безделушками... Но любит-то она меня. Понимаешь?

- Честно? Не понимаю,- ответил я.

Жора продолжал рассказывать о своей "замечательной" жене, об их планах на будущее, детях, а я смотрел на него и понимал, что у него на этой почве поехала крыша. Он не хотел ничего слышать, что омрачало облик жены и истинно верил в то, что она его дождетя. А когда он освободится, они вновь заживут счастливо. Жора сидел уже несколько месяцев в этой хате и на протяжении всего времени регулярно получал письма от своей возлюбленной. Когда мы закончили с изготовлением заточки, то он даже похвалился фотографией своей жены, которая надо сказать, была эффектной внешности. Но разве внешний, привлекательный облик может иметь значение, когда под ним таится гнилая душонка?! Человек, чья Верность разбилась однажды, уже никогда не сможет восстановить ее обратно. Перешагнув за эту черту, уже нельзя вернуться обратно. В дальнейшем такого человека ничто не будет останавливать, и он будет раз за разом бросаться навстречу предательству. Жоре это было не объяснить...

Позже меня навел адвокат, который объяснил положение наших дел и поделился своими мыслями. Юрий Анатольевич знал свое дело. От него я так же узнал, что всех моих знакомых постоянно вызывают легавые, ведутся обыски и у большинства изъяли компьютеры. У меня дома так же два раза происходил обыск и изъяли, как выразился сам адвокат, "нежелательные вещи", которые лягут в доказательную базу моей причастности к неонацистским формациям. Я давно знал о том, что дома не стоит держать вещей, которые в дальнейшем могут быть применены ко мне, как улики. Но почему-то откладывал их скрывание на потом. Как видно, "потом" было уже поздно. Безусловно все, что каким-то образом относится к НС, нужно хранить либо в хорошем тайнике, либо не держать дома. Одно из правил городского партизана.

По возвращению в камеру меня ждало письмо. Это было настолько неожиданное и радостное событие, что мотор моего сердца, того и гляди, вылетит наружу. Изначально я подумал, что пришел ответ от Мамаы, но, когда взял письмо в руки, в графе "от кого", прочел: Кайновой Софии Александровны. Вообще Соня не любила своего

полного имени, но сейчас решила соблюдать формальность, что было не привычно. Вслед за приветствиями следовали слова: "Даже не знаю с чего начать..." Да и вправду мыслей был такой ассортимент, что выбор был велик. Три раза я читал это письмо, изучая каждую его букву. И был уверен, что это не последние разы. Соня писала о том, что, несмотря ни на что будет со мной. Что ее чувства остались неизменными... Наверное, это были те самые слова которые я мечтал услышать. И были те самые строки, которые мне было необходимо увидеть. Опьяненный этой эйфорией, я принялся писать ответ, в котором решил уместить хотя бы небольшую часть своих соображений и эмоций.

Ночью я не спал, изучая тюремное мастерство в самых разных направлениях, общался через "кабуру" с другой камерой, а с утра, не успев и прилечь, меня вновь назвали на этап. Только теперь он был не днем, а с утра, как и у всех. По началу я даже немного обрадовался, так как меня повезли в районный суд на продление меры пресечения под стражей. Оказалось, что как только адвокату сообщили о заседании, он тут же позвонил моей Маме и мы смогли с ней увидеться на суде. А пока ждали судью нам даже удалось перекинуться несколькими фразами, которые старательно пытались прервать судебные приставы. Из этого небольшого разговора я узнал, что никаких писем Мама не получала, а значит то письмо, отправленное из ИВС было просто-напросто выкинуто надзирателями. Так же, от нее я узнал, что свидания нам запрещены следователем и когда разрешат тоже неизвестно. После продления ареста, меня привели обратно в подвал и посадили за решетку, именуемую у заключенных "арестанткой". Из нее меня и забрали ЦПЭшники, привезя в стены своего управления, где боль была неотъемлемой частью этих мест. Побои, "конверт", противогаз, подвешивания на наручниках - все это для меня было символом трех слов: центр противодействия экстремизму. Меня снова били, перекрывали кислород, туго стягивали в "конверте". Им нужно было только одно: показания на камерадов. Система никогда не работает в рамках своих же законов. Законы писаны для обывателей, но только не для Z.O.G. В их лабораториях работают целые группы профессоров, которые разрабатывают самые различные вакцины, наподобие "сыворотки правды", запрещенные международными судами. Но пользуются ими в основном наиболее серьезные структуры, такие, как службы безопасности страны, не опасаясь за последствия. Благо, что хоть ЦПЭ не имеют такого статуса, чтобы был доступ к подобным вакцинам, поэтому ярые противники экстремизма в основном импровизируют в физических воздействиях.

Мои последующие дни заключения чередовались от этапа до адвоката. В один день меня вывозили в ЦПЭ, где проводились пытки и разного рода давление, а на следующий день меня навещал адвокат, с которым мы писали на них жалобы. Конечно жалобы эти не имели успеха, так как в ответ приходили лишь отписки, что по данным фактам производились проверки. Но писать нужно было, как для формальности для суда и других инстанций, так и для того, чтобы создать хоть малейшие неудобства системным псам. В некоторых местах с моего тела не успевали сходить синяки, а днем, когда мне удавалось поспать, я не редко кричал во сне, очевидно вновь оказываясь в стенах ЦПЭ.

Время от времени, приезжая с очередного испытания, я писал подельникам малявы, в которых излагал только самую суть: Приехал. Все в порядке. Держусь. Подельников не возили никуда, лишь следователь навещал их либо в стенах СИЗО, либо вывозил на ИВС. В ответ я получал малявы со словами поддержки. Этого было достаточно, чтобы получить еще немного сил, ведь они в меня верили, а я не желал поколебать их веру.

Помимо тяжелых этапов, я не мог расслабиться и в камере. Всегда нужно быть сосредоточенным и держать уши и глаза остро. Меня то и дело подтягивали в угол, чтобы уточнить какие-нибудь еще моменты из моей жизни. На слова я был скуп, поэтому отвечал только по сути, без подробностей. Любое лишнее слово - это повод зацепиться за него и вывернуть ситуацию не самым лучшим образом. Каждый такой разговор это был повод отыскать во мне то, что им хотелось - "непорядочность". Но попытки не увенчались успехом. Тогда они решили зайти к этому вопросу с другой стороны. В один из дней, когда я в очередной раз вернулся от адвоката, меня снова позвали в угол, где унтерменш Джон, начал разговор на ломаном русском языке:

- Ты больно часто ходишь на коридор. Потом мусора прибегают со шмоном, ищут телефон.

Мусора и действительно часто шмонали камеру. Несколько раз случилось даже так, что со шмоном приходили именно тогда, когда я разговаривал с адвокатом. Хотели ли меня подставить легавые или это было чистой случайностью, оставалось загадкой. На коридор выводили, конечно, не только меня, но так как в камере я был новенький, да еще костью в горле басурман, то естественно вся тень легла на меня. Объяснить все эти обстоятельства было трудно, когда тебя не хотят слушать и гнут свое.

- В общем еще раз выйдешь на коридор, мы тебя еб*ем всей хатой,- наконец заключил Джон.

В тот момент мне стоило больших усилий, чтобы не проткнуть его глаз или щеку ручкой. При себе у меня теперь была еще и заточка, которую мы сделали с Жорой. Она бы забрала жизнь, как минимум еще одного оппонента.

- Ты объяснить это сможешь? - поинтересовался я у того, кто всем своим положением был просто обязан соблюдать понятия. - Кроме того, что я был на коридоре, как и большинство других, у тебя есть еще, что мне предъявить?

В разговор уже вмешался Студент, который посчитал слова Джона слишком преждевременными. Но тот гнул свое... Сразу после вечерней проверки, я послал маляву Сонику, где объяснил сложившуюся ситуацию и накал в хате. Его совет, как человека бывалого был бы мне очень кстати. Буквально через 10-15 минут, меня позвали на "кабуру", где из соседней камеры передали телефон. Это был Соник. Выслушав еще раз все

по порядку, он попросил передать телефон Джону. Тот сидел слушал, изредка бросая на меня поникший взгляд и лишь поддакивая в телефон. После, через "кабуру" он позвал "смотрягу" другой хаты, которому передал трубку. Тот о чем-то поговорил с Соником и, убрав телефон, высыпал несколько угроз Джону. Этот случай расставил многое на свои места, в том числе и заблатовавшего узбека. Постоянные расспросы в углу закончились и приобрели более дружественный характер. Туда я теперь заходил только, чтобы взять позвонить. И то, это было только первое время, так как в дальнейшем, по договоренности с Соником, он присылал мне телефон, с которого я звонил и сразу же отправлял обратно. Соник тогда был "по общим вопросам" в одной из хат не первоходов, и имея этот статус, мог быть на пользу другим камерадам. Не редко он решал вопросы за вновь прибывших узников, которым грозила опасность. Такая солидарность и взаимовыручка была большим плюсом, чтобы узники совести держались вместе.

На связь со мной, помимо родственников, выходила Бэни и Мария, - еще одна из олдовых Скин-хед герл. С Машей по воле я пересекался редко, но тем не менее был хорошо знаком. Случались обстоятельства, при которых я отсиживался и даже скрывался у нее от легавых. Как ни странно, именно этот Человек с первых же дней, вместе с Бэни, занялся моей поддержкой, пока те, кто когда-то называл меня "братом" оставались пассивными, а то и вовсе отвернулись. Именно трудности и тяжелые жизненные обстоятельства показывают истинное отношение людей. Только невзгоды отсеивают от нас лишних и оставляют нужных!

От этих двух девушек я тогда и узнал, что та, кто писала и говорила мне о Верности, была на самом деле противоречием своим словам. Уже на третий день, после моего ареста, Соня нашла себе другого, но тщательно скрывала это от меня. Предательство - это первое, с чем сталкиваешься, попав в застенки. И оно же сопровождает тебя на протяжении всего времени заключения. Нередко случается так, что самые близкие люди отворачиваются, стоит только попасть за решетку. Дети предают родителей, родители детей, жены своих мужей, а мужья жен. Такими случаями наполнены стены тюрем. Предательство - вот первое, к чему нужно быть готовым. Физические давления системных псов - ничто, по сравнению с предательством близких людей. После легавых остаются увечья, которые со временем проходят, а после предательства близких, остаются душевные раны, которые, если и заживут, то обязательно оставят шрам. Что я испытывал в тот момент? Презрение! В моих глазах низко падают те, кто в один момент разменивают свои ценности и идеалы за счет более выгодного положения или состояния. Такие люди пойдут на все, лишь бы их "место" находилось в тепле. Так же я узнал, что на воле ходят слухи, о якобы моем предательстве. Пару человек сказали, что я на них дал показания. Если бы они только видели, чего мне стоит молчание... Легавые любят хитрить и сталкивать лбами подозреваемых. Посей смуту среди своих врагов, и ты увидишь, как они уничтожат сами себя. Не исключено, что так было и в этот раз. Вызывая на допрос моих знакомых, они рассказывали им о том, что я дал на них показания и, возможно, даже показали свои же рукописи, выдавая их за мои. Многие ведутся на подобный спектакль, что облегчает

мусорам задачу. Передо мной так же кидали показания Сокола, уверяя, что все давно уже написано и смысла отрицать их у меня нет. Но убедить меня в этом было невозможно.

Через предательств нахлынула не на одного меня. Жора в тот день получил письмо от своей "ненаглядной". Я видел его быстро бегающие по сторонам глаза после каждого прочтения. Он откладывал письмо, потом вновь брал его, читал, снова убрал в сторону и снова же принимался читать. Он не верил написанному, ведь там, как оказалось позже, его жена писала о том, что берет развод. В конечном итоге Жора сжег письмо, а ночью вскрыл себе вены. Заметили это совершенно случайно, когда на его имя пришла малява. Перед этим он лег спать, укрывшись одеялом и отвернувшись от всех. Когда его будили, чтобы передать пришедшую почту, он был синим, а из-под шконки выглядывала образовавшаяся лужа крови. В дверь быстро забарабанили кулаками и сообщили о случившемся. Жору тут же уволокли санитары. Как потом я узнал, его смогли откачать и поместили на "больничку", а также повесили полосу: склонен к суициду.

В какой-то момент пыток мне тоже хотелось умереть. Но разве мог я доставить такую радость врагам?! Да ни за что! Поэтому приходилось терпеть.

- Тебе не кажется странным, что на этапы возят только тебя,- как-то во время беседы поинтересовался Молодой. - Почему подельников не трогают?!

Вопрос был на самом деле резонным, но я находил ему объяснение. Из нас троих, проходящих по делу, я был самым младшим и, как посчитали легавые, самым податливым. Обычно принято считать: чем человек меньше возрастом, тем глупее, а значит, его проще обмануть или запугать. Этим, скорее всего, и руководствовались системные псы, "разрабатывая" меня. Этот вопрос и побудил меня написать пару строк Соколу и Юнгеру, дабы уточнить положение наших дел. Юнгер развеял мои сомнения, а вот от Сокола малява вернулась обратно, с пометкой о том, что он еще на этапе.

- "Кажется и подельников начали возить,- подумал я.- Значит не на одного меня выпала эта участь..."

Теперь оставалось ждать новостей, которые привезет Сокол. Но малявы в ту ночь так и не пришло. На следующий же вечер, с первыми "дорогами", я сам отправил маляву, чтобы узнать вернулся ли камерад?! Ответ пришел уже от самого Сокола, который объяснил опоздание тем, что после этапа сильно хотел спать. Дальше он написал, что ездил лишь на продление ареста, поэтому переживания были лишними. Я даже обрадовался, что после продления его не застигла моя участь. Пока все шло более-менее, хоть и было много непонятных моментов.

Следующим днем меня навестил адвокат, который сообщил, что уезжает из города по делам и заранее позвонил следователю, чтобы сообщить, о перерыве каких-либо следственных действий без его присутствия на это время. Мне же он дал указания не

разговаривать с легавыми без его присутствия, если вдруг они захотят схитрить. Так и вышло...

Через пару дней меня вывезли из СИЗО, сотрудники ЦПЭ и привезли в здание следственного управления. Там мне следователь предъявил обвинение еще в одном убийстве "гражданина Узбекистана", которого зарезали прямо в помещении "Шаверма". Следователь Артемьев рассказал, что убийство было совершено тремя лицами, по описанию походивших на нас. Таким образом, 1 часть 105 статьи переклассифицировали во вторую, добавив к ней 5 букв:

- "А": убийство двух или более лиц;
- "Д": совершенное с особой жестокостью;
- "Ж": совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
- "И": из хулиганских побуждений;
- "Л": по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

И, если первая часть этой статьи подразумевала под собой срок от 6 до 15 лет, то вторая часть начиналась от 8 лет и заканчивалась пожизненным заключением. Расписываться за это я не стал, как и советовал мой адвокат, но Артемьев, ехидно улыбнувшись, заверил меня, что здесь она окажется в любом случае. Из этого же кабинета меня вывели и провели в другой, где стояло три стула, двое из которых были заняты незнакомыми мне людьми. Каждый из них держал белые таблички, с черными цифрами: 1 и 3. Здесь проходило опознание. Меня усадили на стул между ними и дали табличку с номером 2. На все мои возражения выбрать номер самому, я слышал отказ. Когда с меня сняли наручники, в кабинет завели трех человек, которые встали вдоль стены и смотрели на нас, словно тени, а затем один из ЦПЭшников завел молодого парня, который сходу указал на меня. Все было отработано по их запланированной схеме. Следователь задал ему несколько вопросов, в том числе: при каких обстоятельствах он меня видел. Парень рассказал историю убийства того самого узбека, которого мне вменяют, и вплел в этот рассказ меня. В этот же день провели мое опознание еще и чернильницей с метисом, на которых мы напали, скрываясь, после убийства оккупанта. Чернильница меня не узнала, а вот унтерменш узнал только со второй попытки. За все эти опознания, я так же отказался расписываться, но для легавых это, по-видимому, не имело никакого значения. На меня вновь одели наручники и выведя на улицу, затолкали в машину.

Хмурые облака заволокли серым все небо, а по стеклам накрапывал мелкий дождь, капли которого растягивались в линии. Что дальше? Какой будет конечный маршрут этого автомобиля? Здание ЦПЭ? Снова пытки? Проверка на прочность? От одних этих мыслей мое тело вновь сжималось, образуя камень. Это была обычная реакция моего организма. Эта машина всегда везла меня одним и тем же путем, конечная точка которого

была уже заранее предугадана. Но сейчас автомобиль свернул на другую дорогу, поехав в совершенно ином направлении. Настороженность пронзила мой разум.

- "Что они придумали на этот раз?"

Водитель снова вывернул руль, перестраиваясь к боковой полосе, с которой свернул в лесной массив. Деревья готовились к зиме, сжигая листья разноцветными оттенками и, сбрасывая их на землю. Несколько из них упали и прилипли к лобовому стеклу, но бесперебойно работающие дворники, раскинули листья по сторонам.

- Останови здесь,- сказал Бровь водителю, который приглушил мотор возле небольшого болота.

Тут же он схватил меня за шиворот и выволок на тропинку. Дождь размыл на ней землю, превратив в грязь.

- Встал! - заорал Бровь, доставая из кобуры табельное оружие. - Давай-давай,- сопроводил он свои слова ударом ноги в область руки, от которого я снова упал наземь.

Бровь был неуравновешен, с безумными черными, как ночь, глазами. Я не мог угадать: было ли это наигранное состояние или же в нем реально, что-то перемкнуло. Двое других сели в машину и наблюдали за этой картиной из окошек. Дождь разошелся еще сильнее и стремился промочить меня насквозь. Ветерок, поддувающий и охлаждающий влажную кожу, вызывал на ней мурашки, которые колом упирались в мокрую одежду. Наконец я поднялся и отошел немного назад от смотрящего на меня черного дула пистолета. Отступление мне преградило то самое болото, пузырящееся от капель дождя.

- Ты знаешь, что по инструкции, при попытке бегства, после предупредительного в воздух, я могу стрелять на поражение? - спросил меня Бровь, снимая с предохранителя оружие. Но это был скорее риторический вопрос, после которого он заорал: - Пошел дальше!

Дальше означало в болото. Неуверенно я вступил на неустойчивое дно и прошел немного назад, пока вода не достигла моих колен. Неужели вот так все закончится? Бровь что-то говорил про показания, но я уже не слушал его. В голове пролетали мысли о близких мне людях, даже отрывками вырывались какие-то моменты, связанные с ними. Тон легавого нарастал, пока не перерос в очередной крик. В один момент я закрыл глаза и услышал выстрел, который разогнал, прятавшихся в кронах деревьев птиц. Когда мои веки разомкнулись, перед глазами предстал Бровь с вытянутым вверх оружием. Это был его психологический подход, через страх. Глупо пугать человека смертью, для которого она стала бы своего рода избавлением.

Назад меня повезли в багажнике, чтобы моей одеждой не пачкать салон

автомобиля. И лишь перед самыми шлюзами СИЗО, постелив небольшую клеенку на сиденье, меня посадили в салон. Легавые, принимавшие меня у ЦПЭшников, с отвращением смотрели на мой вид. Из худых кроссовок хлюпала вода, мокрые штаны прилипали к ногам, а под тяжестью воды, мне приходилось их постоянно поддегивать, чтоб не слетели. Кофта тоже была сырой и обвисла, как мешок, на моем сутулившемся, продирающим ознобом теле.

В камере меня тоже ждал сюрприз. Дверь и "тормоза" открылись, сокамерники, как и обычно столпились у самого входа, на случай, если мусора захотят войти вместе со мной, попрепятствовать их прохождению. А после того, как за моей спиной лязгнул засов и щелкнули замки, вся масса рассеялась по углам, продолжая заниматься каждый своим делом. Мой взгляд сразу же встретился с человеком, который сидел за столом, полуразвернувшись в мою сторону. Худое лицо со строгим, устремленным взглядом, вдруг приобрело улыбку. Я не мог поверить своим глазам... Это был Юнгер.

Глава 11.

Неожиданность, а вместе с ней потаенная радость перемешались во мне. Мы сжали наши предплечья и похлопали друг друга по спине. Вдруг редкая улыбка Юнгера вновь сменилась присущей ему лицу серьезностью. Мы оба понимали, что такая встреча в одной камере не случайна и возможно легавые специально ее организовали, чтобы через контрактников прослушать наш разговор. Подельников нельзя содержать в одной хате, но нас, по какой-то причине, поместили вместе. Насколько это возможно, мы изолировались от всех, отойдя ближе к двери. Пока я переодевался в сухую одежду, полученную от других сокамерников, я рассказывал Юнгеру о том, что мне предъявили еще одно обвинение в убийстве оккупанта. Рассказал про опознание и вывозку в лес. Его самого еще никуда не дергали, и он только ждал каких-либо следственных действий. Зато Юнгер рассказал о том, что местные опера повесили ему полосу: склонен к побегу. Произошло это совсем по нелепой случайности, когда, будучи в другой камере, он рассматривал карту тюрьмы, с расположением хат и шутил на эту тему с другим заключенным. Их слова и наличие в руках Юнгера карты, по-видимому вызвали у контрактника интерес, который последний доложил операм. Через неделю Вову привели на специальную комиссию, где и сообщили ему решение администрации СИЗО о том, что он получает полосу.

- К нам поступила информация о том, что вы имеете умысел сбежать,- этими словами была обоснована полоса.

Но долго нам поговорить не удалось. Буквально минут через 15 открылась дверь и дубак, крикнув мою фамилию, приказал срочно покинуть камеру вместе с вещами. Так я оказался в новой хате, где до этого содержался Юнгер. Камера по размерам и количеству заключенных была копией той, из которой меня перевели, разве что находилась в другом крыле Централы. В этот же вечер я познакомился с большинством арестантов, среди которых был подельник Дылды, обвиняющий последнего в "суч*стве". Именно из-за Дылды, по его словам, все они оказались тут. Меня же давно интересовал вопрос, каким образом легавые вышли на меня? По чьей вине оказался здесь я?

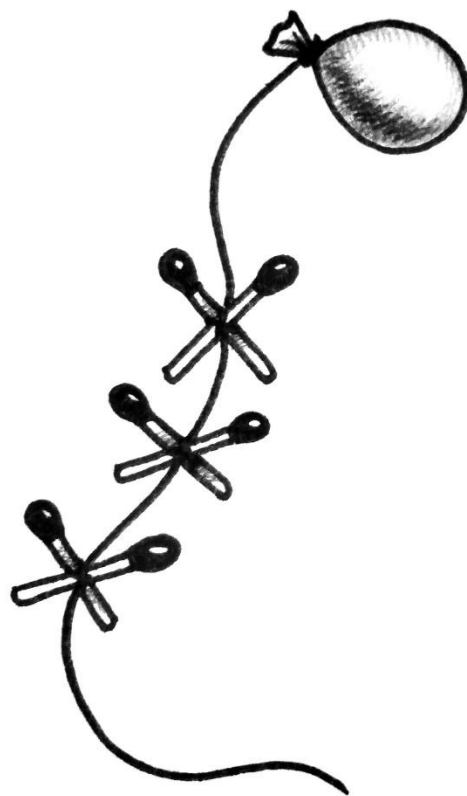
Следующий день принес мне еще одну новость. После прогулки, Юнгер не пожелал вернуться обратно в ту камеру и вертухаи перевели его в "красную" хату. Что послужило причиной такого поступка камерада я не знал. "Красный/черный" - это, конечно, выбор сугубо личный, но вся загвоздка теперь таилась в том, что мы не сможем поддерживать связь. Юнгера отрезали от нас...

После "поездки в лес" мое здоровье резко ухудшилось. Болезнь не прошла бесследно и теперь у меня появилась боль в зубах. Попасть к местному стоматологу было здесь очень проблематично, а плюс к этому меня еще и поместили в карцер на 5 суток за отказ расписываться о назначении меня дежурным по камере. Как профилактика, за это, время от времени, закрывают в карцер многих заключенных. Но также это является

хорошим предложением, чтобы поместить туда любого неугодного.

В комнате обыска, мне выдали тряпичную робу с полосами на лепне (пиджак) и штанах, а также небрежно выведенной белой краской на спине: карцер. У меня забрали все вещи, оставив только мыльно-рыльные принадлежности (кроме бритвенных станков) и полотенце. Так же с собой в карцер разрешают брать документы по делу и книгу, но ни того, ни другого я с собой из камеры не взял. Трусы, носки и сланцы - это единственное, что осталось при мне из того, в чем я пришел. Именно в трусы была замаскирована плетеная швейная нитка (за неимением капрона), а сбоку одной из сланц прикреплен спичечный черкаш. Нитка - это основное, что мне нужно было протащить в карцер.

Сам карцер представлял из себя маленькое помещение с крохотным зарешетчатым окошечком вверху. Тусклый свет одинокой лампочки, круглосуточно освещал эти затхлые стены. Сразу слева был расположен "дольняк", который нес функцию "дороги". По полу, вдоль одной из стен шла небольшая труба с горячей водой, а к другой стене крепился на замок легиматор. Легиматор - это откидное спальное место. Отстегивают его в 22:00, выдают на ночь матрац из кладовки, а в 5 утра забирают обратно и вновь поднимают легиматор к стене, закрывая на замок. Все это сделано для того, чтобы наказуемый не смог спать в неположенное время. На легиматор, с обратной стороны приварены: небольшой стол и сидение, на которые и ставятся нары, когда отстегиваются. Таким образом он предназначен для нескольких функций, в зависимости от времени

суток. Моя задача состояла в том, чтобы "построиться" с хатой надо мной. Дорога с ней будет выручать меня все эти дни хоть чем-то, так как из местной посуды есть было нельзя. В щелях, между досок, я нашел горелые спички, которые начал связывать ниткой. Получилось, что спички были связаны по две, образуя крестики, которые располагались друг от друга на расстоянии примерно 10 сантиметров. На конце плетеной нитки, я привязал небольшой грузик из обломка цемента от стены, который поместил в обрывок найденной тряпки. Теперь к построению я был готов, поэтому, вскарабкавшись до потолка,

ударил в него три раза кулаком. В ответ мне послышался один удар, что означал "расход", но в данном случае он говорил о том, что меня услышали. По трубе дольняка, я услышал, как стекает напором вода. Затем послышались звуки, как откачивают тряпками остатки воды. Я тоже спустил напор и последовал их же примеру, взяв у порога тряпку, предназначенную для вытирания ног. Рядом с дольняком находилась урна в которую выжималась оставшаяся вода. Совсем скоро, по пустой, избавленной от воды трубе, я услышал голос: - Восемьдесят первый! Восемьдесят первый!

- Говори! - крикнул я в "лунку".- Я вас слышу.

В разговоре с ними, как тут выражаются по "телефону", я назвал себя, хату из которой меня привели, и количество суток, выписанных мне администрацией СИЗО. Пока один из них принялся писать курсовую в мою хату, мы занялись построением "дороги по-мокрой".

- Заплывай! - последнее, что крикнули мне, после чего послышался напор воды, а я, тем временем, заткнул лунку "морковкой".

Когда вода заполнила дольняк по самые края, я опустил в нее груз с веревкой и крестиками, держа нитку за другой конец. Вырванной из лунки "морковкой", вода начала уходить в нее, образуя небольшую воронку, увлекающую за собой грузик, вслед за которым ушли крестики из спичек. Нитка натянулась... Весь принцип построения такой "дороги" состоял в том, чтобы мои крестики, переплелись с крестиками верхней хаты или зацепили их контрольку (нитку). Так и получилось. Когда я начал тянуть нитку обратно на себя, то услышал скрежет по трубе и почувствовал сопротивление нити. Из лунки появились мои крестики, вперемешку с капроновой нитью и крестиками соседей сверху. Вслед за контролкой я вытащил и "дорогу", выполненную из пропилен мочалки, которую привязал к трубе. Моя изначальная задача была выполнена.

Груза и малявы, проходящие по этой "дороге", заплывались в несколько слоев полиэтилена, чтобы обеспечить полную сохранность содержимого от влаги. Таким образом я получил несколько сигарет, конфет, небольшой пакет из под молока, который будет для меня выполнять функцию посуды, а так же немного кофе, спичек и чиркашей. Все это я спрятал по камере в разные места, при этом заняв новые тайники (курки). В одном из таких я нашел стержень от ручки и сложенный в несколько слоев лист бумаги. Теперь до утра я решил отдохнуть и, только опустив голову на подушку, меня тут же накрыл сон. Проснулся я уже от топота сверху. В потолок били ногами, как по барабану. Поднявшись с нар, мой взор сразу же устремился на натянутую дорогу. Вытащив ее на себя, в ней пришел листок с кроссвордом, стержень и короткая малява: "Скоро у тебя будут забирать матрац, давай сниматься. Кроссворд тебе на день, голову поломать. До вечера!"

Я отвязал "дорогу" и пробил два раза в потолок. Дорога ушла, а вместе с ней и связь со всеми хатами тюрьмы. Утром, вместе с проверкой, в камеру зашла "шмон-

бригада", которая досконально осмотрела помещение. Это была стандартная процедура в карцерах на наличие запрещенных предметов. У меня нашли несколько спичек и пару конфет, которые тут же были выкинуты на коридор. Легавые провели аналогичные процедуры с каждым карцером, после чего на коридоре возникла тишина. Разложив полотенце на полу, рядом с проходящей трубой, от которой исходило немного тепла, я прижался к ней боком. Кое-как устроившись по удобнее, меня захватила дрема. Каждый случайный звук на проходе пробуждал мое сознание. Спустя время послышался шум тележки с баландой и я поспешил достать спрятанный пакет из под молока. К сожалению, он оказался не востребованным, так как надзиратель, находившийся рядом с баландером, запретил последнему накладывать баланду в пакет.

- Хочет жрать, пусть жрет из посуды, которую ему дают,- сказал он так громко и отчетливо, чтобы я услышал.

- Пусть ее на голову себе оденет, вместе с баландой, как каску,- так же громко ответил я в кормушку.

Мои слова вызвали такую ненависть у легавого, что тот вызвал еще несколько бравых ребят, которые через пять минут лупили меня дубинками и устроили еще один шмон. Звуки избиений слышали другие карцера, которые начали бить ногами в двери и греметь, как только можно, чтобы создать наибольший шум. Шум и вправду возымел успех, так как легавые перестали махать дубинками и принялись словесно успокаивать другие камеры. Этот шум могли подхватить другие хаты сверху и тогда бунт был бы неизбежен. Особенно сильно я не пострадал. Да и после ЦПЭ все эти удары были легко переносимыми. Для меня это был первый инцидент с применением насилия в карцере. Пакет из-под молока у меня нашли и забрали. Да и с появлением другого - ничего не изменилось. Баланду наливали только в местную посуду, поэтому все 5 суток пришлось просидеть на воде, хлебе и тех небольших грузах, что отправляли мне по "дороге".

Вернувшись в камеру, я смог вдоволь наесться и заодно помыться, так как мой выход из карцера совпал с предстоящим днем "бани". Но 5 суток моей изоляции не прошли без последствий. Очевидно от того, что днем спать приходилось на полу, у меня образовался нарост на десне, рядом с зубом, который беспокоил. Я написал еще одно заявление к стоматологу, в надежде, что это послужит более быстрому посещению его. Оставалось ждать...

Как ни странно, все эти дни меня не возили на этапы. Но это тишина, заставляла насторожиться. Сокола тоже не вывозили, а о судьбе Юнгера было ничего не известно. Теперь оставалось только ждать какие козни выкинут нам системные псы. Ожидание - это самое худшее. Твой мозг постоянно прокручивает и накручивает самые разные события, которым, возможно, и не суждено случиться. Ожидание гложет изнутри, как голодная собака кость. Поэтому лучше бы уже все произошло, чем сидеть в неведении чего-то.

Тем временем не хорошие слухи обо мне все больше росли на воле. Слухи, как семена, их стоит только посеять, а взрастят их неугомонные языки. Легавым они всегда на руку, как способ создать междоусобицу. Жаль только, что многие камерады не в силах понять этого. Я знал, что люди, хорошо знающие меня, не будут верить им и сделают выводы, лишь когда ситуация будет известна со всех сторон. А она в любом случае прояснится, нужно только выждать время.

Через пару дней, в СИЗО меня навесил следователь. Его вопросы были связаны еще с несколькими трупами. Он перечислил месяца убийств, некоторые из которых я провел на корабле, а значит имел 100% алиби, ведь выход с судна, всегда фиксировался временем и росписью на рецепшне. Вот только карты я раскрыл преждевременно. На следующий день адвокат рассказал, как мы могли бы развалить все дело, если бы я не заикнулся про корабль. Но моя отбитая голова, была, мягко выражаясь, не светлой. Да и постоянное напряжение выдавливало из меня эмоции. Это было моей ошибкой.

Время в камере я не терял и старался провести с пользой. Книги не особо шли в голову, так как плохо понимались из-за множества мыслей и переживаний, а вот тренировки во двориках шли на пользу. Они хоть как-то отвлекали меня и приводили самочувствие в порядок. Некоторые упражнения, например такие, как приседания, я выполнял с одним из сокамерников, а в самой камере из бутылок, веревок и сумки, сделал что-то наподобие отягощения. Вес повышался или убавлялся за счет бутылок с водой. Так же такое отягощение заменяло не совсем удобную гантелю и гирю. А помимо спорта я читал уголовный и процессуальный кодексы. Поэтому я имел поверхностные знания и представления о судопроизводственной системе. Но, как показывал мой опыт, то что написано на этих страницах резко отличалось от того, что делают системные псы. С их стороны было уже множество нарушений и, как я понимал, далеко не последних. Система идет вопреки своим же писанным законам... Здесь нет такого понятия, как "презумпция невиновности", так как не система должна доказать твою виновность, а ты свою невиновность. И как видно, это мало у кого получается...

В один из дней я, наконец, дождался посещения стоматолога. Как оказалось, это была щупленькая девчужка практикантка, которая "набивала" руку на заключенных. И, как я позже убедился, работа с зубами была не для нее. У меня образовалась киста на том самом больном зубе, который без всякого наркоза сначала сломала, а потом выковыривала по осколкам юный стоматолог.

- При кисте не делают анестезию,- пояснила она. - Нерв не реагирует на нее.

Заключенный, работающий при местной стоматологии, обеими руками держал мою голову, прижимая к креслу, в то время, как девушка ковыряла у меня во рту. Из моих глаз сыпались искры, словно это был какой-то парад звезд. Таковую резкую боль мне не причиняли даже в ЦПЭ. Кисти готовы были вырвать подлокотники, а мозги сходили

с ума от "прострелов" нервов. Когда процедура с удалением зуба закончилась, девушка приступила к удалению самой кисты, запустив в образовавшееся отверстие крючок. Не описать ту боль, от которой я взмок. Но чудо все же произошло, и стоматолог справилась со своей задачей. Еще неделю у меня болела челюсть. Квалификация врачей в тюрьме оставляла желать лучшего. Болеть в этих местах чревато последствиями, но не болеть редко у кого получалось. Иммунитет в тюрьмах резко падает, а постоянные нервы дают почву для прорастания все новых болезней.

В один из вечеров, когда "дороги" во всю бегали из камеры в камеру, нашу дверь раскоцали, но открывать не спешили. Все было уже приготовились к очередному шмону, столпившись около двери, но, как оказалось напрасно. Надзиратель раскрыв дверь настежь, следом открыв "тормоза", и на пороге хаты появился парень с испуганным видом. Двери за ним захлопнулись, заключенные разошлись, но он продолжал стоять на месте, как вкопанный. Я сидел возле кáбуры и держал в руках запреты, которые был наготове передать в соседнюю камеру. Обзор от меня скрывало одеяло, которое заграждало кáбуру, поэтому я слушал, если вдруг пробьют мусоров. Но дверь закрылась и все опасения исчезли вместе со звуком замков.

- Чего встал? - слышался голос кого-то из сокамерников. - По жизни все ровно? - но ответ по-видимому был настолько тихий, что я только услышал: - Ну так проходи тогда. Хата людская...

Прозвучал чуть слышный звон маленьких стальных предметов, которые ударились об бетонный пол. Звук был не одиноким, что говорило об их количестве. Это были мойки. Из-за одеяла, как раз вышел тот самый парень, которого только завели. Он стоял ко мне боком и его левая рука была перевязана кровавым бинтом.

- Ты вскрывался? - спросил его кто-то и все, как один, сразу заострили свое внимание на нем.

- Да,- очень тихо ответил он. - В "красную" опять хотели закинуть...

- Понятно... Как звать-то тебя, суицидник?

- Меня Колька зовут... Колька Рыбак.

- Колян! - тут же окликнул его я, услышав погоняло.

Это был тот самый, некогда веселый и не унывающий парень, с которым мы сидели в одной камере, но после распределения оказались в хатах с разным окрасом. Тогда его силком, прям из бокса утащили в камеру, после которой он стал "другим" человеком. В его глазах уже не было той искры задора, что сверкала прежде. На лице не было веселья, а скорее нависла занавеса серьезности. Его движения стали неуверенными, а уста не сыпали шутками, как бывало это раньше. В его облике я узнавал Рыбака, но все остальное было будто бы подмененное. Когда мы с ним начали разговаривать, я заметил

на его руках еще не совсем давние шрамы от мойки, которые словно шпалы были выложены на предплечьях. Все это было свидетельством его неудавшихся попыток покинуть ту камеру. В ней каждый день избивали кого-нибудь из заключенных либо за нарушение режима, либо, когда по кому-то поступала информация от оперативников. Явки с повинной писали там все без исключения, если в этом была необходимость. Несколько раз доходило даже до изнасилования инородными предметами. "Козлы" там не гнушались ничем. В ход шло абсолютно все, лишь бы был эффект. Сами же они были тоже под "эффектом". Оперативники приносили им все: от телефонов до наркотиков. "Обиженные" в этой хате имели особый статус и имели больше привилегий, чем "мужики". Им разрешалось курить больше, чем остальным, доставалась еда из передач "мужиков", некоторым даже разрешалось спать днем. Такое положение они оправдывали тем, что по приказу "козлов" целовали неугодных "мужиков", тем самым превращая их в себе подобных. Так же "обиженные" командовали и следили за соблюдением режима "мужиками". Это делалось специально, чтобы подавить их волю. За то, что Рыбак вскрывал вены, не желая возвращаться в эту камеру, он сам чуть было не угодил в петушатник, но чудом удавалось избежать этой участи. Режим там был такой, что днем нельзя было даже присаживаться на шконку, не говоря уже о том, чтобы прилечь. Позволялось это только за "хорошее" поведение, которое подразумевало под собой нехорошие поступки. Курили 3 раза в день рядом с дверью, у вентиляции: после подъема - на прогулке (выход на нее 100%), на обеде и перед вечерней проверкой. По выходным, если у главного "козла" было хорошее настроение, он разрешал покурить 4 раза. На прогулке заключенные тоже не могли расслабиться. Каждый день их ждало все новое коварство. Два или три человека были грушами, на которых глав-шпан отработывал удары. Остальные делали зарядку или убирались во двориках. Те, кто плохо выполняли, возложенные на них поручения, наказывались либо изъятием одежды, оставаясь в одних трусах, либо отжиманиями и прочими физическими нагрузками до изнеможения. Порой, извращения доходили до того, что вся камера выходила на прогулку после дождя со своими полотенцами и перед ними ставилась задача сделать дворик сухим. Заключенные полотенцами сушили лужи, протирали асфальт и лавочку. Чтобы сходить в хату в туалет, нужно было брать разрешение у дежурного "обиженного" и если он давал добро, то к заключенному приставлялся еще один "обиженный", который вставал рядом и следил за тем, чтобы заключенный не вскрылся или не нанес себе других увечий. В этой камере было нельзя покончить с собой, но с тобой покончить могли.

Вся эта атмосфера сильно поменяла Рыбака. Если бы я его не видел и не общался с ним раньше, то подумал, что он всегда был таким. Человек замкнулся в себе настолько, что "разморозить" его теперь было долгим процессом. В нашу беседу вмешался еще один сокамерник по прозвищу Клин. Наверное, чтобы немного утешить Рыбака, он рассказал, какими бывают "черные" (людские) хаты.

- Да, в ней было "общее" и те, кто отвечал за него,- говорил Клинт, вспоминая отрывки из хаты, где он побывал. - Вот только на "общий мешок" не уделялось, как это должно быть, а собиралось, в прямо смысле этого слова. Смотряга и его преспешники вели себя, как "козлы". У мужика, получившего передачу, изымались все продукты и отдавалось обратно то незначительное, что посчитали нужным "братва". На все возмущения они отвечали просто: - "Ты что не порядочный? На "общее" не хочешь "уделить"? Что тебе жалко из всего этого? Кишкой живешь? Так это мы быстро исправим и сразу найдешь свое место." Таким образом "батва" (а именно так их можно было назвать) объясняли свои действия, как шакалы, дербаня мужицкие передачи, которые кому-то заходили, собранные на последние гроши своих родственников. Те, кто пытались это донести до других хат сразу же наказывались, так как местная братва умела преподнести другим все в таком свете, что арестант, кинувший тень на них, объявлялся интриганом и спрос с него был жестоким. Другие сокамерники видя этот беспредел, просто молчали, не желая повторить участь других. А братва жила без нужды. Они сами питались тем, что забирали на "общее". Нередко происходили и вымогательства. Например звали кого-нибудь из арестантов в угол, давали телефон и говорили, что нужна некая сумма денег на "общие" нужды. Если мужик противился, они принуждали его сделать это и объясняли самые хмурые перспективы на его будущее в этой камере. С некоторых брали деньги за то, чтобы заключенному жилось в хате хорошо. Во всяком случае они каждый раз гарантировали это, давая реквизиты для перевода суммы. Были и такие, кто покупал спальные места по ближе к "братве".

Клинт поведал еще всякие особенности былой камеры и в заключение рассказал, как в один день "золотая жила" братвы обернулась полным фиаско. В хату тогда завели новенького, который был арестован по 131 статье - изнасилование. В истории тюрем встречается множество народу, кто оказывается на самом деле жертвой этих трех чисел. Обиженные на что-то дамы пишут заявление, выдавая себя за потерпевших, хотя на самом деле все происходило по обоюдному согласию. Пару поставленных себе синяков, дают следствию твердую почву, чтобы признать факт изнасилования. Одно время орудовали "девушки легкого поведения", у которых заранее была договоренность с местным участковым или другим представителем власти. "Бл*дский бизнес" шел в гору по мере инстинктов представителей мужского пола. "Дамы" спаивали свою жертву, после чего затаскивали в постель. После акта они требовали деньги за секс, угрожая заявлением об изнасиловании. Если мужик не велся на подобные слова, то по сценарию действовал уже участковый, который приходил с заявлением об изнасиловании и предлагал решить на месте, пока заявлению не дали хода. 90% сразу же залазили в кредиты, либо так находили деньги, а другая часть пыталась отстоять свою правду там, где ей не приемлют. В итоге получали тюремные сроки, но помимо этого судом обязывались к выплате моральной компенсации "потерпевшей". Одним из таких был и новенький, которому сразу же задался ряд вопросов, касаемо дела. Братва не могла упустить такой возможности наживы и сразу же обозначила ежемесячную сумму, чтобы по нему не поднимали вопросов. При отказе,

грозили определить его в "петушатник". И все бы вышло так, если бы муж сестры этого парня не имел влиятельного значения в криминальных кругах. С этого и начался "разбор полетов" в этой хате. Все, кто финансово пострадали от "братвы" тут же излили души и, по решению смотрящего за тюрьмой, "братва" была "приговорена" к неминуемым пи*дюлям, с последующим изгнанием из "людских" хат. Обычно такие потом становятся в "красных" камерах "старшими" и накручивают режим, либо идут в "пресс-хаты" ломать заключенных. В основном каждый, занимающий высокую должность или положение среди "красных" - это бывший "блатной", некогда рассказывающий арестантам за тюремные понятия и жизнь в порядочной массе. Порой обстоятельства меняют людей до неузнаваемости, перевертывая все их внутренние принципы и идеалы в противоположную сторону. Как писал Максим Горький: "Жизнь ломает людей без шума, без криков, без слез, незаметно". Человек сам того не замечая ломается изнутри, отрекаясь и забывая свои внутренние устои, некогда составляющие стержень его сущности. Но только верные и сильные духом остаются неизменными.

Можно много говорить о "цвете" камер и приемлемости националиста выбирать между ними. Но тогда мы уйдем от истинной сути национализма. "Цвет" камер и соратников в тюрьмах имеет веское значение только для местного контингента, а выбирать между ними это личное дело каждого узника. Узники совести и военнопленные в первую очередь не должны поколебать свою Верность, Честь и не запятнать наш Путь Борьбы, прокладывая и неся его в своем сердце, сквозь стены заточения. Мы не "красные" и не "черные", наш цвет - Белый! Именно Белыми нам оставаться внутри, вне зависимости от разноцветных масс заключенных.

Тюрьма - это трудное и долгое испытание для каждого националиста, но оно не должно побороть дух и волю. Тяготы заключения наоборот должны закалять нас, как сталь закаляется под действием перемен температуры. Так пусть перемены делают нас совершенней!

Глава 12.

Время - удивительная штука. Оно способно создавать и разрушать. Оно дарит жизнь, но в свою очередь несет смерть. Время нельзя взвесить или пощупать, но зато можно почувствовать, да и то с опозданием. Его никто не видел, но все знают о его существовании. Одним его не хватает, у других оно в избытке... Каждый в силах распорядиться им, но мало кто это делает, поэтому время берет власть в свои руки. Время любит цели и мечты, к которым прорубают дорогу сквозь него, но это не значит, что путь к ним становится проще. Наоборот, время загромождает пути преградами из трудностей, чтобы к своим целям и мечтам дошли только те, кто готов за них бороться. Именно борьба составляет критерий, по которому можно судить о целях и мечтах. Чем больше борьба, тем больше мечты, чем выше риск, тем выше цели! Все закономерно...

Я готов пройти через все, следуя выбранного Пути и ломая преграды. Я ясно вижу цель и со мной всегда мечты, которые, с каждой пройденной трудностью становятся все ближе. Из своего опыта я знаю, что каждый, самый тяжелый момент жизни рано или поздно проходит, его лишь нужно побороть в первую очередь в самом себе, не сломаться. Может быть поэтому по моим карманам были разложены мойки от бритвенного станка. Псы режима, в последнее время, почувствовали свою полную безнаказанность и делали все, что им заблагорассудится. Свою вседозволенность они вымещали на заключенных, избивая и издеваясь, как и когда им захочется. Иногда это была пьяная агрессия, иногда личные неудачи в жизни, которые влекли за собой ряд последствий для арестованных. Чаша беспредела наполнялась с каждым днем и со вчерашнего вечера прошла информация о готовности к предстоящему бунту. Иногда, чтобы отстоять свои права приходится проливать кровь, и не обязательно чужую, но и свою. А мойки лежали в моих карманах, не только на случай крайних мер при бунте, но и потому, что возобновились мои этапы в ЦПЭ. Теперь их интересовал не только первый труп оккупанта и покушение на унтера с чернильницей, но и новый труп узбека, по которому меня возили на опознание. Последний раз меня привезли из ЦПЭ с сотрясением мозга и отбитыми ногами, как ни странно без явных следов побоев. Сотрудникам СИЗО сказали, что я был очень неуклюжий, поэтому постоянно спотыкался и падал. "Тюремщики" естественно спрашивали о моем состоянии лишь формально, при этом прекрасно понимая происходящее. Они и сами промышляли подобными воздействиями, поэтому дружелюбно улыбались и жали руки ЦПЭшникам. Мне очень хотелось положить конец этим этапам пыток, поэтому я решил вскрыть вены либо по дороге в здание "не любителей экстремизма", либо в самом их кабинете. Вся суть плана заключалась в том, чтобы "вскрыться" вне стен СИЗО, тогда вся ответственность случившегося легла бы на плечи ЦПЭ. Истечь кровью они бы не дали, так как за мой труп им бы пришлось делать множество "отписок", а кому-то, возможно, и лишиться должности. Допустить подобное не в их интересах. И теперь, сидя на заднем сиденье автомобиля ЦПЭ, в наручниках за спиной, я пытался достать из заднего кармана

джинс одну из моек, чтобы при удобном случае вскрыть вены. Мои движения приметил легавый и мне уже казалось, что план разоблачен.

- Чего ты там делаешь? - сказал он и, наклонив меня вперед, полез осматривать руки. - Наручники, что ли пытаешься расстегнуть?!- и сжал их до такой степени, что кисти прорезались острой болью.

Вслед за этим по затылку прилетел удар ладонью. Сотрясение дало о себе знать и в голове возобновилась боль. Во всяком случае они не поняли моих намерений, что сохраняло мои шансы на "вскрытие". Я готов был залить им весь салон кровью, лишь бы достигнуть желаемого результата, но проделать это было пока невозможно. Пришлось ждать кабинета...

У бывалых "зека", с которыми я пересекался в "отстойниках" и "квадрате", по возвращению на тюрьму, я узнал несколько способов, как эффектно "вскрыться". Эти арестанты прошли несколько режимных лагерей, поэтому опыт в подобных делах у них имелся. Вены на руках, как они выражались, это уже "заезженный" вариант. Им не удивишь так псов режима, как вскрытием живота или шеи. Кожа в этих местах оттягивалась одной рукой, а рука с мойкой резким движением полоскала по ней. Кожа тут же расплзалась в стороны, образуя ужасное зрелище, но при этом не задевались вены и органы. Конечно, такой вариант был возможен, при наличии обеих свободных рук. В камере я тренировался, "примеряясь" перед зеркалом над умывальником, оттягивая кожу и шваркая по ней пальцем, вместо мойки. Обычно я это проделывал, когда ходил в туалет, так как занавешивающая "дольняк" простынь, скрывала меня от посторонних глаз. И теперь, ехав в автомобиле туда, где меня ждали очередные истязания, я прокручивал в голове картину "вскрытия". Морально я уже был готов к этому, оставалась только физическая часть этого "мероприятия".

В кабинете, меня, как всегда, усадили на стул, не расстегивая наручников, лишь немного расслабив их. Все повторялось заново... Беседы в спокойном тоне; крики; брань; несколько резких, неожиданных ударов; снова разговор с элементами мата и оскорблений, который сменялся другим, "якобы хорошим" собеседником, желающим исключительно "добра". После игры в "плохого и хорошего полицейского", следовал последний, контрольный вопрос и весь этот цирк сменяли уже совсем не веселыми методами добывания нужных следствию показаний и явок с повинной. До этого момента я дожидаться не стал и поэтому решил действовать, после не долгих оскорблений и ударов "плохого полицейского".

- Все...все...хорош мужики,- вдруг прервал я легавого. - Давай напишу, что надо...

Лицо ЦПЭшника сразу же преобразилось настолько, что не могло скрыть эмоций радости. Оно было сродни ребенку, которому купили вкусняшку. Глаза загорелись

огнем величия. Он даже немного замешкался, не ожидая подобного поворота событий. Ведь раньше я переживал и более тяжелые испытания, а тут сдался на каких-то прелюдиях. Оживились и двое других псов, находившихся на тот момент в кабинете. Один вышел за дверь и тут же вернулся со Сташенко, которого, судя по бокалу в руке, оторвал от чаепития.

- Я же знал, что ты нормальный парень, Радислав!- с улыбкой на лице сказал он, похлопав меня по плечу.- Не знаю чего ты раньше дурил. Ведь давно все известно и написано. Друзья у тебя были вот намного предусмотрительней и не затягивали все это до такого момента. - Он сделал небольшую паузу, одним глотком допив содержимое кружки и поставил ее на стол. - Ну ничего... Мне нравится твой упрямый характер! Конечно дров в жизни он тебе еще наломает, но с другой стороны, в некоторых периодах жизни, скажется положительно.

Еще недолгое время Сташенко философствовал, после чего вдруг опомнился и сказал коллегам, чтобы те отстегнули мне одну руку.

- "Подстраховывается",- подумал я.

Мне расстегнули одну руку, освободив от наручников и тут же пристегнули вторую к спинке стула. Я просчитывал траекторию моего движения, по которой должен был приподняться со стула, развернуться боком и, вывернув скованную руку внутренней стороной, полоснуть по ней мойкой. Я не был уверен, что все эти маневры мне позволят проделать системные псы, поэтому все предстояло делать на максимальной скорости. Пока Сташенко рассказывал о моих "выгодных перспективах" и раскладывал передо мной ручку и листок, я полез в задний карман джинс за мойкой. Нащупав тоненькую металлическую пластинку указательным и средним пальцами, я достал лезвие и переложил его между большим и указательным. Быстро встав со стула, так что звякнула цепочка наручников, я вывернул пристегнутую руку обратной стороной, но последний штрих моего плана потерпел фиаско. Руку, которая сжимала лезвие, тут же перехватили и заломали за спину, чьи-то руки надавили мне на плечи, чтобы я опустился на стул, а тяжелый удар колена прилетел мне в область груди так, что перебил дыхание. Легавые выполнили все действия синхронно, будто заранее репетировали перед этим.

- Нет... Все-таки упрямство тебя погубит,- сказал Сташенко и, развернувшись, направился к выходу. - Занимайтесь,- бросил он уже коллегам, закрывая за собой дверь.

В этот раз, связав меня в "конверт", системные псы использовали электрошокер, который оставил на моем теле множество парных точек. Это были небольшие ожоги. Их я уже смог рассмотреть, когда меня привели в комнату обыска на СИЗО. Раздевшись догола, один из легавых брезгливо спросил: - Ты болеешь чем-то?

- Да,- сходу ответил я, взглянув на точки ожогов и для эффекта начиная чесать рядом с ними. - Зудят дико. Не знаю, что такое...

Легавый, хоть и был в перчатках, насторожился и, подцепляя мою одежду двумя пальцами, лишь потряс ее, не решаясь щупать полностью.

- Запреты с собой какие имеем? - поинтересовался надзиратель, скорее формально произнеся отрепетированную фразу.

А запрет при мне был всегда - это Честь, которую всячески пытаются отнять или поколебать в тюрьме. Причем стараются сделать это не только псы режима, но и другие заключенные. Честь в тюрьме редкость, отсюда и такой спрос на нее. Потерявшие, пытаются ее вновь приобрести, забывая, что она не возвращается. Не имевшие Чести, из зависти, стараются ее отнять у других. Тюрьма забрала у меня многое: свободу, которая развязывала мои руки для ведения Борьбы; друзей, соратников, девушку, которые говорили и клялись в Верности; родных, с которыми разделила заборы и колючей проволокой; но она не в силах забрать у меня Честь, которая обретает смысл в моей Верности и непоколебимости.

- Ага,- улыбнувшись, ответил я.- Одни запреты и везу.

- Не умничай,- грубо ответил легавый, завершая процесс обыска.

Я оделся и меня сопроводили в "квадрат", где уже находилось около 10 заключенных. Некоторые из них дремали, присев на корточки, другие вели оживленный разговор, передавая по кругу чифир. Когда я зашел, в помещении повисла небольшая пауза, которая нашла свое продолжение после щелчка дверного затвора. От чифира я отказался, но с интересом слушал их беседу. Разговор шел за последнии произвола и беспределы со стороны псов режима. Каждый делился тем, что знает, но к этому прибавлял еще и то, что лишь слышал из других уст. Слухи - это постоянное явление в тюрьме.

Все хотели быстрее вернуться в свои камеры, чтобы застать бунт в них. Все-таки "квадрат" был неудачным местом для этого, если хотя бы взять его расположение. Рядом с ним был выход из здания, который послужит так же и входом для "подкрепления". Помимо этого, кругом и так были одни легавые и их кабинеты. А первые, кто попадут в самый пик мусорской агрессии, окажемся мы и прилегающие рядом "отстойники". Каждый из нас это прекрасно понимал, поэтому некоторые постоянно шумели в дверь и спрашивали у надзирателя, когда будут разводить по камерам.

- Как только, так сразу! - слышали они один и тот же ответ.

Наконец, перебрав все слухи и утомившись, беседа становилась все малочисленнее, пока полностью не исчерпала себя. Этапы изнуряли и всем хотелось спать, поэтому каждый устроился в разных местах "квадрата" и пытался подремать. В помещении воцарилось молчание, а капли воды из подтекающего крана, выбивали один и тот же ритм, падая на бумагу и другой мусор. Я уткнулся носом в ворот кофты, чтобы меньше чувствовать смрад, витающий в этих стенах. Кто-то из заключенных посапывал, а постоянные передвижения на коридоре отдавались эхом и проникали во все прилегающие помещения. Мой слух улавливал каждый звук, но при этом не тревожил сонного состояния. В тюрьме быстро к этому привыкаешь: сознание дремлет, а слух не прекращает свою работу и в любой тревожный, сомнительный момент может разбудить сознание. Во снах я каждый раз пытаюсь вернуться обратно туда, где находится мой дом, родные и друзья. Туда, где меня не ограничивают в передвижениях. Где я могу видеть небо, любоваться Природой и вдыхать полной грудью ее воздух. Я пытаюсь хоть не на долго покинуть эти стены, обнесенные колючкой и решетками. Пытаюсь... Но открыв глаза я вновь попадаю в камеру, наполненную заключенными, клопами и тараканами. Ко мне возвращается боль, причиненная псами системы и предательство со стороны тех, кто был дорог. Иллюзия, созданная сонным сознанием, разбивается, как корабль, налетевший на скалы. Нет ничего вокруг... Только я. Один на один со своей судьбой.

Дальше началось то, что все ждали. Мой слух изначально уловил движения на коридоре. Они были более активными, чем обычно. Хлопали двери, надзиратели передвигались быстро, выкрикивая друг другу оборванные фразы. Шумы и помехи раций стали звучать чаще, а где-то на улице начали рвать глотки собаки. Как приближающийся ураган, я слышал нарастающий гул. Это были многочисленные удары в двери камер. Представьте большую столовую, наполненную людьми и все эти люди начинают бить ложками об стальные тарелки или столы. Эффект звуков был схожим. Я открыл глаза и увидел, что все, кто находился в "квадрате", как один, тоже разомкнули глаза. В одних я читал страх: они быстро бегали в разные стороны, а в других настороженность и сосредоточенность: они в основном смотрели на дверь и лишь плавно переводили глаза на других, будто бы спрашивая: - "Вы тоже это слышите?". Наконец я и еще пару человек быстро подошли к одной единственной двери и прижались к ней ушами, чтобы убедиться в происходящем. "Волчок" двери быстро отдернулся, своим движением отпугнув заключенного, слушающего напротив него. Надзиратель словно давно затаился там и, услышав движение, решил проверить, что происходит внутри. Его одинокое око блуждало по углам и заключенным, осматривая помещение. Многочисленные звуки ударов были уже довольно явными и сливались в один сплошной шум. Тюрьма кричала, скрипя железом.

- Бунт! - крикнул я с какой-то нотой радости в голосе.

Как любитель антисистемного, я не мог не возрадоваться сложившимся обстоятельствам. Подобная атмосфера зажигала во мне пламя адреналина, которое быстро распространялось по всему организму. В следующий миг я тут же ударил в дверь с ноги и глаз надзирателя в "волчке" пропал, сменившись задвижкой. Мы все собрались у двери и били по ней чем только можно: руками, ногами, алюминиевыми кружками. В рядом расположенных "отстойниках" поддерживали бунт и тоже подняли шум. Я слышал, как в одном из них сломали "кормушку" и это отверстие позволило усилить звук, доносившийся из помещения. Один из тех, кто находился со мной, снял с себя футболку, порвав ее на длинные лоскуты, и разложив рядом с дверью, а также в ее щели, поджег тряпье. При бунте главное создать максимальный эффект, чтобы дезориентировать и шокировать псов режима. Мы тоже старались бить по "кормушке", чтобы открыть ее, но засов по-видимому был тугим и не поддавался нашим ударам. На коридоре уже слышался топот берц и лай собак. Четвероногие здесь натасканы так, что готовы рвать заключенных. Их хриплый рык свидетельствовал о натяжении ошейников, которые сдерживали собак. Лай, крики, помехи раций, сирены - все это создавало в воздухе общий хаос. Неразбериха звуков, вперемешку с движениями на продоле, лишь отдаленно давали нам представление о происходящем за дверью. Я знал, что "компетентные камеры для разговора", будут требовать беседу с начальником управления по правам человека, а также начальником СИЗО. Но перед всем этим нужно показать всю серьезность наших намерений, своего рода силу, направленную против Системы. Показать, что хоть мы и лишены свободы, но не утратили духа. Остаться безучастным было просто нельзя...

В следующий момент в нашей двери прозвучали характерные звуки отодвигающихся засовов, и мы все отпрянули назад. Ткань футболки уже не источала огня, как прежде, а лишь дымила, сквозняком увлекая часть дыма в щели двери. Только по одним звукам я мог предположить большое количество легавых по ту сторону. Когда дверь распахнулась мои предположения оказались верны. Первыми в помещение ворвались собаки, удерживаемые длинными поводками, которые прижали нас к стенам. Их пасти лишь в нескольких сантиметрах от тела смыкали зубы. Некоторые из них кидались лапами на заключенных, зацепляя когтями штаны и кофты. Тогда легавые отдергивали псов назад с криками: - Всем встать к стене!

Выбора у нас не было... Между собак просочились "режимники" при полной амуниции, которые, как шашками, начали махать дубинками.

- Лежать с*ки! - доносилось из их уст.

Удары дубинок прожигали тело даже сквозь одежду. Я закрывал голову руками, лишь бы по ней не приходили удары. Но, легавых прибывало все больше, а соответственно увеличивалось и число дубинок. Пропустив пару ударов из моих глаз брызнули звезды и заложило уши. Координация была нарушена, а ориентация в пространстве потеряна. Кто знает, сколько еще ударов приняла моя голова на себя, но все

происходящее перед глазами потухло и в голове сверкнула яркая вспышка...

Такой ясный и солнечный день... Ни хмурого облачка, ни серых оттенков пейзажа. Временами трепещут зеленые листья деревьев, содрогаемые теплыми порывами ветра. Он словно что-то шепчет, передавая слова, через звуки листьев. Я слушаю их шелест, отсеивая все остальное. Лучи солнца переливаются на речках и озерах. Я лежу на зеленой прохладной траве и слушаю пение птиц. Это моя Родина... Я вдыхаю Русь и чувствую все ее величие и красоту. Я вижу белых детей, которые радуются и резвятся между собой, их Матерей - белокожих славянок, чьи улыбки, как лучи Солнца, сияют на устах, их отцов - крепких духом и телом славян... И не могу не радоваться, что Земля наших предков принадлежит нам - славянам. Нам, кому по праву она и должна принадлежать. Нам, кровным потомкам славных дев и мужей, чей кровью пропитана эта Земля. Все это Русь - Мать всех славян. Но в одночасье ясное небо заволакивают темные тучи, которым, казалось, и неоткуда взяться в такую погоду. Птицы замолкают в преддверии чего-то не доброго и наступает тишина... Но не на долго. Это такое затишье перед бурей. Приятный ветерок и тот превращается в завывающий ветер, который еще быстрее сгоняет хмурые тучи. И вот уже не видно ни единого просвета, словно землю накрыли сплошным темным куполом. А свист ветра переходит в вой, будто кто-то взывает о помощи. И вот уже я чувствую на своем лбу первые капли дождя. Мне приходится встать и идти, чтобы не быть застигнутым ливнем, но я не успеваю этого сделать. В облаках гневается Перун, бросая свои молнии и показывая нрав. Я весь промокаю до ниточки... Крупные капли разбиваются о мою, наголо выбритую, голову и сползают вниз, пробегая по лицу. Может быть это слезы моей Родины?! Я смотрю вокруг, но все так быстро поменялось за это время. Нет той Природы, нет тех белых лиц моего народа. Кирпичные высотки стали серыми от дождя, а глина и земля превратилась в грязь, как превратилось в грязь все то, что меня окружает. Я смотрю на прохожих и вижу в них инородцев, которые строят на моей Земле свои храмы и хоромы. Я вижу, как их традиции нагло навязываются и вымещают наши. Я просто вижу их наглость и безнаказанность во всем, а их везде. Мне все реже встречаются лица моего народа, Рода, Расы... Я не вижу того задорного смеха радости белых детей, их заменила печаль и боязнь. И, что самое печальное, реже вижу их самих. Мультирасовое смешение изживает генотип моего народа, а вместе с этим наполняет разными болезнями мою Землю. Я вижу, как все, что мне так дорого летит в пропасть. Все готово исчезнуть в один миг. Большинство народа ослеплены вспышками подмененных ценностей, а те, кто способен понимать всю сложившуюся трагедию опустили руки и предпочли остаться безучастными. Но разве я могу позволить это себе?! И вот я вижу тех немногих, кто так же готов восстать и отдать все свои силы за светлое будущее. Тех, кто готов протянуть руку помощи родной Земле. Кому не безразлична судьба своей Родины и Расы. И мы уходим туда, в неизвестность, бросая свою молодость на чашу весов слепой Фемиды, а жизни на волю Богов. Мы безвозмездно отдаем себя и наши судьбы, изо дня в день, бросая вызов врагам.

Сердечно благодарю за помощь Николая М. и К. Вестейн.